

81.203

525336

С 69

А

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК
ПОЧЕТА» НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ
И ЭКОНОМИКИ

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ
ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИ**

Черкесск 1985

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК
ПОЧЕТА» НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ
И ЭКОНОМИКИ

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ
ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ**

Черкесск 1985

Социалистический образ жизни и языковые отношения в Карачаево-Черкесии: Сборник статей. — 220 с.

Редакционная коллегия: Гочияева С. А., Хабичев М. А. (ответственный редактор), Шишканова А. В.

525336

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развитие социалистического образа жизни в советском обществе связано с возрастанием потребности советских людей в свободном владении русским языком, как и родными языками народов СССР. Русский язык дал возможность ранее отсталым народам нашей страны овладеть марксистско-ленинской идеологией, приблизиться к мировым достижениям научно-технической и общественной мысли. Последовательное осуществление КПСС ленинской национально-языковой политики на всех этапах социалистического строительства является важнейшей реальностью советской действительности.

В проекте новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза говорится, что «и в дальнейшем будет обеспечиваться свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами СССР родных языков. Вместе с тем овладение, наряду с языком своей национальности, русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры»¹. Абсолютное большинство нерусского населения нашей страны свободно владеют русским языком как вторым родным языком. Двадцать три миллиона человек изучают русский язык за рубежом.

Советский народ как многонациональная общность обслуживается 130 языками, поэтому главными признаками современных языковых отношений являются следующие: 1) эффективное использование национальных языков как важного средства развития культуры и духовной жизни народов; 2) добровольное и осознан-

---

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция), проект, Политиздат. М.: 1985 с. 45.

ное усвоение всеми народами СССР русского языка как языка межнационального общения; 3) изучение проблем функционирования русского и родных языков в различных сферах общения; 4) исследование языковых контактов, процессов взаимовлияния и взаимообогащения языков народов СССР на всех уровнях системы языков под благотворным влиянием русского языка.

Предлагаемый читателям сборник подготовлен лингвистами Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики совместно с другими учеными, работающими в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае, и является первой попыткой исследовательского освещения вопросов влияния русского языка на языки народов КЧАО. Подготовленные материалы свидетельствуют о том, что активно протекающие в Карачаево-Черкесии процессы взаимообогащения в области языков происходят на всех уровнях (в лексике, словообразовании, грамматике, стилистике).

Авторы надеются, что материалы данного сборника могут быть использованы в вузовской и школьной практике преподавания языков, будут содействовать интернациональному воспитанию учащейся молодежи.

Редколлегия.

УСЛОВИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

1. Начальные этапы (1924—1937).

Проблемы языка и общества на протяжении многих веков привлекали человеческую мысль, интересовали выдающихся деятелей всех стран. Однако только марксистско-ленинская идеология подняла значение языка на уровень важнейшего фактора социального прогресса, духовного и культурного возрождения общества. Определив язык как действительность сознания и как важнейшее средство человеческого общения¹, основоположники марксизма-ленинизма отводили языку значительное место в теории социалистического и коммунистического строительства.

Полное равноправие языков и наций, свобода их развития стали программой деятельности партии в области языковых отношений, начиная с истоков формирования социалистического общества. Для претворения в жизнь такой программы, как известно, потребовались не только годы. Идеи Коммунистической партии о равенстве языков были неразрывно связаны с идеями о равенстве народов. В дореволюционный период они встречали отчаянное сопротивление со стороны колониалистской идеологии царизма, так как развитие языков означало развитие самих народов, рост их самосознания, стремление к освобождению от колониального ига, от эксплуатации. Вот что писал «Журнал министерства народного просвещения» за 1867 год: «Утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школы и вы тем самым (страшно выговорить!) утвердите и разовьете соответствующую на-

родность»². Для партии же большевиков вопрос о языковых отношениях был частью национального вопроса, а национальный вопрос, как известно, был частью борьбы пролетариата за свержение капитализма в России и построение социалистического общества. Вот почему такое огромное место занимают вопросы языка и языковых отношений в теории вождя мирового пролетариата В. И. Ленина³. Через все работы В. И. Ленина, касающиеся вопросов языковых отношений и языкового строительства, проходит мысль о равноправии языков, о их роли как важного фактора сплочения и организации масс, приобщения всех наций и народностей к активной революционной борьбе, к совместной государственной, общественной, культурной и производственной деятельности в многонациональном государстве при социализме.

Марксистско-ленинское учение о языке было претворено в жизнь после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Планомерное претворение в жизнь ленинской языковой политики, как и всей ленинской национальной политики, проходило с учетом особенностей социально-экономического развития каждой нации и народности, формирования ее культурного и бытового уклада на протяжении предшествующих эпох. В этом смысле языки коренных народностей Карачасво-Черкесии закономерно были отнесены к числу тех языков, функции которых на протяжении всей истории их существования ограничивались обслуживанием примитивного уровня хозяйственных и общественных отношений. Словарный фонд их был беден, он ограничивался названиями предметов быта, явлений окружающей среды, обрядовой, мифологической, религиозно-мистической и т. п. лексикой. Сказывалась не только общая отсталость народов, но и тот факт, что они подошли к социализму в основном с феодальным укладом жизни, неразвитостью капиталистических отношений, что естественным образом отражалось на уровне их культурного развития. Отсутствие письменности, школ, печати на родном языке, почти поголовная безграмотность были их уделом вплоть до установления Советской власти. Об этом говорят факты: на территории нынешней Карачасво-Черкесии накануне Октября действовало всего 37 школ⁴, большей частью с двух-трехклассным обучением духовной грамоте, светские шко-

лы были редкостью, не было ни одного специального учебного заведения. Грамотность среди горского населения достигала лишь 4 — 6 процентов⁵. Ныне в Карачаево-Черкесии функционирует около 200 школ, 6 средних учебных заведений, 2 вуза, ряд научных учреждений. Карачаево-Черкесия — область сплошной грамотности.

В отличие от многих народов мусульманского Востока до революции здесь не получило широкого распространения и арабское письмо. Это имело положительные результаты. Ибо арабское письмо, как известно, насаждалось мусульманским духовенством, которое, преследуя реакционные цели разобщения народов, наводняло языки чуждыми им фарсизмами и арабизмами. Таким образом, в отличие от языков, которые в силу большего распространения духовного образования и обучения в школах на арабской графике (азербайджанский, татарский), исследуемые языки не подвергались столь значительному влиянию арабской лексики. Многие слова арабо-персидского происхождения, бытующие в языках карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев издавна (напр. карач. — *адеб, намыс, мурад, дуня, китаб, сагъат*; черк. — *Гэ-дэб, намыс, мурад, дуней, китаб* (рел.), *сыхъэт*; абаз.— *адаб, намыс, мурад, дуней, кьтап* (рел.), *сахлат*; ног.— *аьдеп, намыс, мырат, дунья, китап, сабат* и др.) стали общим достоянием этих языков и осознаются как часть их общего лексического фонда, сформировавшегося за длительный период совместного проживания. Из изложенного следует, что низкий уровень социально-экономической жизни и связанная с ним ограниченность функций исследуемых языков в дописьменный период сферой устного общения исключала возможность сколько-нибудь значительного развития их лексического и грамматического строя.

Развитие языков и языковых отношений в Карачаево-Черкесии в советскую эпоху связано с важнейшими этапами экономического, политического и культурного развития ее народов в условиях социалистического и коммунистического строительства. Исходя из этого, за первый и начальный этап развития языковых отношений следует принять период с 1924 по 1937 годы.

Тенденции языковых отношений в этот период определились организацией в целом всего языкового стро-

ительства. Началом подлинного возрождения языков стало обретение письменности. Это же и стало началом активизации их функциональной стороны. Создание письменности (карачаевцы, черкесы — 1924, ногайцы — 1928, абазинцы — 1932 г.) явилось необходимым условием проведения культурной революции, роста политического сознания трудящихся, без чего трудно было представить их дальнейшее единение, продвижение по пути социалистического и коммунистического строительства. В. И. Ленин писал: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке⁶», а также указывал на закономерность связи общего подъема «культуры и знания с наболевшими экономическими нуждами...»⁷ Роль важнейшего фактора экономического, политического и культурного развития была отведена родным языкам ранее отсталых народов и решениями X съезда партии как средства, с помощью которого они могли более свободно получать образование, вести общественные и государственные дела, что было особенно важно для начальных этапов социалистического строительства. Поэтому создание письменности и школ на родных языках, обеспечение их учебниками и учебными пособиями, оперативное решение вопросов алфавитов, орфографий, изучение грамматического строя языков — эти вопросы решались на уровне государственных задач с первых дней установления Советской власти. Об этом говорят факты и по Карачаево-Черкессии. Уже в 1922-23 уч. году на цели народного образования было ассигновано 200 тыс. руб., а в 1925-26 уч. году 370 тыс.⁸ К концу восстановительного периода в области функционировало 102 школы⁹. Вопросами создания и совершенствования письменности при направляющей помощи головных организационных центров (ВЦКНА при ВЦИК СССР, Комиссия по изучению племенного состава населения России Российской Академии наук, Ученый совет по изучению народов РСФСР и др.) занимались видные общественные деятели и просветители из среды самих народов. Это карачаевец Умар Алнев, черкес — А. Тлюняев, абазин — Т. Табулов, ногаец — А. Джанибеков и др. Им принадлежит заслуга создания первых учебников, букварей, книг для чтения для взрослых и детей. Создание письменности в целом послужило и началом активизации языковой жизни в среде ранее бесписьменных народов

Карачаево-Черкесии. Толчком к пробуждению языковой жизни народов области, к расширению общественных функций языков явилось и создание газет на родных языках в 20-х — начале 30-х годов. Связанные с этим функциональные сдвиги открыли путь к процессам структурных изменений в языках и в первую очередь развитию терминологической лексики, зарождению и развитию функциональных стилей — прежде всего стиля публицистики и художественной литературы. Складывавшиеся социалистические отношения в экономике, культуре, быту, единые для всех равноправных народов мероприятия партии в области просвещения и народного образования определяли пути дальнейшего развития языков и языковых отношений и в Карачаево-Черкесии.

Формированию общих тенденций в языковых процессах способствовала развернувшаяся в 20—30 годы переводческая работа. Огромное политическое, социальное и идеологическое значение имели переводы с русского на национальные языки. Это была литература общественно-политическая, сельскохозяйственная, медицинская, научная, педагогическая, художественная. Партия привлекала к переводческой деятельности на местах лучших представителей национальной интеллигенции, партийно-советских работников, специалистов в области самых различных отраслей знаний, хотя тогда в среде многих народностей СССР их было довольно мало. Общественно-политический смысл переводческой работы заключался и в том, что переводы активизировали языковую жизнь ранее бесписьменных народов, пробуждали навыки языкового и литературного творчества. Вместе с переводами в языки входили новые слова, новые модели словообразования, словосочетаний, развивались собственные средства языков, развивалось калькирование. К этому периоду относится вхождение в язык новейших понятий, которые активно пополняли их лексику путем прямого заимствования или калькирования: революция, митинг, собрание, борьба, буржуазия, диктатура, пролетариат, конституция, Красная Армия, красное знамя, равенство, равноправие, ленинская национальная политика, Советская власть, активист, председатель, обком, облисполком, выборы, трудящиеся, букварь, галстук, культура, печать, индустрия, станция, математика, география, история, радио, кино, пятiletка, план, знание, литература и т. д. Эти слова

входили разными путями в национальные языки, однако суть заключалась в том, что они закладывали фундамент терминологической общности и становились единым достоянием всех языков. Таким образом, процессы развития общественной жизни и культуры, с одной стороны, и языков—с другой, становились взаимобусловленными, взаимно активизировались.

Следует заметить, что культурная революция в 20—30-х гг. проходила в условиях продолжающейся классово-вой борьбы, преодоления и ломки феодально-патриархальных устоев в быту, влияния реакционной идеологии ислама. Скажем сразу, что это не могло не отражаться и на языковых отношениях. Нет сомнения в том, что на начальных этапах развития языковых отношений (1924—1937 гг.) имели место и архаистические, пуристические тенденции. Об этом говорят слова и термины, встречающиеся в изданиях тех лет, но не получившие дальнейшего распространения, оказавшиеся отвергнутыми самой жизнью. Это, например, арабизмы, не бытовавшие в языках народов области ранее, но тогда проникавшие в орбиту печатной продукции: *адабият* «литература», *маркизи комитет* «центральный комитет», *дефтер* «тетрадь», *инкылыб* «революция», *маданият* «культура» и др. Конечно, тенденция к восполнению отсутствующих в языках терминов арабизмами объяснялась не только влиянием мусульманской религии. Дело было и в том, что часть горской интеллигенции тех лет состояла из лиц, в прошлом обучавшихся в духовных училищах и семинариях (в Баку, Казани, Симферополе и др.). Став в ряды строителей новой жизни, активных пропагандистов идей советской власти, они прибегали к собственному багажу знаний и применяли арабскую лексику и терминологию. О проявлении этих тенденций в карачаевской культуре А. Караева пишет: «Формирование карачаевской советской культуры на первых порах столкнулось с необходимостью преодолеть инерцию мусульманского образования, во-первых и недооценку родного языка, во-вторых»¹⁰. Имели место и пуристические тенденции, которые порой приводили к казусным явлениям: избегая неологизмы и стремясь обозначать новые понятия средствами только родного языка, отдельные авторы и переводчики прибегали к употреблению родных слов без полного учета их лексико-семантических признаков и способности

выражать содержание новых понятий. Так, в карачаево-балкарском языке в публицистической и художественной литературе до 1935 г. для обозначения понятия *кулак* в значении «богач», «собственник» применялось слово «джумдурукъ», которое в данном языке имеет одно прямое значение — «кисть руки со сжатыми пальцами»¹¹. Конечно, здесь была попытка совместить в слове и значение «эксплуататор», «насильник». Но русское слово «кулак» и кар.-балк. «джумдурукъ» не оказались эквивалентными, «джумдурукъ» не приобрело переносного значения, как русское «кулак» и не привилось в языке в новом значении. Язык принял широко бытующий тогда во всех языках термин *кулак* — «богатый крестьянин — собственник, эксплуатирующий батраков, бедняков». С пуристическими тенденциями были связаны и другие явления массового калькирования, что иногда тормозило процессы заимствования и мешало использованию собственных ресурсов самобытных языков. Однако жизнь брала свое. Коренные социальные изменения в жизни народов области, развитие культуры, просвещения, литературы и искусства делали закономерными крупные функциональные сдвиги в языках, открывали новые возможности для их семантического развития.

Уже в 30-е годы на родных языках значительно развилась художественная литература, появились первые романы и повести, стихи и поэмы. Функционировали книжные издательства в Карачае и Черкесии. «На языках местных национальностей публиковались произведения классиков марксизма-ленинизма, важнейшие партийные документы, учебно-педагогическая, политическая и художественная литература, делались переводы русской классической литературы. К 1934 году на карачаевском языке было издано 250 названий книг общим тиражом 560,5 тыс. экземпляров»¹². В Черкесске и Микоян-Шахаре работали учительские институты, которые готовили и учителей родных языков. С 1932 г. стали разворачивать свою деятельность НИИ истории, языка и литературы. Общественно-политический смысл этих и многих других факторов, кроме всего прочего, заключался и в активизации языковой жизни ранее бесписьменных народов, в приобретении ими навыков языкового и литературного творчества. Новый строй — это новые явления, новые факты и со-

бытия, новые объекты, новые мысли, взгляды и отношения людей. Из всего этого складывался опыт установления и упрочения советской власти, опыт строительства социализма. Упрочить этот опыт помогали и родные языки, слова и выражения, сочетания и предложения, которые, становясь номенклатурой названий и понятий, связанных с новым строем, одновременно обогащали сами языки.

Таковы основные черты развития языковых отношений в Карачаево-Черкесии на первоначальных этапах социалистического строительства. Следующий этап примерно охватывает 1938—1959 гг. Это был новый период социально-экономических, политических и культурных преобразований в Карачаево-Черкесии. К этому времени, как известно, вместе с победой социализма в основном было ликвидировано фактическое неравенство у народов области, победил колхозный строй, открылись новые перспективы развития культуры. Новые задачи в области культуры были выдвинуты решениями XVIII съезда ВКП(б), в которых было предусмотрено завершение всеобщего среднего образования в городах и неполного среднего в сельской местности. В результате их претворения в жизнь к 1940 г. в Карачаево-Черкесии функционировало 99 школ, в которых обучалось свыше 20 тыс. учащихся¹³. Грамотность достигала 80 процентов. Росли ряды учителей из коренных национальностей, к указанному периоду их число доходило до 900 чел.¹⁴. Новый импульс развитию народного образования дал переход письменности на русскую графическую основу, что представляло собой новый скачок во всем культурном строительстве. С учетом огромной тяги нерусских народов к овладению русским языком повсеместно вводилось преподавание русского языка в школах, чему, безусловно, способствовало и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Приобщение народов области к русскому языку становилось важнейшей предпосылкой их всестороннего расцвета, повышения их духовной культуры, развития творческих способностей. Этому способствовало и открытие в 1940 г. в Микоян-Шахаре Карачаево-Черкесского госпединститута. Усиливались процессы взаимодействия языков, чему способствовало и дальнейшее развитие издательского и

газетного дела. В 1938—1941 гг., в области издавалось 6 областных и свыше 10 районных газет на русском и национальных языках¹⁵. Все это пробуждало творческий энтузиазм, новые силы вливались в литературу, в целом активизировалась литературно-художественная деятельность, в чем немалую роль играло приобщение к русской литературе, знакомство с произведениями Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева и др. Под влиянием этих факторов шло дальнейшее развитие национальных языков, формирование литературных норм и функциональных стилей в них. Таким образом, уже в начальном периоде второго этапа (1938—1941 годы) в развитии языковых отношений определились такие главные тенденции, как дальнейшее развитие общественных функций национальных языков и в связи с этим всестороннее развитие их самих — с одной стороны, и усиливающаяся тенденция к овладению русским языком — с другой. Новый расцвет эти направления получили в 40—50-х годах. Даже в самые трудные годы войны партия не снимала с повестки дня вопросы просвещения народов, развития их культуры и языков. Об этом говорят многие факты. Так, в 1944 году в г. Черкесске была открыта областная национальная школа, которая в дальнейшем много сделала для развития культуры народов, подготовила к жизни многих деятелей литературы, науки и просвещения, тем самым повлияв на восстановление и развитие творческой жизни, развитие языков и языковых отношений.

В трудные годы восстановления народного хозяйства решался и вопрос об улучшении преподавания русского языка «В 1947-48 учебном году во всех 39 нерусских школах были созданы подготовительные классы. В 1951-52 учебном году областной отдел народного образования увеличил количество часов по русскому языку во всех классах нерусских школ»¹⁶. Роль и значение русского языка с новой силой были прочувствованы всеми народами в годы войны — чувство единства духа в деле защиты завоеваний Октября, дружба народов, крепившаяся в боях, дали возможность глубже осознать силу единого языка общения для всех народов страны. С учетом желания самих народов и стремления к знанию русского языка в Карачаево-Черкесии строились в дальнейшем система народного образования, культурно-просветительская работа и дело-

производство. Однако развитие национальной культуры, использование национальных языков в духовном формировании, в коммунистическом воспитании трудящихся КПСС по-прежнему относилась к важнейшим факторам национально-культурного строительства и на этом этапе.

Большое внимание обращалось на подготовку кадров учителей по родным языкам и литературам. Значительный вклад в это дело в рассматриваемый период внесли Черкесский учительский институт, Черкесское педагогическое училище. Их выпуски пополняли не только ряды учителей родных языков, но и способствовали росту журналистских кадров, играли большую роль в развитии родных языков. Вместе с тем возросший образовательный уровень, усвоение основ общего языкознания, более глубокое изучение русского языка способствовали углубленному пониманию и изучению закономерностей родных языков, росту профессионального мастерства литераторов, писателей, журналистов и др. Заметную помощь в этом деле оказывали Областной НИИ истории, языка и литературы, Институт усовершенствования учителей при Облопо, областная писательская организация. Под влиянием этих органов совершенствовалось в эти годы преподавание родных языков и литератур в школах, повышалось качество учебников по родным языкам, улучшалась организация научного изучения языков, возникали отдельные отрасли языкознания.

Большое место приобретает в эти годы лексикографическая работа. Растущий интерес к русскому языку повысил потребность в русско-национальных и национально-русских переводных, терминологических и других словарях. Их издание в 50—60-е и далее в 70—80-е гг. приобрело большую общественную значимость, словари явились важным вкладом в развитие культуры и просвещения народов области. В отличие от предшествующего этапа в 50-е годы примечательным является наметившаяся тенденция к более аналитическому отбору терминологии в языках. Хотя в целом в этот период разноречивой в употреблении терминов и терминотворчество продолжают иметь место, вместе с тем прослеживается путь к более осмысленному выбору терминов, поиски близких лексико-семантических аналогов для

отражения сути понятий. Эта тенденция совершенствуется в последующие этапы, о чем будет сказано ниже.

На этом этапе примечательным становится массовое приобщение нерусского населения области к русскому языку, тяга к его знанию и пользованию им. Если в 20—30 гг. знание русского языка осознавалось больше в разрезе потребности общения и удовлетворения культурно-бытовых запросов, то в послевоенный период потребность в знании русского языка и его усвоении получает широкий общественный характер. Если раньше потребность в знании русского языка осознавалась наиболее передовыми слоями нерусских народностей, то в 40—50 гг. она становится массовой. Этому содействовали расширившиеся экономические, политические и культурные связи между народами страны, окрепшие в боях и труде дружественные отношения между ними, нарастающий технический прогресс, потребность в овладении новыми профессиями и специальностями. Сбывалось то, что предвидел В. И. Ленин, говоря о том, что потребности экономического развития «сами определяют тот язык, знать который большинству выгодно...» Как и все нерусские народности, карачаевцы, черкесы, абазины и ногайцы глубоко убедились в том, что путь к дальнейшему экономическому и культурному процветанию лежит через знание русского языка. Широкому распространению русского языка способствовало дальнейшее развитие народного образования, развитие сети школ, средних учебных заведений, профессионально-технического образования, открытие вновь в 1957 г. Карачаево-Черкесского государственного педагогического института с филологическим факультетом, развитие библиотечного дела, полная радиофикация городов и сел, появление телевидения.

Таким образом, 1938—1959 годы, принятые нами за второй этап в развитии языков и языковых отношений в Карачаево-Черкесии, заложили основу формирования новых направлений в языковой жизни народов области, главные из которых следующие: 1) дальнейший расцвет национальных языков, их обогащение в связи с взаимодействием с русским и другими языками: развитие словарного фонда, дальнейшая активизация морфологических, синтаксических и стилистических возможностей, установление литературных норм, унификация ор-

фографии и терминологии, становление науки языкознания; 2) массовое приобщение народов области к великому русскому языку, возрастание его прогрессивной роли в их политической, экономической и культурной жизни, в духовном развитии и овладевании ценностями русской классической и мировой культуры и, наконец, формирование черт билингвизма, превращение русского языка во второй родной язык для каждого гражданина нерусской национальности и др.

II. Некоторые итоги развития языковых отношений в Карачаево-Черкесии на современном этапе

Результаты развития языковых отношений в Карачаево-Черкесии в современных условиях (60—80 гг.) требуют специального изучения, ибо они многообразны и многоаспектны. С одной стороны, они отражают опыт языкового строительства в среде ранее бесписьменных народов в предшествующие этапы социалистического строительства. А с другой, в их основе лежат глобальные политические, социально-экономические и культурные преобразования в стране, связанные с возрастанием ее роли и могущества в мировом масштабе и претворением в жизнь научно-технической революции, а также те поистине эпохальные изменения в материальных условиях, социальном строе, в быту, культуре и сознании народов СССР, которые связаны с дальнейшим совершенствованием социалистического строя и построением развитого социалистического общества. Главными направлениями развития языковых отношений в указанных условиях стали расцвет языков народов СССР, массовое овладевание ими языком межнационального общения — русским языком, обретение в нем такого феномена, как второй родной язык. В числе основных экстралингвистических факторов, обусловивших ускоренное развитие указанных направлений, в первую очередь следует отметить усилившуюся в рассматриваемый период тенденцию к всестороннему сближению самих народов, к взаимодействию и взаимовлиянию их культур, чему способствовали их постоянные все расширяющиеся контакты в труде, быту, учебе, совместное решение общих народнохозяйственных, политических и идеологических задач. Таким

образом, можно смело утверждать, что в основе глобальных процессов, происходящих в языковой жизни народов Карачаево-Черкесии в рассматриваемый период лежит, прежде всего, взаимодействие культур всех народов страны, их языков, обогащающее влияние культуры русского народа, русского языка.

Одной из важных черт языковых отношений в указанный период, как отмечено выше, является расцвет национальных языков под влиянием конкретных условий функционирования, открывших возможности для использования их собственных ресурсов и обретения новых структурных признаков. Непосредственными факторами их функционального и структурного расцвета и на этом этапе оставалось развитие культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, интернационалистской по духу, и в первую очередь, развитие литературы, искусства, печати на национальных языках, преподавание родного языка и литературы в школе, в средних и высших учебных заведениях педагогического уклона, функционирующих в области, развитие науки языкознания, повышение культуры устного общения на национальных языках, рост образовательного уровня и интеллектуализация сознания и др. Все это объективные результаты претворения в жизнь ленинской языковой политики и языкового строительства. Однако, речь идет о том, что в новых условиях, сложившихся на этапе развитого социализма, все эти факторы по-новому влияли на развитие языков и языковых отношений. Особое место в числе факторов, активизировавших расцвет национальных языков, занимает развитие на них периодической печати, качественные изменения, которые она претерпела под влиянием всей советской периодики, особенно русской. Известно, что печать на языках народов СССР является тем средством, с помощью которого достигается выравнивание общественных функций языков, возникают общие пути совершенствования стилей, структурных изменений внутри языков. Указанное в полной мере относится и к печати на языках народов Карачаево-Черкесии и, как отмечает Н. А. Баксаков, говоря о печати малых народностей Кавказа, она стала частью советской периодической печати, которая «объединилась на основании общих принципов коммунистической партийности, народности, определивших ее идеологическую целост-

ность, общность ее целей и задач, главной из которых явилась, по замыслу В. И. Ленина, задача сделать печать «орудием социалистического строительства»¹⁷. Можно смело утверждать, что 60—80 годы стали переломным этапом в развитии периодической печати на национальных языках в Карачаево-Черкесии (ныне это газеты: на карачаевском языке — «Ленинин байрагы», на черкесском — «Ленин нур», на абазинском — «Коммунизм алашара», на ногайском — «Ленин йолы», а также ведущиеся на этих языках радиопередачи). И это не только в том, что она под влиянием всей советской периодики стала многотемной, многожанровой, отличается глубиной публикаций, повысилась ее читаемость и эффективность. Примечательно то, что ее развитие в тесном взаимодействии со всей советской периодикой создало особо позитивные условия для унификации норм языков и проложило путь к формированию общности в их внутривидовом развитии. Одновременно развитие печати на языках в условиях тесного взаимодействия культур всех народов ускорило процессы обогащения словарных фондов каждого из языков, развивало у них собственные средства словообразования, унифицировало нормы калькирования, стимулировало морфологические и синтаксические возможности языков.

Как известно, структурные изменения происходят прежде всего на уровне лексики языков. В данном случае речь идет об изменении словарного состава языков Карачаево-Черкесии, о его значительном пополнении и обогащении и, главное — о формировании общего лексического и терминологического фонда под влиянием условий функционирования в группе соседствующих языков — русского, карачаево-балкарского, кабардино-черкесского, абазинского и ногайского. Это являет собой один из главных интралингвистических факторов, которые сложились к современному этапу на основе накопленного за предшествующие этапы опыта языкового строительства и тех внутренних структурных изменений, которые произошли в языках под влиянием расширения их общественных функций. Известно, что указанные языки генетически относятся к разным языковым группам — славянской, тюркской, абхазо-адыгской, отдаленным по структуре и лексическому составу. Однако идентичность условий бытования и про-

цессов употребления языков в течение нескольких десятков лет, общность условий социально-экономического, политического и культурного развития их носителей, одинаковые процессы, протекающие в быту и сознании, привели к формированию общностей в языковом развитии и, прежде всего, общего слоя лексики, общих путей совершенствования грамматического строя, обогащения и обновления фразеологических систем и др. «В условиях равноправия, дружбы и взаимодействия братских социалистических наций их языки приобретают еще одну важную особенность: совершенствуя свою внутреннюю структуру, самобытные национальные формы выражения, они в то же время вырабатывают у себя и развивают «черты общности, особенно в терминологии, фразеологии, в понятийном фонде, в образных средствах передачи научных, интеллектуальных, эмоциональных, эстетических и т. п. понятий современной цивилизации, особенно того нового, что рождено социалистической действительностью, общностью характера процесса развития»¹⁸. В рассматриваемых языках эта общность прослеживается прежде всего в возникновении единого лексического и терминологического фонда. Речь не идет только о том, что каждый из указанных языков за годы советской власти обогатился новыми словами, значительно пополнился его словарный фонд. Об этом много писалось и пишется. Речь идет об образовании общих для ряда языков пластов лексики, об общности путей взаимодействия языков, общих закономерностях взаимного проникновения лексических элементов и терминов, вхождения их в систему заимствующего языка и участия в целом в процессах сближения языков.

Итак, в основе образования языковых общностей лежит взаимодействие языков. В основе формирования общего слоя лексики в современных языках Карачаево-Черкесии лежит их взаимодействие прежде всего с языком межнационального общения — русским языком.

В языках народов области издавна существует общий слой лексических заимствований, сложившихся под влиянием их взаимных контактов, в том числе и контактов с русским населением. Эти слова отражают в основном бытовую и хозяйственную сферу. Они вошли из русского языка в национальные еще в дореволюционный период: печь, стакан, чай, чайник, кирпич,

самовар, коридор, мешок, жаркое, духи, кофта, конфет, капуста, фонарь и др. В силу общей безграмотности населения, отсутствия письменности, узости сферы общения с русским народом и недоступности русского языка в дореволюционную эпоху эти слова входили в языки, претерпевая значительную интерференцию и в современных языках в большинстве случаев бытуют в облике, соответствующем фонетической системе заимствовавшего языка. Тем не менее эти слова представляют часть общего лексического фонда указанных языков. Интересно отметить, что в советский период в устной речи карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев бытует большое количество русских слов вспомогательного значения: совсем, значит, только, просто, так, понимаешь, вот, ну, например, давай, честное слово, интересно и другие. В речи старших поколений они подвергаются интерференции, а молодежь использует их в соответствии с нормами русского языка. Процесс активного пополнения словарных фондов национальных языков вспомогательной лексикой русского языка весьма продуктивен и ныне.

Объективные условия для формирования языковых общностей в Карачаево-Черкесии открылись под влиянием таких главных движущих факторов, как расширение общественных функций национальных языков и взаимодействие языков в процессах складывания единых условий жизни, быта и культуры народов области. Наиболее наглядно это прослеживается на примере формирования единого терминологического фонда в области общественно-политической лексики изучаемых языков. С одной стороны, это явление отражает закономерности развития языков и языковых отношений в целом во всей стране. С другой, это подтверждает тот факт, что наиболее активно и наиболее плодотворно процессы формирования языковых общностей происходят в многонациональных регионах, примером чего является и Карачаево-Черкесия. Известно, что к настоящему времени в языках народов области сложилась новая, ранее почти не существовавшая отрасль лексики — общественно-политическая терминология¹⁹. В данном случае, интерес представляет изучение закономерностей ее формирования, которые оказываются общими для ряда соседствующих языков. Большой материал для такого изучения дает прежде всего анализ

языка средств массовой информации — газет, радио, общественно-политической, публицистической, научной литературы. Если судить по тому, что эта часть лексики является новейшей в языках, что она значительно пополнила словарный состав языков и во многих отношениях отодвинула в область архаистической значительную часть бытовой терминологии, то факт зарождения и утверждения в языках такого количества новых слов за относительно короткие сроки говорит о темпах развития самих народов, о гигантских скачках в их социальной, экономической, политической и культурной жизни в условиях социалистических отношений, об их духовном и интеллектуальном возрождении. С другой стороны, обнаруживаемая общность в путях формирования этого слоя лексики убедительно подтверждает факт выравнивания языковых уровней под влиянием факторов общественного развития в целом. Из чего же складывается терминологическая общность в сфере общественно-политической лексики языков Карачаево-Черкесии? Предварительный анализ дает возможность сделать следующие выводы в этом направлении:

1. Общественно-политическая терминология составляет 25—30 процентов всей употребительной лексики языка средств массовой информации у всех народов области.

2. Языки народов области — яркое доказательство того, что «70—80 процентов новых общественно-политических и научно-технических терминов относятся к общему словарному фонду языков СССР»²⁰.

3. В основе терминологической общности лежит взаимодействие, в первую очередь, с языком межнационального общения — русским языком, который является источником и посредником заимствования новых терминов и терминологических выражений, вхождения в систему национальных языков новых понятий, активизации новых средств словообразования, новых элементов речевой конструкции и др.

4. Общим и наиболее распространенным для всех четырех языков является способ прямого заимствования. Этим путем возник и сложился единый для всех языков слой лексики, представляющий собой названия общественных явлений, конкретных предметов научно-технической сферы, объектов промышленного и хозяйст-

венного назначения, новых понятий из области культуры, литературы, искусства и т. д. Так, во всех четырех языках народов области — карачаево-балкарском, кабардино-черкесском, абазинском и ногайском одинаково бытуют русские и интернациональные слова: партия, газет(а), революция, фабрика, завод, командир, комсомол, конституция, пролетариат, политика, агитация, агитатор, пионер, ансамбль, больница, касса, поэзия, инженер, техника, станция, комбайн, радио, телефон, трактор, делегат, колхоз, совхоз, кино, театр, костюм, шофер, мастер, промышленность, артель, бригада, звено, премия, поезд, тонна, центнер, миллион, класс, самолет, мотор, армия, дивизия, погон, полковник, бетон, цемент, выставка, космос, космонавт, контроль, коллектив, механик, ревизия, спутник, ферма, совет, социализм, машина, школ(а), тетрадь, ручка, перо, клуб, электричество, съезд, плап, депутат, митинг, директор, база, летчик, физика, химия, агроном, институт, университет, студент, телеграмма, телевизор, диван, шифер, газ, бензин, автобус, синтетика, кабинет, хрусталь, сервиз, сервант, силос и др.

Примечательным является факт значительного ослабления процессов интерференции, стабилизация устойчивого употребления терминов в соответствии с нормами их бытования в русском языке. Даже те слова, которые в 20—30-е годы входили в языки, подвергаясь интерференции, уже в современных языках устойчиво употребляются в правильной форме. Так, в карачаево-балкарском языке первоначально была тенденция употреблять слова «социализм», «коммунизм», «марксизм» в форме «социализма», «коммунизма», «марксизма». Например, вместо *социализм къуурагъа* — «строить социализм» употребляли «социализма къуурагъа». Таких явлений в современных языках наблюдается меньше, усиливается тенденция к заимствованию в правильной форме.

5. Активным средством образования общественно-политической терминологии в национальных языках явилось калькирование, т. е. образование новых слов на базе русской и интернациональной лексики с помощью лексических и грамматических элементов родных языков. Основными и общими для всех языков типами калек являются:

- 1) калькирование с формальными изменениями —

с сохранением всей основы термина или терминологического сочетания и изменением лишь формальных признаков: приобретением нового окончания, присущего заимствующему языку, или его усечением. Эта форма калькирования наблюдается в сфере терминов — прилагательных.

Например:

в каб.-черк.: «пролетарский» — *пролетарскэ*, «промышленный» — *промышленнэ*, «производственный» — *производственнэ*, «международный» — *международнэ* и др.; в кар.-балк.: «экономический» — *экономика*, «революционный» — *революцион*, *революция*, «пролетарский» — *пролетар*, «добровольный» — *добровольна*, «промышленный» — *промышленность* и др.; в абаз.: «прогрессивный» — *прогресс*, «комплексный» — *комплекс*, «советский» — *совет*, «художественный» — *художества*, «юридический» — *юрист*, «практический» — *практика* и др.; в ног.: «дипломатический» — *дипломатлык*, «депутатский» — *депутатлык*, «пионерский» — *пионер*, «плановый» — *план*, *планлы*, «общественный» — *обществолык*, «коммунистический» — *коммунистлык* и др. К этой группе терминов-калек относятся и терминологические сочетания, компоненты которых в основе не меняются, или претерпевают частичные формальные изменения. Например: «политическая демонстрация» в каб.-черк. *политическэ демонстрацэ*, в кар.-балк. *политикалы демонстрация*, в абаз. *политика демонстрация*, в ног. *политикалык демонстрация*.

2) Термины-полукальки. Под эту группу объединяются терминологические сочетания и выражения, где в основе калькируемого термина сохраняется один или два стержневых слова из языка — источника, а в целом сочетание или выражение формируется с помощью знаменательных или вспомогательных средств, а также грамматических формантов заимствующего языка. Имеются в виду такие типы терминологизированных сочетаний, как: каб.-черк. *зызыужьва социализм* — «зрелый социализм», *советскэ народым и идейнэ экъуэтыныгъэ* — «идейное единство советского народа», *идейнополитическэ гъэсэнныгъэ* — «идейно-политическое воспитание»; кар.-балк. *ёсюмлю социализм* — «зрелый социализм», *совет халкъны идея бирлиги* — «идейное единство советского народа», *идея политика юретиу* — «идейно-политическое воспитание» и др.; абаз. *история*

тлахан — «историческая эпоха», *апартия аистория шак-выргырлакwa* — «исторические решения партии», *марксист диалектика амаль* — «марксистский диалектический метод», *совет жвлара* — «советское общество» и др.; ног. *социаллык тенъсизлик* — «социальное неравенство», *прогрессивли аьдем ырувы* — «прогрессивное человечество», *совет яшав кеби* — «советский образ жизни», *производстводы юргистуьв* — «управление производством».

3) Большой пласт общественно-политических терминов сложился в языках путем полного калькирования — образования общественно-политических терминов на базе лексики самих национальных языков с использованием эквивалентных лексических средств для всех компонентов термина или терминологического выражения в соответствующем грамматическом оформлении.

Например: «красное знамя» — каб.-черк. *бэракъ плыжь*, кар.-балк. — *къызыл байракъ*, абаз. — *баракъ къапыцы*, ног. *кызыл байракъ*. Интересно отметить, что во всех четырех языках компоненты приведенных сочетаний каждый в отдельности (*плыжь* — каб.-черк., *къызыл* — карач.-балк., *къапыцы* — абаз. *кызыл* — ног. «красный», *бэракъ* — каб.-черк., *байракъ* — карач.-балк., *баракъ* — абаз., *байрак* — ног. «знамя») бытовали исконно. Однако сочетания этих компонентов сложились только под влиянием русского сочетания «красное знамя».

Этот путь образования терминов общественно-политического значения в языках народов области также продуктивен — под влиянием расширения общественных функций активизируются самобытные средства языков.

4) Функциональное развитие языков стало фактором еще одного способа терминообразования, следовательно, дальнейшего развития словарного состава языков. Это расширение значений исконных слов, их приспособление к выражению новых понятий, приобретение ими новых более широких значений, т. е. терминологизация общеупотребительной лексики. Этот путь также является общей закономерностью терминообразования для всех языков Карачаево-Черкесии.

Примеры: каб.-черк. *къэлэн* — 1) «долг», «обязанность», 2) «обязательство» (напр. социалистическое); *хуитыныгъэ* 1) «воля», 2) «свобода», *мылъку* — 1) «иму-

щество», 2) «хозяйство» (сельское и т. д.); *пшыхь* — 1) «сумерки», «вечер», 2) «вечер (дружбы)», *жылагъуэ* — 1) «сельчане», 2) «общество», «общественная деятельность» и др.; кар.-балк. *джарыкълык* — исконное значение «веселье», «жизнерадостность» в результате употребления в новой общественной сфере приобрело новое, более широкое значение — «культура», *джаматъат* — 1) «люди», «сельчане», 2) «общество», *борч* — 1) «долг», «обязанность», 2) «обязательство», *тенълик*, 1) от *тенъ* — «ровесник», 2) «равенство», *эркинлик*, 1) «воля», «разрешение», 2) свобода; *мюлк* — 1) «богатство», «имущество», 2) «хозяйство», *инъир* — 1) «сумерки», «вечер», 2) «вечер» (дружбы) и т. д.; абаз. *айгвара* — 1) «родственные связи», 2) «дружба» (народов и т. д.); *хвит*, 1) «вольный», «свободный», 2) «свобода» (народов и т. д.); *борч* — 1) «обязанность», «долг», 2) «обязательство»; *ацапшыра* — 1) «одинаковость», 2) «равенство» (народов и т. п.); *абакIра* — 1) «состяжание» (спорт и т. п.), 2) «борьба» (за мир и т. п.) пог. *кавыфсызлык* — 1) «безопасность», *алласызлык* — 1) «безбожье», 2) «атеизм», *куърес* — 1) «состяжание», 2) «борьба» (политическая и т. п.); *кешлик* — 1) «вечер (сумерки)», 2) «вечер» (дружбы и т. д.); *кешки* — 1) «вечерний», «ночной», 2) «вечерний» (университет и т. п.); *уыйкен* — 1) «большой», 2) «великий». Следует отметить, что указанные методы образования терминов и терминологических выражений хотя и основаны на использовании исконных лексических и грамматических средств национальных языков, тем не менее являются прямым следствием взаимодействия и взаимовлияния языков и, в первую очередь, влияния русского языка, через который национальные языки усваивают и интернациональную лексику. Этот факт особо подчеркивает то положение, что влияние русского языка обогащает национальные языки, активизирует исконные языковые ресурсы, расширяет их функции, открывает путь к широкому использованию родных языков, в общественной, политической, экономической и культурной жизни, поэтому не будет ошибкой причислять указанные типы терминов (значительная часть общественно-политической терминологии) к общему терминологическому фонду, ибо они выражают общие понятия и отражают единые пути общественного развития самих народов, формируются общими методами.

Замечательным итогом развития лексики языков под влиянием их взаимодействия является развитие ономастики у народов Карачаево-Черкесии в советскую эпоху. В первую очередь, это яркий результат крупных социальных изменений в быту и культуре народов, новых отношений между ними. Имена народов Карачаево-Черкесии сегодня — это живое отражение их приобщения к культуре всех народов великой страны Советов, овладения ими богатейшими достижениями русской и мировой культуры, их духовного возрождения, обновления их сознания в условиях нового уклада жизни. Известно, что именники народов Северного Кавказа длительное время (вплоть до революции) были в плену у мусульманской религии. Уже сам факт их значительного обновления и сдвиг в сторону интернационализации за относительно короткие сроки говорит о желании народов освободиться от сковывающего и обременительного влияния религии на их быт и сознание, что обеспечено советским строем. Безусловно, в именниках народов сохраняются пласты имен, отражающих их отношение к действительности на различных ступенях общественного развития, их представления, бытовой уклад, связь с природой, различные культурно-экономические факторы, складывавшиеся в процессе исторического развития. И остается фактом, что традиционно бытующие имена в значительной степени продолжают иметь место в составе живой лексики народов области. Однако наибольший интерес представляют собой те изменения в именниках, которые стали возможны в результате формирования единого образа жизни у всех народов страны, единых путей складывания их духовной общности как составной части формирования в целом единой исторической общности — советского народа. Новый быт, новые отношения, оптимизм людей в процессах переустройства жизни, совместный труд и совместная борьба трудовых масс всех национальностей за упрочение Советской власти открыли путь взаимодействию языков и в области имен. В их сфере начались активные и многообразные процессы. В первые же годы советской власти в среде всех народов области заметным явлением стало появление вторых имен в интернациональной среде. Для удобства общения в трудовых коллективах, в учебных заведениях, просто в бытовой среде сами собой возникали легкие для ус-

воення и произношения вторые русские имена: Зейнаб — Зина, Нашхо — Надя, Гошанаго — Галя, Мухаммед — Миша, Саняят — Соия, Разият — Роза, Мариям — Маруся и др. Активно стал пополняться сам репертуар имен, особенно женских, русские имена стали даваться как официальные. Уже в первые десятилетия советской власти прочно входили такие имена, как: Люба, Лиза, Таня, Тамара, Надя, Зоя, Нина и др. Появились имена-неологизмы, связанные с новым строем, с Советской властью: Советджан (карач.) — женское имя, Армия и др. Из мужских имен одним из распространенных становилось имя Володя: в самых отдаленных аулах уже в 20—30-е годы знали и любили имя вождя мирового пролетариата — Владимира Ильича Ленина. Появились и другие имена, связанные с именами и фамилиями выдающихся революционных и общественных деятелей. Например, у карачаевцев и черкесов по имени и фамилии Климента Ефремовича Ворошилова возникли имена Клим и Ворошил, по имени Клары Цеткин у всех народов стало распространенным имя Клара и др. Тяга к русским и интернациональным именам была настолько сильна, что при условиях недостаточной грамотности населения именами становились и отдельные русские фамилии. Так, фамилия великого русского поэта А. С. Пушкина неосознанно давалась в качестве личного имени — Пушкин. До настоящего времени у карачаевцев распространено имя Барадии (от Бородин), его возникновение, возможно, связано с названием знаменитого стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино». В имена превращались названия стран, народов: напр. карач. Апон (черк. Япон) — от Япония, Ингилисхан — от Инглиз — Англия; в а. Псыж в 50—70 годы жили два брата: Япон, Китай. Эти имена бытовали и у черкесов.

Широко вошли и стали употребительными русские и интернациональные мужские имена типа: Альберт, Вениамин, Валерий, Юрий, Герман, Корней, Максим, Роберт, Эдуард, Артур, Тимур, Руслан и др.

Интенсивно продолжают развиваться женские имена. Заметным явлением здесь стала тенденция в сторону поисков благозвучности, утонченности; малоупотребительны имена с закрытым конечным звуком типа: Байдымат, Саняят, Саият, Зурият, Халимат; широкое распространение получили такие имена, как: Зухра,

Фатима, Лейла, Софья, Мадина, Зарема, Зурида, Зулета, Фариди и др. Безусловно, это связано с духовным ростом народа, эстетическим обогащением его сознания в связи с ростом всего жизненного уровня и культуры. В области женских имен в современных именниках народов Карачаево-Черкесии практически бытуют все популярные русские имена: Дарья, Клава, Галя, Нина, Зоя, Клара, Римма, Рая, Роза, Майя, Марта, Мира, Люда, Таня, Ася и др. Нынешнее поколение девушек и девочек носит интернациональные имена, заимствованные через художественную литературу, кино и искусство, что свидетельствует об активном приобщении их родителей к сокровищам русской и мировой культуры. Это такие имена, как: Ада, Анда, Армида, Анжела, Аурика, Жанна, Альбина, Диана, Сабина (Сабинна), Эльвира и др. Популярными и любимыми у всех горцев стали женские имена Света, Лариса, Марина, Оксана, мужские имена Алик, Эдик, Руслан, Тимур и др. Следует отметить, что в первые годы советской власти русские и интернациональные имена давались в форме уменьшительно-разговорной и зачастую в этой форме вносились и в свидетельства о рождении, а дальше и в паспорта в силу малограмотности родителей. Ныне, конечно, эти имена вносятся в документы в полной и правильной форме — Раиса, София, Татьяна, Любовь, Елизавета, равным образом и мужские: Алик — Альберт, Эдик — Эдуард, Володя — Владимир и др. Много интересного наблюдается в системе имянарекания в национально-смешанных семьях. Этот вопрос особо актуален для нашей многонациональной области, где среди всех населяющих ее народов большой процент составляют национально-смешанные семьи. Справедливо отмечают многие ученые, что сам ребенок от национально-смешанного брака — явление интернациональное, поэтому интернациональное имя в наибольшей степени ему соответствует. В Карачаево-Черкесии в целом наблюдается тенденция к употребительности интернациональных имен в национально-смешанных семьях. Однако параллельно встречаются случаи наречения мальчиков отдельными популярными именами, традиционно бытующими в среде горских народов, такими, как: Мурат, Заур, Аслан и др. Новый быт, новые социалистические отношения между людьми внесли определенность и в вопросы права имянарекания, мотивов вы-

бора имен. Здесь следует отметить, что ритуал наре-чения именем у всех народов КЧАО значительно упро-стился. Имя новорожденному в большинстве случаев дают сами родители, что практически исключалось в прошлом. Значительно утратилось сковывающее влия-ние религии и всевозможных ограничений, связанных с соблюдением некоторых обременительных для моло-дой семьи условий.

Среди факторов структурного развития языков мож-но назвать и новое в употреблении фамилии и отчества. Стабильным стало употреблеение заимствованной фор-мы на -ович, -евич, -овна, евна. В общественных местах, в учебных заведениях, в учреждениях эта форма ста-новится самой удобной формой вежливого обращения и развития культуры речи. И в практике употреблеения фамилий усиливается тенденция к использованию фор-мы на -ов, -ев, -ова, -ева. Все эти вопросы требуют глу-бокого изучения, что несомненно даст много интерес-ного, являющегося собой факты и признаки интернацио-нализации быта и культуры, в целом всей обществен-ной жизни. Одновременно все это свидетельствует о закономерностях взаимодействия и взаимообогащения культур народов как нашей многонациональной обла-сти, так и всей страны на этапе развитого социализма. Структурные изменения в языках на уровне лексики на современном этапе выражаются в дальнейшем обогаще-нии их словарных фондов. Они происходят прежде все-го как отражение «терминологического взрыва», свя-занного с расширением социальных функций русского языка, языка наиболее развитого и получившего *расп*-ространение как язык межнационального общения, с потоком информации в условиях НТР. Соответственно эти изменения и в национальных языках происходят более интенсивно, чем все другие структурные измене-ния, и являются самым объективным процессом внут-риструктурного развития языков. Однако, процессы взаимодействия и условия дальнейшего расширения об-щественных функций национальных языков определи-ли тенденции совершенствования их структур и на дру-гих уровнях, особенно в области стилистики, фразеоло-гии и синтаксиса. Объективным фактором развития этих тенденций в целом стал расцвет культуры — на-циональной по форме, социалистической по содержа-нию и интернационалистской по духу и, в первую оче-

редь, рост уровня художественно-литературного творчества, театра, искусства, издание литературных, публицистических, научных и научно-популярных произведений, учебников и учебных пособий, расширение тематики газет и радиопередач на национальных языках, развитие культуры устного общения. Общими для исследуемых языков результатами языковых изменений под влиянием указанных факторов являются формирование литературных норм на основе живых общенародных языков, обогащение языков новыми лексико-фразеологическими средствами, возникновение большого числа фразеологических сочетаний, развитие образности, эмоционально-экспрессивных средств и др. Следствием указанных факторов и взаимодействия национальных языков с русским являются совершенствование синтаксических систем языков, изменения в области конструкций предложений, образование новых синтаксических моделей. В карачаево-балкарском и ногайском языках, например, эти изменения выражаются в возникновении тенденции к свободному перемещению сказуемого в составе предложения, что является результатом влияния русского синтаксиса и значительно устраняет однообразие стиля, придает выразительность и образность повествованию.

О совершенствовании и обогащении синтаксиса национальных языков говорят и другие факты. Это и образование новых типов словосочетаний, большого числа терминологизированных сочетаний, формирование новых синтаксических конструкций с идеологизированным содержанием, с инверсией, развитие видов обособления и актуализации отдельных выражений и др. Особенно это заметно в синтаксисе публицистики, газетного и журнального стиля. Имеются в виду конструкции типа:

1. Кар.-балк. *Атаджурт! Сени блады мени нюзюрюм!*
«Родина! С тобой мои мечты!»

Каб.-черк. *Си Хэку! Гурылгъу силэр узрац!*

Абаз. *Спсадгъыл! Са сгвалаква ура йуыщн!*

Ног. *Тувган элим! Сени мен меним ойларым!*

II. Кар.-балк. *Иш къоратыуну ёсдюрюрге* «Повышать производительность труда».

Каб.-черк. *Гуащ!эдэжыр къэлэтын.*

Абаз. *Анхара амайра тшауац!нарыхра.*

Ног. Куллыктынъ зат ислеп шыгарувлыгын обстир-мек!

III. Кар.-балк. Демократия централизмни принцип-лери «принципы демократического централизма». Аскер-патриотлукъ халда юретиу «военно-патриотическое воспитание». Коммунист урунууу коллективи «коллектив коммунистического труда». Партия-кърал делегация «партийно-правительственная делегация». Азия бла Африканы халкъларыны бир иннетлиликлерини организациясы «организация солидарности народов Азии и Африки».

Каб.-черк. демократическэ централизм и принцип-хлэр «принципы демократического централизма», военно-патриотическэ гъэсэнэгъэ «военно-патриотическое воспитание», коммунистическэ лэжьаклэм и коллектив «коллектив коммунистического труда», партийно-правительственнэ делегация «партийно-правительственная делегация», Азиемрэ Африкемрэ я народхэр зэьыкъуэ-тынмклэ организацэ «Организация солидарности народов Азии и Африки».

Абаз. адемократия централизм а принципквэ «принципы демократического централизма», военна-патриот глазара «военно-патриотическое воспитание», коммунист ихара аколлектив «коллектив коммунистического труда», партия-правительства кlыкlвэ «партийно-правительственная делегация», Азии, Африки руглакварацыкlра аорганизация «Организация солидарности народов Азии и Африки».

Ног. демократиялык централизмнинъ принциплери «принципы демократического централизма», аскерлик-патриотлык тербиялав «военно-патриотическое воспитание», коммунистлик истинъ коллективи «коллектив коммунистического труда», партия-правительстволык делегация «партийно-правительственная делегация», Азия эм Африка халкларынынъ бир ниетлик организациясы «Организация солидарности народов Азии и Африки».

Интересные данные могут выявить специальные исследования в области стилей современных языков — стилей художественной литературы, публицистики, науки и др. Несомненно, что это будет и большое количество пословиц и поговорок, заимствованных из других языков, это будет широкое развитие в языках эпитетации, метафоризации и др. средств эмоционально-экспрессивной окраски. Под влиянием взаимодействия

структурные изменения коснулись и фонетического, более значительно-морфологического строя языков. Так, например, в карачаево-балкарском и ногайском языках, под влиянием русского языка, возникли новые фонемы — В, Ф, Ц, что выражается прежде всего в том, что заимствованные из русского языка слова с этими фонемами употребляются, не интерферируясь: вместо ожидаемого *багон* говорится и пишется «вагон», вместо *сентр* — «центр», вместо *пилософия* — «философия» и др. Морфологические изменения проявились прежде всего в совершенствовании словообразования, как в активизации собственных средств образования новых слов, так и в появлении новых способов и моделей. Эти процессы также требуют специального исследования. Здесь можно отметить наиболее общие и характерные факты. Это образование аббревиатур — явление совершенно новое в языках, ставшее прямым следствием расширения их общественных функций и взаимодействия с языком межнационального общения. Так, аббревиатуры широко используются в языках области для обозначения названий союзных и автономных республик и областей, органов Коммунистической партии и Советского государства, государственного управления, профессиональных союзов, органов комсомола, министерств СССР и союзно-республиканских, общесоюзных и союзно-республиканских государственных комитетов, центральных учреждений и общественных организаций СССР, международных общественных организаций и др. Основным способом образования аббревиатур является их прямое заимствование, полное, неполное и частичное калькирование с языка межнационального общения. Например, название Организации Объединенных наций в языках:

в кар.-балк. *БМО (Бирлешиген Миллетлени Организациясы)* — неполное калькирование; в каб.-черк. ООН — прямое заимствование аббревиатуры, хотя полное название калькируется: *Лъэпкъ Зэгуэтхэм я Организацияцэ*; в абаз. ООН — прямое заимствование аббревиатуры при калькировании полного названия: *Йадкылу а Учаехъаквар Организация*; в ног. ООН — прямое заимствование аббревиатуры при калькировании полного названия: *Бирлескен Миллетлердинъ организациясы*. Под грамматической адаптацией аббревиатур имеется ввиду их заимствование с приспособле-

нием к исконным формальным признакам заимствующих языков. Например: каб.-черк. *КПСС-м и райком «райком КПСС», ВЛКСМ-м и ЦК «ЦК ВЛКСМ»* и др., кар.-балк. *КПСС-ни райкому — «райком КПСС», СССР-ни Минюсту, «Минюст СССР», СССР-ни ГКНТ-си «ГКНТ СССР»,* и др.; абаз. *СССР-а Минвуз «Минвуз СССР», СССР-а - МПС — «МПС СССР», ВЛКСМ аобком «обком ВЛКСМ»* и др.; ног. *СССР ГКНТ-и «ГКНТ СССР», СССР Минтяжмашы «Минтяжмаш СССР», РСФСР Минфини — «Минфин РСФСР»* и др. Многообразны формы и модели аббревиатур в современных национальных языках. Они являются одним из убедительных фактов благотворного влияния общественных условий на их развитие в советскую эпоху. Вместе с тем они представляют одну из живых черт взаимодействия и сближения языков, выравнивания их структурных элементов. Именно поэтому их специальное исследование становится одной из актуальных задач изучения языковых отношений в целом.

Результатом развития морфологических структур национальных языков в связи с развитием их общественных функций является и активизация отдельных исконных способов словообразования. Это, в первую очередь, активное образование парных и сложных слов, особенно в области образования научно-технической и общественно-политической терминологии. В целом это представляет собой процесс калькирования, но с использованием традиционных в языках средств образования парных сочетаний и сложных слов. Примеры: «материально-технический»: каб.-черк. *материально-техничекэ*, кар.-балк. *материал-технчка*, абаз. *амлыкв-техника*, ног. *материал-техникалык*; «общественно-политический»: каб.-черк. *общественно-политичекэ*, кар.-балк. *джамагъат-политика*, абаз. *жвлара-политика*, ног. *общество-политикалык*; «научно-исследовательский»: каб.-черк. *щлэныгъэ-къэхутакуэ*, кар.-балк. *илму-излем*, абаз. *наука-рхъвыхырта*, ног. *илму-тешкерувь*; «политико-массовый»: каб.-черк. *политико-массовэ*, кар.-балк. *политика-кёбчулюк*, абаз. *политика-жвлара*, ног. *политика-массалык*. Подобные образования также становятся весьма продуктивным способом словообразования в языках и сближают языки не только лексически, но и с формальной стороны.

В карачаево-балкарском и ногайском языках можно

отметить возрастание продуктивности таких ранее малопродуктивных словообразовательных средств, как аффиксы: *-лыкъ*, *-лик*, *-ланьу/-лениу*, *-ландырыу/-лендириу*, *-чы/-чу*.

Примеры: кар.-балк. *электрификация-лау* — «электрификация», *саутсузла-ныу* — «разоружение», *азатлау* — «освобождение», *джашауда бирдырыу* — «осуществление», *планны толтуруу* — «выполнение плана», и др.; ног. *савытландырув* — «оснащение», *совйлесувлер* — «переговоры», *кайтарадан сайлавлар* — «перевыборы», *яшавга эндируув* — «осуществление», и др.; кар.-балк.: *партиягъа членлик* — «партийность», *пайчы* — «пайщик», *колхозчу* — «колхозник», *хапарлылыкъ* — «осведомленность», *обывателлик* — «обывательщина», *рационализаторлукъ* — «рационализаторство» и др.; ног. *малчылык* — «животноводство», «скотоводство», *дипломатлык* — «дипломатический», *окытувиш* — «учитель», *катнасувиши* — «участник» и др.

В кабардино-черкесском языке отмечается активизация таких формантов, как: *-гъэ*, *-гъуэ*, *-к/э* и др.; в абазинском: *-га*, *-г/в*, и др. Структурные изменения в области морфологии и синтаксиса в указанных условиях не ограничиваются затронутыми вопросами, они ждут специального исследования как в конкретных языках, так и в аспекте формирования общих тенденций. Суть заключается в том, что изучение этих вопросов даст убедительное подтверждение тому, что в условиях социалистического строя по-настоящему открыты пути для подлинного расцвета национальных языков.

Самым заметным фактом в области языковых отношений на этапе зрелого социализма стал факт массового приобщения народов Карачаево-Черкесии к языку межнационального общения — русскому языку — и формирование на этой основе общенародного национально-русского двуязычия. Карачаево-Черкесия является одним из регионов, где наблюдается относительно высокая степень знания русского языка нерусским населением — по данным переписи 1979 г., русским языком свободно владеет 3/4 нерусского населения области. Это значит, каждые три из четырех жителей области свободно общаются на русском языке и обмениваются мыслями на нем в процессах производства материальных и духовных благ. Такая роль русского языка определилась прежде всего потребностями общения в

многонациональной области, сферой взаимопонимания между людьми разных национальностей. Таким образом, одним из факторов, обеспечивающих высокий показатель знания русского языка в Карачаево-Черкесии, стала многонациональность состава ее населения. А в целом главным условием, которое благоприятно влияет на широкое распространение языка межнационального общения и складывание гармонического двуязычия на этапе зрелого социализма, является интенсивное развитие хозяйственно-экономической, политической и культурной жизни. В свою очередь, знание русского языка оказывает ускоряющее воздействие на расцвет общественной жизни в прошлом отсталых народов Карачаево-Черкесии. Об этом говорилось на прошедшей в 1985 году областной научно-практической конференции по вопросам улучшения преподавания русского языка и повышения его роли в процессах воспитания подрастающего поколения: «Советская Карачаево-Черкесия представляет собой дружную многонациональную семью, в которой тесное общение людей разных национальностей в сфере их общественно-производственной и культурной деятельности стало возможным благодаря знанию русского языка всеми народами и нациями, проживающими в области».

Владение русским языком и использование его в процессах общения в различных сферах несколько не мешает использованию и развитию национальных языков; родные языки карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев продолжают широко употребляться в наиболее активных формах в среде каждой отдельной народности, родной язык и литература являются предметами изучения в общеобразовательных школах, на них издаются газеты, ведутся передачи по радио, развиваются искусство и литература. Родные языки народов области изучаются в высших и средних учебных заведениях с педагогическим уклоном. Они глубоко исследуются на кафедрах педагогических вузов Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также при специальных отделах и секторах научно-исследовательских учреждений КБАССР и КЧАО. Родные языки народов Карачаево-Черкесии остаются важным средством развития их культуры на этапе зрелого социализма, а также дальнейшего совершенствования черт социалистического образа жизни у них.

Однако известно, что возможности языков в удовлетворении потребностей людей определяются диапазоном их более широких интересов в социальном и экономическом развитии общественной, политической и культурной жизни, сложившихся за длительный период проживания в единой многонациональной семье советских народов. Именно поэтому жизненной потребностью для всех советских людей стала потребность в едином языке общения, в качестве которого ими добровольно избран русский язык и который оказался наиболее выгодным и удобным для них с точки зрения эффективности общения и удовлетворения их широких материальных и духовных запросов. Этим определена роль русского языка и в жизни народов Карачаево-Черкесии. Карачаево-Черкесия является примером благотворного влияния на функционирование русского языка в силу единства двух важнейших факторов: интенсивного социально-экономического развития и многонациональности региона. В рассматриваемый период потребности и стремление к знанию русского языка, динамика развития двуязычия в Карачаево-Черкесии стимулировались высоким уровнем развития сельского хозяйства, его техническим оснащением, созданием крупных промышленных предприятий в городах и сельской местности, внедрением нового оборудования, средств автоматизации и механизации и ускоренным развитием на этой основе социально-профессиональной структуры населения. И в том, что в 60—80-е гг. число специалистов во всех отраслях народного хозяйства и культуры — врачей, инженеров, агрономов, ветеринаров, зоотехников, финансово-экономических работников, педагогов из представителей нерусского населения области насчитывается сотнями, сказывается плодотворная роль русского языка. На основе вышеуказанных факторов в этот же период широкое развитие получило профессионально-техническое образование, ныне в области насчитывается до 10 средних специальных и средне-технических учебных заведений. Ежегодно растут ряды квалифицированных рабочих, мастеров, трактористов и механизаторов из среды всех народов области, в области функционирует широкая сеть курсов по подготовке специалистов для отраслей сельского хозяйства, промышленности, торговли — шоферов, счетных работников, продавцов и кулинаров. Все это определяет

не только многонациональность учебных заведений, но обеспечивает возможность трудовой и общественной деятельности представителей разных национальностей в многонациональных коллективах заводов и фабрик, колхозов и совхозов, учреждений и организаций. Это же создает условия для дальнейшей интернационализации состава населения городов и сел, формирования новых типов смешанного населения в них. Следовательно, единый язык общения становится объективной необходимостью и закономерностью развития языковых отношений в многонациональной области на современном этапе. Поэтому русский язык в таких регионах, как наша Карачаево-Черкесия, становится ведущим языком общения, обеспечивающим взаимопонимание между людьми в процессах труда, учебы и отдыха — наиболее важных жизненных функций людей. Единый язык общения помогает им совместно решать необходимые производственные задачи и закрепляет узы дружбы в труде и быту.

Этими же факторами определяется роль русского языка в развитии культуры и духовной жизни народов Карачаево-Черкесии. Об этом говорит тот факт, что по желанию родителей уже много лет обучение детей в школе по всем предметам ведется на русском языке. Наблюдения показывают, что родители стараются обеспечивать своим детям условия для усвоения обоих языков — родного и русского. Русский язык является языком общения в общественных местах, на нем проводятся все важнейшие общественные мероприятия, совещания и др. Однако, как известно, свободное владение русским языком и понимание его не всегда означает его знание в совершенстве. Поэтому мы считаем, что в пропагандистской работе следует учитывать национальный состав слушателей и для облегчения усвоения материала эффективным является применение родных языков. Об этом говорит тот факт, что в отдельных коллективах (животноводческих фермах, полеводческих звеньях и бригадах), в семьях, расположенных и проживающих в населенных пунктах с однородным составом населения, большое место занимает информация, получаемая через газеты и радио на национальных языках. Материалы на темы военно-патриотического, интернационального, трудового и нравственного воспитания, которые печатают газеты на родных языках, пе-

редаются по радио, читаются и слушаются, близко воспринимаются и обсуждаются в среде указанного типа населения. Поэтому здесь роль русского и родных языков равноценна, использование того и других в решении задач коммунистического воспитания остается важной стороной управления языковыми процессами в многонациональной Карачаево-Черкесии.

Как и для всех народов страны, роль русского языка неопределима для народов области в процессах их дальнейшего приобщения к ценностям русской классической, советской и мировой культуры. В рассматриваемый период в этих процессах наблюдались новые тенденции. Это, прежде всего, вхождение в быт и культуру народов области всех форм и средств массовой информации. Если в предшествующие этапы культурного и языкового строительства кино было достоянием городов и отдельных населенных пунктов и посещалось в основном мужской частью населения, то ныне кино и радио стали необходимой частью быта и отдыха каждой семьи и каждого ее члена, и средством их восприятия в большей степени является русский язык.

Новым является телевидение — города и крупные населенные пункты пользуются передачами телевидения на русском языке и телевизор является любимым не только зрелищным, но и воспитательным средством в каждой горской семье.

В настоящее время практически нет семьи, в которую не входят книги, газеты или журналы на русском языке. А в домах интеллигенции необходимой частью культурной жизни становится домашняя библиотека, состоящая из книг на русском языке — отдельных изданий и собраний сочинений лучших писателей и поэтов России, а также зарубежных авторов. Все это свидетельствует о росте духовных потребностей населения области, а также о том, что большую роль в духовном развитии и интеллектуализации сознания трудящихся играет русский язык. Примечательно и то, что в многонациональной Карачаево-Черкесии русский язык является и языком творческой работы — около 200 ученых, кандидатов и докторов наук из числа карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев пишут научные работы на русском языке. Развивается и литературное творчество на русском языке — в области известны имена поэтов и писателей нерусской национальности, создавших и соз-

дающих произведения на русском языке — М. Батчаев, К. Мхце, И. Капаев, Ю. Шидов, Х. Айбазов, Н. Кагнева, Ю. Созаруков и др.

Особо следует сказать о переводах произведений поэтов и писателей области — Х. Байрамуковой, Б. Тхайсхуова, С. Капаева и др. Через переводы художественной литературы лучшие образцы творчества народов становятся достоянием всей советской многонациональной культуры развитого социализма.

Мы остановились на вопросе функционирования русского языка в КЧАО в разрезе характеристики тенденций языковых отношений в области. Следует сказать, что опыт его изучения и усвоения, дальнейшее возрастание тяги к знанию русского языка со стороны всех слоев населения области, глубокое осознание его роли в формировании личности современного человека выдвигает настоятельную необходимость всестороннего изучения и осмысления процессов функционирования русского языка в социолингвистическом аспекте, с анализом их в разрезе социально-демографических факторов, факторов языковой ситуации и языкового поведения и т. д. Этого требует, с одной стороны, необходимость обобщения сложившегося положительного опыта в изучении и распространении русского языка в многонациональной области, а с другой — необходимость дальнейшего управления языковыми отношениями с целью совершенствования методов и форм усвоения русского языка и его использования в процессах ускорения и достижения дальнейшего социального и экономического расцвета советской Карачаево-Черкесии.

Основными направлениями развития языковых отношений в Карачаево-Черкесии, как вытекает из изложенного, на современном этапе являются: 1) дальнейший расцвет национальных языков под влиянием расширения их общественных функций, их внутривидовое совершенствование, формирование общностей в лексическом и грамматическом строе, стилистике и фразеологии группы соседствующих языков в условиях их взаимодействия с языком межнационального общения — русским языком; 2) дальнейшее возрастание прогрессивной роли русского языка в политической, экономической и культурной жизни народов Карачаево-Черкесии, в духовном развитии, в интернационализации их общественной жизни, быта и культуры. Все

большее распространение гармонического двуязычия и превращение русского языка во второй родной язык для всего нерусского населения области.

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 29; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—259.

² Цит. по: Костомаров В. Т. Программа КПСС о русском языке. М., 1963, с. 8.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 423; т. 23, с. 150, 423, 424, 425, 317; т. 24, с. 131; т. 25, с. 71—72, 146, 258—259; т. 32, с. 154; т. 45, с. 240; т. 48, с. 233—234 и др.

⁴ По ленинским заветам: Сб ст. Черкесск, 1970, с. 140.

⁵ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. II. Черкесск, 1972, с. 111.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 174.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 165.

⁸ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. II. Черкесск, 1972, с. 111.

⁹ Там же, с. 112.

¹⁰ Караева А. Становление карачаевской литературы. Черкесск, 1963.

¹¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953, с. 273.

¹² Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. II. Черкесск, 1972, с. 178.

¹³ Там же, с. 219.

¹⁴ Данные т. Добагова И. К.

¹⁵ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. II Черкесск, 1972.

¹⁶ Там же, с. 354.

¹⁷ Язык и развитое социалистическое общество. М., 1982, с. 185. с. 279.

¹⁸ Белодед И. К., Ижакевич Г. П., Черторижская Т. К. Русский язык как источник обогащения языков народов СССР. Киев, 1978, с. 15—16.

¹⁹ См. об этом: Табулова Н. Т., Шишканова А. В. Роль русского языка в создании и обогащении общественно-политической лексики и терминологии абазинского языка. — В сб.: Русский язык как средство интернационального воспитания учащейся молодежи. Орджоникидзе, 1985, с. 67—69.

²⁰ Коммунист, М., 1965, № 13, с. 61.

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ И МЕТОДЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Карачаево-Черкесия — многонациональная автономная область, где дружной семьей живут и работают представители 92 национальностей: русские, карачаевцы, черкесы, абазины, ногайцы, осетины, греки, армяне, евреи и др.

Как и многие народы нашей страны, народности Карачаево-Черкесии — карачаевцы, черкесы, абазины, ногайцы — до Великой Октябрьской социалистической революции не имели своей письменности; подавляющее большинство населения было неграмотно. По данным переписи 1897 г., владеющих русской грамотой среди мужчин-карачаевцев было 1,5 процента, черкесов, абазин и ногайцев — 1,2 процента. Женщин, знавших русскую грамоту, не было. Промышленность и сельское хозяйство находились на самом низком уровне.

Подлинного расцвета экономическая и духовная жизнь народов Карачаево-Черкесии достигает лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Осуществление небывалой в истории человечества культурной революции позволило создать письменность для бесписьменных языков, национальную интеллигенцию, ликвидировать неграмотность, развить национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру.

За годы Советской власти Карачаево-Черкесия сделала величайший скачок от бесправия и национального гнета к свободе и равенству, от экономической и культурной отсталости к высокоразвитым индустрии, сельскому хозяйству и культуре. Промышленность и сельское хозяйство КЧАО ныне доведены до уровня со-

юзных, а по числу специалистов к общей численности населения области Карачаево-Черкесия обошла большинство союзных и автономных республик. Объем промышленного производства в Карачаево-Черкесии за годы автономии возрос в 2482 раза. Среднегодовое производство валовой продукции сельского хозяйства по сравнению с 1922 г. к концу 1984 г. возросло в 7,3 раза. На территории области появились новые города и поселки. Сейчас Карачаево-Черкесия — область сплошной грамотности. Здесь работают 175 общеобразовательных школ, в которых обучается свыше 70 тыс. учащихся, 2 института, 6 средних специальных учебных заведений, Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, издаются газеты на 5 языках: русском, карачаевском, черкесском, абазинском, ногайском. Издательством только в 1984 г. выпущено 42 наименования книг, общим тиражом 86,7 тыс. экземпляров. До революции в Карачае и Черкесии не имели представления о библиотеках, театре, кино, клубах. В 1984 г. население области обслуживалось 197 библиотеками, в которых содержится около трех миллионов книг, 217 клубными учреждениями, 229 кинотеатрами и киноустановками, одним театром, 2 музеями. В 1922 г. в КЧАО работало 248 учителей, на конец 1984 г. их число достигло 4154. Больниц, поликлиник, медицинских учреждений до революции фактически не было. Ныне в Карачаево-Черкесии 226 больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений, в которых трудятся 4230 врачей и медсестер — представителей разных национальностей. Около 22 тыс. детей обеспечены детскими садами и яслями. Карачаево-Черкесия становится краем курортов, санаториев, альпинизма, туризма. Здесь много Домов и Дворцов культуры, где работают десятки самодеятельных коллективов. Огромное значение в деле расцвета культуры народов КЧАО имело раскрепощение женщины. Ныне женщина-горянка является активным строителем коммунистического общества. Нет ни единой сферы человеческой деятельности, где бы она ни применяла свои знания и умения. Все достижения народов Карачаево-Черкесии — результат ленинской национальной политики КПСС, огромной бескорыстной помощи братских народов советской страны, и прежде всего — великого русского народа.

Развитие языка и культуры каждого народа при социализме непосредственно связано с двумя прогрессивными тенденциями: 1) всестороннее развитие каждой нации и 2) все большее их сближение. Эти тенденции исключают антагонизм и конфликты, ведут к укреплению единства общества, обеспечивают неуклонный прогресс социалистического государства в целом и каждой нации в отдельности.

Особенно важную роль во всестороннем развитии народов нашей страны, в расцвете их культур, во все более тесном взаимном общении и сближении их, в развитии всесторонних межнациональных связей и взаимопомощи играют языки. В СССР созданы благоприятные условия для свободного развития языков всех советских наций и народностей. Наряду с этим происходит непрерывный процесс взаимного обогащения национальных языков. На языках народов Карачаево-Черкесии бытует выдающийся нартский эпос, богатая многожанровая национальная литература, развиваются все стороны национальной культуры. Вместе с тем на базе общей для всех советских народов социалистической экономики, единого государственного строя, общности социалистического содержания культуры этих народов появилась массовая потребность в едином языке межнационального общения, экономического, политического и культурного сотрудничества. Для всех нерусских народов нашей страны русский язык становится вторым родным языком.

«Не знать теперь в нашей стране русский язык — значит лишать себя богатейшего источника знаний, духовно обеднять, ограничивать свою жизнь пределами местных условий. Сама жизнь подсказывает, что знание русского языка всеми гражданами СССР становится необходимым»², — писал Ф. П. Филин.

Так складывалась судьба народов Карачаево-Черкесии, что билингвизм с древних времен у них являлся жизненной необходимостью. Еще с далеких времен языки Карачаево-Черкесии взаимодействовали не только друг с другом, но и с абхазским, балкарским, кабардинским, мегрельским, осетинским, сванским и т. д. языками. Исторически как отдельные островки в пестроязычном Западном Кавказе существовали абхазско-карачаевское, карачаево-балкарско-осетинское, кабардино-карачаевское, балкаро-сванское, абазино-кабар-

дино-черкесское, адыгейско-карачаевское и т. д. двуязычия³. Поэтому мы полагаем, что социалингвистика имеет не только синхронный, но и диахронический аспект.

В синхронном отношении в Карачаево-Черкесии широко представлено национально-русское двуязычие, т. е. знание представителями коренных народов, наряду с родным, и русского языка. Что же касается русско-национального двуязычия, т. е. владения русскими, наряду с родным языком, каким-либо из национальных языков, то оно встречается редко.

Национально-русское двуязычие в Карачаево-Черкесии получило особо заметное развитие с 60-х годов нашего времени. К сожалению, изучению этого явления до второй половины 60-х годов не уделялось должного внимания. В последние годы в центральной и местной печати вышли отдельные статьи, посвященные роли русского языка, росту общественных функций русского и национальных языков. В КЧАО изданы сборники: «Под ленинским знаменем национальной политики». Черкесск, 1969; «К вопросам русской и национальных филологий» (лингвистика), вып. VII. Ставрополь, 1975; «Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков». Черкесск, 1978, «Вопросы языковых контактов». Черкесск, 1982; «Вопросы сопоставительного изучения языков Карачаево-Черкесии». Ставрополь 1978; «Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1984.

Многоязычная Карачаево-Черкесия — область, где более активно протекают билингвистические и полилингвистические процессы. Видимо, поэтому закономерности двуязычия здесь представлены несколько прозрачно, что облегчает выбор методов и приемов их изучения.

Процессы, происходящие в языках народов Карачаево-Черкесии, характеризуются двумя тенденциями.

Первая тенденция — исторически сложившаяся:

а) карачаевцы и ногайцы говорят на близкородственных языках, достигают свободного взаимопонимания на основе родных языков; к тому же ажногайский диалект ногайского языка испытывал некоторое влияние карачаево-балкарского языка, что отмечено Н. А. Баскаковым⁴;

б) абазины (преимущественно представители стар-

шего поколения) говорят не только на родном, но и на черкесском языке.

Следует подчеркнуть, что традиционно народы области с особенным уважением относятся к людям, владеющим языками соседей. Немало фактов, когда абазинны и черкесы знают карачаево-балкарский язык, а карачаевцы — черкесский или абазинский язык. И все же общественные функции национальных языков территориально ограничены. Так, кабардино-черкесский и карачаево-балкарский языки выполняют свои общественные функции в пределах КБАССР и КЧАО, ногайский — в КЧАО, отдельных районах Ставропольского края и Дагестанской АССР, абазинский — в КЧАО.

Вторая тенденция действует одновременно с первой — языком межнационального общения у народов области прочно становится русский язык. Общественные функции русского языка постоянно возрастают. Здесь наблюдается количественное и качественное развитие общественных функций русского языка. Такое развитие функций русского языка в свою очередь оказывает положительное воздействие на общественные функции национальных языков. Таким образом, языки народов области охвачены билингвистическими (кабардино-черкесский, карачаево-балкарский языки) и полилингвистическими (абаз. и ног. языки) процессами.

Ныне в Советском Союзе развитие национальных языков неразрывно связано с развитием русского и других языков СССР. В частности, дальнейшее развитие языков коренных народов Карачаево-Черкесии происходит в тесном контакте друг с другом и с русским языком. И стимулирующим фактором в дальнейшем развитии местных языков все больше выступает русский язык. Среди неславянских народов Советского Союза народы Карачаево-Черкесии занимают одно из ведущих мест по знанию русского языка. Результаты переписи населения СССР 1979 г. показывают, что русским языком свободно владеют 75,5 процентов карачаевцев, 69,6 процентов черкесов, 75,4 процентов абазин, 75,6 процентов ногайцев.

Современный русский язык является основным источником обогащения языков народов СССР. Обогащению подвергаются все уровни (ярусы) языков. Как показывает практика, влияние русского языка наиболее ощутимо в языках малых народов СССР и главным образом — в литературных формах этих языков.

Этому способствуют: непосредственное общение представителей различных национальностей на русском языке, обучение в школах, средних специальных и высших учебных заведениях на русском языке, совместный труд и совместная служба представителей разных народов, рост межнациональных связей и сотрудничества, увеличение числа смешанных браков, обмен передовым опытом работы, достижениями в экономической и культурной жизни, курсы повышения квалификации, культурно-просветительные учреждения, развитие делопроизводства, печати, радио- и телепередач, просмотры кинофильмов, наглядная агитация, проведение различного рода семинаров, совещаний, конференций, собраний, выставки достижений науки и техники, перемещение производительных сил, интернационализация коллективов, дальнейшее усовершенствование школьных и вузовских программ и т. д. Например, на филологическом факультете КЧГПИ изучается сопоставительная грамматика карачаево-балкарского и русского, кабардино-черкесского и русского, абазинского и русского, ногайского и русского языков. Изданы учебные программы по этим дисциплинам на русском языке. Сопоставительная грамматика изучается студентами двухпрофильного отделения. Специалисты широкого профиля после окончания вуза преподают родной и русский языки в национальных школах области. Изучение сопоставительной грамматики в вузе дает возможность специалистам усвоить отличительные и тождественные стороны первого и второго языка, легко выявить и предупредить характерные орфографические и речевые ошибки учащихся нерусской национальности.

Из всех методов билингвистических исследований наиболее полноценным и перспективным в наших условиях является комплексный метод изучения двуязычия, учитывающий его социальные и лингвистические стороны.

Объектом исследования в данной статье является карачаево-русский билингвизм. Материалом исследования служили: устная речь пожилых людей и детей, устная и письменная речь школьников, студентов, интеллигенции, рабочих коллективов, язык газет, журналов, переводной литературы. В исследовании используются и материалы магнитофонных записей.

Изучение данной проблемы дает возможность пояс-

нить то, что мы понимаем под билингвизмом применительно к языковым процессам, протекающим сейчас в Карачаево-Черкесии. И это не только потому, что исследователи по-разному толкуют данное явление и дают различное ему определение, но и в силу того, что двуязычие имеет свои особенности в каждой республике, автономной области и в каждом национальном округе.

В чисто лингвистическом аспекте билингвизм (двуязычие) — одинаково свободное владение двумя языками.

В социолингвистическом плане билингвизм — понятие широкое и развивающееся. Так, в данный период в Карачаево-Черкесии он объединяет 4 ступени:

1. Первая ступень. Сюда относится часть карачаевцев, знающих родной язык и жизненно необходимые, наиболее активные слова русского языка. Здесь индивиду неизвестны звуковые и грамматические закономерности второго языка. Запас слов недостаточен для того, чтобы передать свои мысли собеседнику на втором языке. Однако слова второго языка вставляются в конструкцию из слов первого языка, если собеседник говорит на русском языке. Следовательно, активные слова второго языка активны и в речи карачаевцев первой ступени билингвизма. У этой части карачаевцев в основном активны часть существительных, отдельные прилагательные, наречия, и глаголы.

Из беседы карачаевки с русской:

«Кулунха хадил. Анда собрания болду. Директыр пермада даярка нету, джетмейди дейди» — «Была в клубе. Там проходило собрание. Директор говорил, что на ферме не хватает доярок».

К первой ступени мы относим большинство мужчин и женщины в возрасте 50 лет и старше, живущих в аулах.

2. Вторая ступень — дети до 7 лет. Здесь наблюдается неглубокое знание первого языка и отсутствие у большинства детей достаточного запаса слов, чтобы говорить на втором языке. В городах и селах с русским населением дети в возрасте до 7 лет говорят на родном и русском языках одинаково, если охвачены дошкольными детскими учреждениями.

3. Третья ступень. Сюда относятся дети от 8 до 15 лет, мужчины и женщины в возрасте от 30 до 50 лет. У большинства из них отмечается свободное знание пер-

вого языка и менее свободное знание второго (русского) языка. Представители этой ступени говорят на русском языке, но, особенно в сельской местности, допускают в устной и письменной речи значительное число лексических, фонетических, грамматических и стилистических ошибок.

4. Четвертая ступень. Это часть населения в возрасте от 16 до 30 лет. Они свободно владеют родным и русским языками. И на этой ступени большинство лучше владеет родным языком. Но нередко встречается то одинаково свободное владение обоими языками, то лучшее знание русского языка, или знание одного русского языка и незнание родного языка.

Приведенные нами четыре ступени карачаевского билингвизма весьма условны, границы между ступенями непостоянны, находятся в движении и развитии, могут с течением времени меняться.

Так, численность коренных национальностей Карачаево-Черкесии, в т. ч. проживающих за ее пределами, и распределение ее по языкам в 1970 и 1979 годах выглядели следующим образом:

Коренные национальности	1970 г.				1979 г.			
	Всего (тыс.)	считают родным языком в проц. к общей числен.		Всего (тыс.)	считают родным языком в проц. к общей числен.			
		язык своей нац-сти	русский		язык своей нац-сти	русский		
Карачаевцы	113	99,3	0,7	131	99,3	0,7		
черкесы	40	98,2	1,1	46	98,6	1,5		
абазинцы	25	97,3	1,4	29	97,7	1,7		
ногайцы	52	97,4	1,7	60	97,9	1,9		

Естественно, все сказанное определяется развитостью экономической, общественной и духовной жизни населения области, тем, где проживает билингв — в городе, в ауле или селе с русским населением и т. д.

Мы полагаем, что билингвизмом охвачены представители всех четырех ступеней. Но двуязычными, видимо, следует считать части населения, включающиеся в третью и четвертую ступени. Следовательно, билингвизм в широком смысле — это умение говорить на двух языках, которое постоянно совершенствуется.

Билингвизм вызывает к жизни новые языковые явления, приводящие к обогащению всех уровней языков народов Карачаево-Черкесии. Новые языковые процессы усиливают двуязычие, развивают общественные функции родного и русского языков. Развитие общественных функций первого (родного) языка неразрывно связано с дальнейшим повышением роли и общественных функций второго (русского) языка.

Карачаево-балкарский язык приходил в соприкосновение еще с древнерусским языком. Заимствования из древнерусского языка⁵ отражают быт, хозяйственную деятельность, материальную культуру, религиозные представления предков современных русских: *гиназ* «князь», *кюпсе* «купец», *бараза* «борозда», *обур* «оборотень», *печ* «печь», *рачка* «гречиха», *Элия* «Илья-громовержец» и т. д. Заимствования из древнерусского языка сохраняют свое исконное значение, однако подверглись интерференции, подчинились звуковым закономерностям карачаево-балкарского языка.

Значительное прогрессивное влияние русский язык стал оказывать на карачаево-балкарский после присоединения Карачая и Балкарии к России; оно усилилось в послеоктябрьский период. Русский язык обогащал и обогащает все сферы лексики карачаево-балкарского языка собственно русской и иноязычной специальной, а также интернациональной терминологией. Этим процессом охвачены и все остальные языки Карачаево-Черкесии. В живую ткань языка вошли термины общественно-политические: автономия, агитатор, бюро, газета, комитет, коммунист, конференция, митинг, партия, политика, политинформация, правительство, собрание, съезд и т. д.; технические: автобус, асфальт, завод, комбайн, машина, поезд, промышленность, сеялка, трактор, техника, фабрика, электричество и др.; хозяйственные: колхоз, комбикорм, совхоз, силос, управление, ферма и т. д.; наименования специальностей: геолог, инженер, историк, литератор, математик, медик, химик, физик и т. д.; названия должностей: агроном, актер, бригадир, бухгалтер, врач, доцент, заместитель, заведующий, мастер, парторг, прокурор, судья, управляющий и др.; наименования государственных учреждений: горсовет, институт, коммунхоз, обком, облсовет, облоно, райком, райсобес, совет, техникум, школа и т. д.; литературные термины: герой, драма, жанр, литература, пьеса, поэма,

сатира и т. д.; научные термины: атом, биология, грамматика, математика, медицина, спутник и др.; просвещения и культуры: ансамбль, балет, библиотека, дом культуры, драмтеатр, журнал, кино, кинотеатр, культпоход, культура, лекция, опера, спектакль, читальный зал и др.; юридические: акт, закон, статья, суд, юридическая консультация и т. д.; географические: Дальний Восток, край, область, район, Сибирь, Средняя Азия и т. д.; названия предметов школьных принадлежностей: карандаш, книга, линейка, перо, портфель, ручка, тетрадь, циркуль и т. д.; названия предметов быта: батон, буфет, гарнитур, гардероб, духи, духовка, консервы, костюм, лампочка, одеколон, пальто, стол, туфля, шкаф, шляпа, шифоньер и мн. др.

Если в дореволюционный период и в первые годы Советской власти русизмы в речи карачаевцев подвергались фонетическим изменениям, то, начиная с 70-х годов нашего времени, наложение карачаево-балкарских фонетических особенностей на заимствуемые из русского языка слова сокращается.

В последние годы прогрессирует семантическая интерференция. Под влиянием семантики русских слов многие карачаево-балкарские слова приобретают новые значения. Главным образом, это имена существительные и прилагательные.

к.-балк. слово	искон. знач.	социализован. значение	русское слово
<i>азат</i>	свободный	раскрепощенный	раскрепощенный
<i>бай</i>	богатый, богач	помещик	помещик
<i>джабыу</i>	покрывало	одеяло	одеяло
<i>ишчи</i>	работник	рабочий	рабочий
<i>къол</i>	рука	поддержка	рука (в смысле поддерж- жка)
<i>къызылла</i>	красные	красные	красные (в смысле со- ветские)
<i>баш сайлау</i>	главный выбирание	Верховный выборы	Верховный выборы

<i>тынч-лыкъ</i>	спокойствие	мир	мир
<i>урун-нъан</i>	работающий	трудящийся	трудящийся
<i>элли</i>	селянин	крестьянин	крестьянин
<i>эркинлик</i>	воля	свобода	свобода и т. д.

Вместе с заимствуемыми из русского языка словами в карачаево-балкарский язык вошли звуки русского языка ф, ц, щ, в: революция, вагон, вино, вафли, Москва, фабрика, фашист, ферма, центр, цемент, щетка и т. д. Однако в перечисленных и подобного рода словах карачаевцы пожилого возраста ф заменяют звуком п, в—б, ц—с, щ—ш: *пабрика, сентр, бино, шотка* и т. д. Результаты анализа русской речи школьников и студентов-карачаевцев показывают, что многие из них в русской речи допускают замену щелевого щ щелевым звуком ш: не щавель, еще, шука, мощь, а *шавель, ешо, шука, ши, мош*, и неверно орфографируют такие слова. Буквой х карачаево-балкарского алфавита на письме передаются три различных звука: гортанный h, глубокозаднеязычный хъ и заднеязычный х. Последний встречается в составе незначительного количества карачаево-балкарских слов: *хора, хойнух, гяхиник, Хурзук, хота* и т. д. В карачаево-балкарском языке широко распространены глубокозаднеязычный хъ: *ханс* «трава», *ахшы* «хорошо», *хыршы* «точильный камень», хуна «каменный забор» и т. д. Изучение произношения показывает, что в русских словах, где рядом с х оказываются гласные заднего ряда: хорошо, хотя, сахар, пахота, хутор, запах, опухание, рыхлый и т. д., многие школьники и отдельные студенты произносят глубокозаднеязычный хъ, не говоря уже о людях преклонного возраста. Что же касается звуков ф, ц, то их правильное произношение достигается уже в начальных классах средней школы.

Для некоторых из числа молодежи второй язык стал родным, а родной — вторым. Это приводит к тому, что билингв карачаевские слова оформляет на русский лад: глубокозаднеязычные къ, х, гъ соответственно заменяются заднеязычными к, х, г: *къара—кара* «черный», *хъапар—хапар* «рассказ», *аргъы—аргы* «тот», «дальний» и т. д.; носовой нъ звучит как н или нг:

меннѣ—*мене*, *меннге* «мне», *сеннѣ*—*сене*, *сенге* «тебе» и т. д.

Обогащение морфологического уровня. Здесь мы обнаруживаем интересный и разнообразный материал. Так, метод категориального анализа показывает:

1. Словообразующий формант родного языка расширяет свое значение, более активизируется, может объединять в себе семантику и функции нескольких формантов второго языка. Например, агентивный суффикс *-чы* передает семантику и выполняет функции продуктивных и непродуктивных суффиксов русского языка, создающих существительные со значением лица: лесник—*агъаш-чы*, паст-ух, — *сюрюу-чы*, рыб-ак — *чабакъ-чы*, полив-щик — *сугъарыу-чу*, мор-як — *тенъиз-чи*, учитель — *окъутуу-чу*, гармонист — *къобуз-чу* и т. д.

2. Словообразующий формант родного языка может стать неупотребительным. Его место может занять формант русского языка. Например, прежде в словах тракторист, машинист, комбайнер *вм.* суффиксов *-ист*, *-ер* употреблялся аффикс *-чы*: *трактор-чу*, *машина-чы*, *комбайн-чы*. С течением времени язык принял эти слова в русском оформлении.

3. После словообразующего форманта заимствованного слова может присоединяться тождественная морфема первого языка, которая иногда с течением времени выпадает: было *монтер-чу*, *маляр-чы*, стало *монтер*, *маляр*, но еще остаются *авиаторчу* — *авиатор*, *регистраторчу* — *регистратор* и т. д.

4. Под влиянием структуры определительной группы существительных родного языка, как правило, в заимствуемых двухсловных словосочетаниях из русского языка прилагательные теряют свои суффиксы: Советский Союз — *Совет Союз*, Коммунистическая партия — *Коммунист партия*, машинный зал — *машина зал* и т. д. Однако в отдельных случаях суффикс сохраняется: *духовой оркестр*.

5. Из русского языка вместе с заимствуемыми словами в карачаево-балкарский язык вошло заметное число словообразующих суффиксов: *-ист*, *-изм*, *-ант*, *-ер*, *-ник* и др.

За годы советской власти карачаево-балкарский язык обогатился огромным количеством оборотов, являющихся кальками русских выражений или полукальками: *алчы сынам* «передовой опыт», *аскер техника*

«военная техника», *бусагъатдагъы технология* «современная технология», *кѣб джыллыкъ хансла* «многолетние травы», *урунууну къурау* «организация труда», *планны болджалдан алгъа толтуруу* «досрочное выполнение плана», *комсомолчу-джаши тѣлю бригада* «комсомольско-молодежная бригада», *илму-техника прогресс* «научно-технический прогресс» и т. д.

Наибольший интерес представляют интерферированные свободные словосочетания. Здесь наблюдается семантическая и структурная интерференция. Например, выражение *саулукъ сакълау* раньше осознавалось «беречь здоровье». С появлением учреждений здравоохранения оно приобрело дополнительное значение «здравоохранение». Такую семантическую интерференцию претерпели: *алгъа барыу* «движение вперед» — «наступление», *артха кетиу* — «возвращение назад», «отступление», *бешджыллыкъ бичим* — «план на пять лет», «пятилетний план». В последнем примере значение «пятилетний план» возникает, если два первых слова словосочетания (*беш* и *джыллыкъ*) сливаются в сложное слово *бешджыллыкъ* «пятилетка» и структурно совпадают с русским сложным словом «пятилетка». Это свидетельствует о том, что семантическая интерференция нередко действует одновременно со структурной интерференцией.

Любопытно, что словосочетания, являющиеся кальками русских сложных слов, стремятся превратиться в сложные слова и в карачаево-балкарском языке. Так, русские сложные слова «радиопередача», «машинное», «сельскохозяйственный» и т. д. в карачаево-балкарском языке ныне передаются словосочетаниями *радио беруу*, *машина ишлеу*, *эл мюлк*. Однако они по мере свободного усвоения содержания и структуры русских сложных слов билингвами стремятся превратиться в сложные слова с единым ударением. Следовательно, свободное владение русским языком ведет не только к семантическому, но и к структурному сближению словосочетаний. А это, в свою очередь, ставит перед специалистами карачаево-балкарского языка вопросы правильного орфографирования таких словосочетаний. Подобные явления характерны и для других языков Карачаево-Черкесии.

Таким образом, билингвистические исследования раскрывают перед нами новые, живые, полнокровные

языковые закономерности, возникающие под плодотворным воздействием русского языка на национальные языки. Дальнейшее их изучение и направление этих процессов в необходимом русле будут ускорять усвоение русского языка, развитие и сближение языков народов СССР.

На современном этапе строительства социализма в нашей стране происходит всесторонний расцвет национальных культур, их взаимовлияние и взаимообогащение. Взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур ведет к созданию единой социалистической культуры для всех народов СССР. Этот процесс будет усиливать потребность в едином языке общения и сотрудничества. Ведь немислимо и нет надобности требовать от каждого советского гражданина знания всех 130 языков народов СССР, когда эту поистине благороднейшую миссию межнационального общения успешно выполняет добровольно избранный всеми народами СССР русский язык.

Современный русский язык обогащает национальные языки народов СССР мощным содержанием, неся на своих крыльях идеи мира, интернационализма, советского патриотизма, социалистического гуманизма, единой социалистической культуры, великие идеалы коммунизма. Исторически складывается так, что русский язык дан не одному русскому народу, а всем народам СССР. И в силу этого все настоятельней возрастает ныне необходимость более бережного отношения к нему, борьбы за чистоту русского языка. «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка, — писал А. М. Горький, — есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней. Именно поэтому одни всегда стремятся притуплять язык, другие — оттачивать его»⁶.

В идеологических диверсиях буржуазной пропаганды против Советского Союза особое место отводится фальсификации достижений советских народов в области культурного и национально-языкового строительства. В первую очередь подвергаются извращениям и нападкам программные мероприятия Коммунистической партии Советского Союза по обеспечению свободного и равноправного развития народов и языков СССР, советский опыт создания и совершенствования письмен-

ности народов СССР. Прогрессивная роль русского языка и русской культуры в духовном обогащении народов СССР, использование русского языка в качестве языка межнационального общения в нашей стране, дальнейшее развитие национально-русского двуязычия, расцвет и взаимообогащение языков и культур народов Советского Союза преподносится как русификация и ассимиляция.

Немалое внимание процессам языковой жизни народов Кавказа уделено в работах буржуазных ученых А. Стромаса, Е. Левиса, Р. Пайпса. Они распространяют миф об угасании культуры народов Кавказа, «ассимиляции» и «вымирании» многочисленных языков. Подобного рода мифами идеологи империализма хотели бы разжечь национализм и использовать его для подрыва социалистического строя в нашей стране. Один из американских антисоветчиков Ростоу заявил, что для реставрации капитализма в СССР нужен суший «пустяк» — «чтобы пышным цветом расцвел национализм»⁷. Вот почему буржуазные идеологи так старательно заполняют эфир вирусом национализма.

Ни у каких народов, ни в одной другой стране, не произошли такие разительные прогрессивные перемены, как в судьбах малых народов нашей страны. По числу студентов и учащихся в средних специальных учебных заведениях на каждые 10 тыс. человек Карачаево-Черкесия оставила далеко позади себя такие развитые капиталистические страны, как Англия, ФРГ, Франция, Япония⁸. В 1979 г. на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше приходилось лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием: в Северной Осетии — 643, Кабардино-Балкарии — 624, в Карачаево-Черкесии — 588, Чечено-Ингушетии — 542, в Дагестане — 522. Эти цифры раскрывают лживость и антинаучную сущность необоснованных заявлений «советологов» типа историка из ФРГ Б. Мейснера и английского «советолога» Х. Сетона-Уотсона о том, что будто в СССР представители нерусских народов ограничиваются в получении высшего образования, что якобы в СССР «высшее образование носит избирательный характер»⁹.

Не приводя ни единого аргумента или факта, представители буржуазной пропаганды В. Коларз, Х. Хазард и др. утверждают, что в Советском Союзе якобы

ограничивают развитие родных языков нерусских национальностей. В сочинениях буржуазных социологов А. Стромаса, Е. Левиса, Р. Пайпса взаимообогащение языков народов СССР преподносится как «средство угнетения» нерусских народов. Вся эта гнусная ложь и клевета о национально-языковом строительстве в СССР отражают идеологическую сущность буржуазного понимания национального вопроса.

Один из реакционных французских журналистов Андре Пьер в газете «Монд» писал: «Интересно, во что превратились поэмы Пушкина, такие тонкие по форме и музыкальные по ритму, такие рафинированные, после перевода их на поневоле грубый язык бурят-монголов, коми, якутов и чувашей...»¹⁰ Вот вам глупое двурушническое лицо буржуазной пропаганды: с одной стороны, вроде бы проявляется забота о развитии национальных языков, а с другой — национальные языки объявляются грубыми и дикими, поэтому, дескать, нечего их развивать. Эта неуклюжая, разноликая пропаганда преследует одну цель — поколебать дружбу народов нашей страны.

За годы Советской власти национальные языки народов СССР стали языками, обеспечивающими современные потребности в овладении достижениями научно-технической революции, общественно-политической и духовной жизни. Такую возможность они приобретают в результате длительного взаимодействия между собой и с русским языком. Происходит развитие разных сторон лексики родных языков специальной терминологией, обогащение их русизмами, расширение значения обычных слов родного языка, приобретение общепотребительными словами новых социализованных значений, увеличение числа калек, полукалек, сложносокращенных слов, количества выражений, являющихся переводами собственно русских или иноязычных словосочетаний.

Великий А. С. Пушкин отмечал: «..русский язык перемчивый и общежительный в своих отношениях с чужими языками»¹¹. Исследования показывают, что русский язык вобрал и продолжает вбирать в себя все необходимое из языков мира, и прежде всего, из языков народов СССР. Это единственный развитый язык в мире, который, усвоив слова, отражающие наивысшие достижения каждой нации и народности, делает их

достоянием всех народов и языков мира. Так, например, из языков народов Северного Кавказа, по неполным данным, в русский язык вошло свыше трех тысяч слов¹². Что же касается количества русизмов и интернационализмов в языках Северного Кавказа, то оно непрерывно увеличивается. В активный словарь этих языков вошло несколько тысяч русских слов и выражений. И в этой связи уместно вспомнить слова В. И. Ленина из письма С. Г. Шаумяну: «Прогрессивное значение русский язык имел для тьмы мелких и отсталых наций — бесспорно»¹³.

Как справедливо пишет К. М. Мусаев, «буржуазные фальсификаторы, спекулируя на возрастании количества людей, свободно владеющих русским языком, называя это «русификацией», языковой «ассимиляцией», замалчивают другое — высокий процент говорящих на родном языке своей национальности, количественный рост лиц, признающих родной язык своей национальностью»¹⁴. 90—99 процентов нерусских народов страны назвали родным язык своей национальности¹⁵.

Антисоветчики вынашивают в последнее время и другой вымысел. Западногерманский литературовед Ян Мюллер-Юдайс пытается уверять, что на «окраинах» СССР духовная жизнь настолько сильно развивается, что якобы несет в себе угрозу «коренной» русской культуре и литературе¹⁶. Нет, не о коренной русской культуре и литературе печется фальсификатор. Ему бы хотелось приостановить духовное развитие нерусских народов СССР, противопоставить советские народы друг другу, подорвать сколько-нибудь основу основ социалистического строя — дружбу народов СССР.

Ныне непомерно возрастает роль и значение русского языка как языка межнационального общения и прогресса. Русский язык укрепляет нерушимую дружбу и единство народов СССР, объединяет их усилия для решения грандиозных задач, поставленных КПСС перед советским народом. Национально-русское двуязычие возрастает, получает дальнейшее развитие. В 1979 г. 61 млн. 300 тыс. человек других национальностей назвали русский язык вторым родным языком. Так он дорог сердцу каждого советского человека. Сегодня русским языком свободно владеет свыше 82 процентов всего населения страны. Безусловно, русским языком будут владеть наряду с родным все народы Советского

Союза. Непременно, наперекор тем клеветникам, которые предупреждают: как только народы СССР научатся говорить по-русски, произойдет их русификация.

Всякой клевете, всякому вымыслу буржуазных фальсификаторов о национально-языковом строителстве в СССР советские народы противопоставляют свое нерушимое единство, преданность делу КПСС, любовь к социалистической Родине, великому русскому языку — гениальному творению человеческого разума, посредством которого они познают материальные и духовные ценности любых народов, населяющих СССР и весь мир.

---

¹ Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968, с. 276.

² Филин Ф. П. Русский язык в советских социалистических республиках. — В кн.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977, с. 8.

³ Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980, с. 146.

⁴ Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.-Л., 1940, с. 32.

⁵ Хабичев М. А. Ук. соч., с. 144.

⁶ Сб. Русские писатели о языке. Л., 1954, с. 422.

⁷ Самсонов Н. Г. Русский язык в Якутии. Якутск, 1982, с. 100.

⁸ Инжиевский А. А. Советской Карачаево-Черкесии 60 лет. — Уголок большой России — горный край родной. Черкесск, 1982, с. 22.

⁹ Литературная Россия, 1980, 5 ноября.

¹⁰ Цитируется по книге: Самсонов Н. Т. Русский язык в Якутии. Якутск, 1982, с. 50.

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в шестнадцати томах. М., 1949, с. 143—144.

¹² Гальченко И. Е. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975, с. 7.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 234.

¹⁴ Факты и домыслы. Кишинев, 1973, с. 259—260.

¹⁵ Магидов Ш. Г. Сближение наций, содружество языков, Нальчик, 1982, с. 204.

¹⁶ Литературная газета, М., 1976, 1 декабря, с. 10.

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

Социальный облик современной Карачаево-Черкесии свидетельствует о тех грандиозных изменениях, которые произошли здесь за годы советской власти. Абазины и черкесы, карачаевцы и ногайцы, не имевшие до революции своей письменности, «сегодня могут говорить о расцвете науки»¹, культуры, прессы и театра. По словам поэта Хасана Айбазова, «сыны племен разноязыких, мы научились в братстве жить, на языке одном, великом, и песни петь, и говорить»².

Выразителем интернационализма многонационального советского общества стал в наши дни русский язык — «язык интернационального труда советского народа на целине, на БАМе, Саяно-Шушенской ГЭС, Атоммаше и др. всесоюзных стройках, язык интернационализма строителей коммунизма»³.

Русский язык — это «язык великого Ленина, на котором обобщен исторический опыт борьбы человечества за свое счастье и озарена дорога в грядущее, язык, на котором созданы бесценные творения научной и художественной мысли, язык открывателей Вселенной и первопроходцев новой жизни»⁴. Русский язык в Карачаево-Черкесии стал вторым родным языком; сложилось «двуязычие с русским языком в функции общего языка межнационального общения»⁵. Абазинский и кабардино-черкесский, карачаево-балкарский и ногайский языки принадлежат к разным генетическим группам, различаясь по структуре и словарному фонду, поэтому представители разных национальностей общаются на русском языке. Согласно переписи населения 1979 г., русский

язык в качестве второго родного языка, которым свободно владеют, назвали 75,4 процента абазин, 75,5 процентов карачаевцев, 75,6 процентов ногайцев и 69,6 процентов черкесов⁶. Известно, что по желанию родителей обучение во всех школах Карачаево-Черкесии ведется на русском языке, а родной язык и литература изучаются как предмет. «Русское слово ... связывает воедино судьбы и чаяния народов, наций и народностей, приобщая одних к духовным сокровищам других, усиливая их идейное единство, обогащая и сближая их культуру, помогая всем идти вперед по пути прогресса и процветания»⁷.

«Вопрос о создании письменности для абазин был решен в 1932 году постановлением президиума областного исполнительного комитета Черкесской автономной области от 25 июня 1932 г., где говорится, что до сих пор в абазинских аулах школы не коренизированы и дети обучаются на непонятном им черкесском языке. Такое положение, безусловно, недопустимо и требует скорейшего разрешения вопроса о введении абазинской письменности с таким расчетом, чтобы в 1932/1933 учебном году абазинские школы были коренизованы»⁸. Абазинская письменность впервые была создана в 1932 г. на основе латинской графики. В 1938 г. алфавит был переведен на русскую графику. «Русские ученые-языковеды совместно с учеными и учителями национальных республик, краев и областей создавали грамматики, учебные пособия, словари для этих же младописьменных языков, позволившие в кратчайшие сроки пачать в широкой сети школ, курсов, ликбезов обучение неграмотного населения... чтению и письму на родных языках»⁹. В наши дни на абазинском языке издается общественно-политическая, учебно-методическая, художественная, научная и другая литература, учебники и учебные пособия, выходит областная газета «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма»), ведется радиовещание. Абазинский язык изучается в школах, педагогическом училище, государственном педагогическом институте, включен в учебную программу ряда кафедр кавказоведения¹⁰. Овладение грамотностью на родном языке способствовало тому, что абазины стали с еще большим интересом изучать русский язык. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала условия, — пишет С. А. Гочияева

и Р. Х. Темирова, — не только для создания письменности и обучения грамоте на родных языках, но она открыла широкие пути для всемерного обогащения национального языка каждого народа, для пополнения его словарного состава новыми словами, отражающими новые понятия в области политики, науки, техники, литературы и искусства»¹¹.

Обращение к теме «Влияние русского языка на формирование общественно-политической лексики абазинского языка» вызвано тем, что именно общественно-политическая лексика отражает все изменения, происходящие в общественной жизни, экономике, науке, технике, культуре. Если в русской лингвистике наблюдается интенсивное изучение проблем лексики и терминологии¹², то в абазиноведении эти вопросы еще не рассматривались исследователями.

Цель статьи — дать краткую характеристику общественно-политической лексики абазинского языка, показать способы ее обогащения и развития, выявить некоторые закономерности фонетического, морфологического и семантического освоения общественно-политической лексики, заимствованной из русского языка.

Все возрастает влияние русского языка на другие языки народов СССР. Это влияние не случайно, а исторически закономерно; оно все увеличивалось «по мере того, как русская культура... приобретала все большее историческое и международное значение, пока, наконец, гигантский исторический сдвиг, именуемый Великой Октябрьской социалистической революцией, имевшей поистине мировое значение, не сделал русский язык действительно мировым языком передовой социалистической культуры, изучение которого на всех концах мира ведется в настоящее время в самых широких масштабах миллионами людей самых различных национальностей, и, безусловно, будет в дальнейшем еще возрастать»¹³.

Вышедший в 1983 г. «Русско-абазинский словарь общественно-политической терминологии»¹⁴ в какой-то мере унифицировал термины, появившиеся в абазинском языке, «в связи с бурным ростом экономики и культуры народов области»¹⁵, отобрав общеупотребительную общественно-политическую и социально-экономическую лексику русского языка, переведенную на абазинский язык. В последние годы происходит функциональ-

по-стилевая дифференциация современного абазинского языка, свидетельствующая о высоком этапе развития данного языка; можно различить такие функциональные разновидности абазинского языка, как стили литературно-художественный, устно-поэтический и научно-публицистический¹⁶.

По мнению М. Мусина, «развитие языков как сложный общественный процесс затрагивает всю языковую систему: терминологию, алфавиты, орфографию, грамматику, синтаксис, лексику, фонетику, но самой подвижной и быстро развивающейся частью является словарный состав, в частности, терминология, в которой особенно вышукло и ярко отражаются изменения языка, его взаимодействие с другими языками»¹⁷. По подсчетам лингвистов, в лексике языков «термины составляют от 50 до 80 процентов слов и значений»¹⁸. Новое слово, даже международного характера, может быть принято тем или иным языком «только тогда, когда межъязыковые тенденции совпадают с собственными внутренними потребностями и возможностями данного языка»¹⁹. В основе многих русских, немецких, французских, итальянских, английских общественно-политических слов лежат, как известно, латинские и греческие корни: *социализм, партия, революция, коммунизм, республика, театр, телеграмма*. Однако абазинский язык пополнился общественно-политической лексикой, вошедшей из русского языка или через русский язык.

В абазинском языке следует выделить две основных группы заимствований общественно-политической лексики из русского языка:

I. Общественно-политическая лексика дореволюционного периода.

II. Общественно-политическая лексика советского периода. В работе дается краткая характеристика названных групп заимствований из русского языка или через русский язык и пути их трансформации в абазинском языке.

1. Общественно-политическая лексика дореволюционного периода, проникшая в абазинский язык из русского языка устным путем, в основном, связана с военной и гражданской администрацией царского самодержавия. Таковы, например, лексе-

мы *суд*, старшина (абаз.) — старшина, писар — писарь, палнца — полиция, кланвой — конвой, афицар — офицер, клатларга — каторга, правлена — правление, итап — этап, бежнца — беженцы, клазна — казна, бунт, заквон — закон, оквырг — округ, прапарыцк — прапорщик, пичат — печать, пристаф — пристав, пыргавор — приговор, прашена — прошение, гардавой — городской, урадныкь — урядник, инараль — генерал, паручк — поручик, полк, салдат — солдат, кларабин — карабин, волст — волость, губерна — губерния, губырна тыр — губернатор, памещик — помещик, стражныкь — стражник, чнофныкь — чиновник, ратмстыр — ротмистр, саул — есаул, платрон — патрон, сотна — сотня, чын — чин, пыльмот — пулемет, награда, фронт, пошт — почта, начальныкь — начальник, дохвтыр — доктор, фершыль — фельдшер, урышв — русский, анльыз — англичанин, намыца — немец, Герман — Германия, Япон — Япония, Кытай — Китай, Перс — Персия и др.

Как видно из приведенных примеров, фонетический облик большинства лексем подвергся сильному изменению. Они приспособлены к звуковой системе заимствующего языка. При этом в ряде дореволюционных общественно-политических лексем и терминов, имеющих более широкое распространение, сохраняется русское написание; например, *суд*, *офицер*, *генерал*, *закон*, *прапорщик*, *чин*, *пулемет*, *почта*, *печать*, *приговор*, *станция*, *солдат*, *Япония*, *Германия*, *Китай* и т. п.

Следует отметить, что в существующей «Орфографии и пунктуации абазинского языка» (1969) по отношению к заимствованным словам, вошедшим из русского языка или через русский язык, учтено то обстоятельство, что орфоэпические нормы русского языка на современном этапе не являются для подрастающего поколения абазин, как и других народов области, проблемой, ибо школьники, окончившие среднюю школу, не только свободно говорят по-русски, но и соблюдают произносительные нормы русского языка. В связи с этим, за исключением некоторых случаев (о них см. ниже), регламентированных названной работой, установление каких-то орфографических и орфоэпических норм для заимствований в абазинском языке отпадает.

Некоторые лексические заимствования дооктябрьского периода используются абазинами в письменной и

устной речи, а также в фольклоре. Так, например, приведенная ранее лексема *пошт*—*почта* употреблялась в значении «почтовая карета». В этом же значении (только с юмористическим оттенком) она бытует и сейчас в устной речи абазин. Так, если кто-либо за столом шумно помешивает чай ложкой, то ему напоминают присловье: «Почта пришла». И виновник, осведомленный шутивным рассказом, умолкает. Если же он об этом не знает, то напоминают рассказ о том, как одна девушка, острая на язык, потчевала гостя чаем. Гость беспрерывно помешивал чай ложкой. Девушка, стоявшая и наблюдавшая за ним, возьми да и скажи ему: «Почта пришла». А мужчина, тоже обладавший чувством юмора, ей в ответ: «Не привезла ли она сахару?» Девушка, покраснев, выбежала из дома.

Любопытно отметить, что названия некоторых стран у абазин стали мужскими и женскими именами. Например, *Япон*, *Пона* (Япония), *Кьтай* (Китай) в качестве имени носят как мужчины, так и женщины старшего поколения. Подобное явление наблюдается и у других народов Карачаево-Черкесии.

Отдельные лексемы дореволюционного периода, заимствованные из русского языка, можно встретить в абазинских сказках, пословицах и поговорках, в преданиях. Наличие общественно-политической лексики, заимствованной из русского языка в дореволюционный период, свидетельствует о ее глубоком проникновении в абазинский язык, например: «*Ауи хIъангIалыз апIатла анны ахча тасызгIауымгхыз, асуд уастта суд уыквдсырхуштI*», — *йхIватI абайа*. (Абаза *турыхква*, 1955, 109). — «Если ты не принесешь мне деньги (не вернешь долг), как мы договорились, в назначенный срок, я на тебя подам в суд и добьюсь, чтобы тебя судили», — сказал богач. *Урышв пхIвыси абаза пхIвыси къвзана угIара амырдитI* (АПА, 125)²⁰ — «Русская и абазинка друг у друга берут сито (т. е. живут дружно)». *Ушла печать аквума? (Там же, 129)* — «Разве твой рот запечатан?» (досл.: На твоём рте стоит печать? (Почему ты молчишь?). *Лау йпа ШахIым бзита дшамайсызгы, ауи ахIча дъагIарылцIыз ахъазла награда, офицер хъыз (апаштахI) гIайыйттI* (Абаза *турыхква*, 1955, 70). — «Несмотря на то, что сын Лоова — Шахим — не отличился в сражениях, он (царь) дал

ему награду и присвоил офицерское звание из-за того, что тот дворянского происхождения».

Сфера употребления дореволюционной общественно-политической лексики неодинакова. Часть ее прочно вошла в абазинский литературный язык (слова типа *генерал, офицер, суд, печать, приговор* и т. п.) и употребляется в сочетании с исконными словами, используясь для образования сложных слов и словосочетаний: *суд уыс* — судебное дело, *судхагъв* — судья, *судхара* — судопроизводство, *судхарта* — место судебного разбирательства, *асуд дарттI* — его (человека) отдали под суд, *офицер хъыз* — офицерское звание. Другая часть общественно-политической лексики вышла из употребления и активного словарного запаса, перейдя в пассивный словарь абазинского языка, превратившись в историзмы, исчезнувшие вместе с явлениями, ими называемыми. Такие историзмы в наши дни используются лишь в текстах художественной литературы со стилистической целью: например, для передачи колорита изображаемой эпохи (*губерна, саул, писар, правлена, клазна, пристаф, старшна, урадныкъ, стражныкъ, сотна*).

В первые годы создания письменности в лексике абазинского языка широко использовались арабско-персидские заимствования дореволюционного периода, связанные с различными отраслями лексики. Среди них преобладали слова, относящиеся к религии, торговле, денежным отношениям, юриспруденции, быту, военному делу. Их проникновение в абазинский язык было связано с засильем мусульманской религии и торговыми взаимоотношениями. Многие из арабских заимствований, связанные с религиозными верованиями, выходят или полностью вышли из активного словаря. Другие лексемы были заменены заимствованными терминами из русского языка и реже — неологизмами, созданными на базе исконного материала. Такие дореволюционные заимствования, как *гъальмы* — наука, знание, *мхIвыр* — печать, *уакъыль* — адвокат, *тазыр* — наказание, *тахта* — трон, престол, стали достоянием истории. Из приведенных заимствований, напр., *гъальмы* вытеснено неологизмом *дырра*, а *мхIвыр* и *уакъыль* — заимствованиями из русского языка: *печать, адвокат*.

Общественно-политическая лексика, заимствованная из русского языка в дооктябрьский период, у аба-

зии малочисленна, так как коренные народности Северного Кавказа стояли, по словам В. И. Ленина, в стороне не только от мирового хозяйства, но даже в стороне от истории²¹, были безграмотны и не имели возможности участвовать в общественной жизни.

Таким образом, общественно-политическая лексика дореволюционного периода, в основном, относится к административно-военной терминологии. Она в абазинский язык проникла устным путем и подверглась адаптации в соответствии с фонетическими законами абазинского языка. При этом следует иметь в виду и произносительные нормы местного южно-русского диалекта, явившегося посредником языка-источника. Хотя заимствованная в дореволюционный период лексика русского языка у абазин и ограничивается административной и военной терминологией, роль русского языка в обогащении и развитии словарного состава абазинского языка общественно-политическими терминами в дооктябрьский период очевидна.

В годы советской власти в стране произошли большие изменения в области экономики и общественно-политической жизни, способствовавшие достижению грандиозных успехов в культурном строительстве. «Все мероприятия Советского государства, связанные с развитием литературного языка — создание письменности, учебных пособий, грамматик, различных справочников и словарей, издание газет, развитие литературы и искусства — все это выдвигало задачу научного изучения языков народов Карачаево-Черкесии с первых лет советской власти»²².

И. К общественно-политической лексике советского периода относятся такие заимствования из русского языка и через русский язык, как *партия, социализм, совет, совет власть* — советская власть, *съезд, коммунист, комсомол, профсоюз, октябренок, марксизм, Октябрь, революция, большевик, пролетариат, партизан, манифест, агитация, академия, астроном, социология, указ, рабоча* — рабочий и др. Советизмы, совершенно естественно вошедшие в абазинский язык, «стали символом новых языковых отношений, когда вступающие в контакт языки развиваются как равноправные контактирующие члены, взаимно обогащая друг друга»²³. Обогащение абазинского языка новыми словами, пришедшими из русского языка,

«было обусловлено необходимостью выразить новые понятия, новые явления, вызванные к жизни революцией, победой нового, социалистического строя»²⁴. Революционные преобразования во всех областях жизни способствовали массовому проникновению советизмов и интернационализмов в абазинский язык устным путем. Создание же письменности положило начало интенсивному развитию абазинского литературного языка, обогащению лексики общественно-политической, научной, технической, лингвистической и другими отраслями терминологии, пришедшими в абазинский язык из русского языка.

Словарь абазинского литературного языка обогащался и обогащается общественно-политической лексикой разными путями. Из русского языка абазинский язык усвоил большое количество слов и словосочетаний, принадлежащих к общественно-политической лексике и терминологии. Часть общественно-политической лексики русского языка в абазинском языке используется в неизменном виде, напр.: *вождь, библиотека, семинар, салют, военкомат, бюджет, карантин, псевдоним, доцент, симпозиум*, так как данные лексемы не имеют соответствующих эквивалентов в абазинском языке. К ним относятся, главным образом, имена, структура которых сохраняется и имеет словарную форму: *адмирал, атом, большевик, газета, гимн, декабрист, декрет, делегат, демократ, диалектика, диктатура, доклад, журналист, индустрия, интернационал, классик, коммунист, комитет, конституция, листовка, марксист, марксизм-ленинизм, парламент, партизан, президиум, программа, проект, философия, цензура, чекист, шпион, экономика, экономист, юрист, юрисконсульт, юстиция, ячейка* и многие другие.

Иногда наблюдается синонимическое сосуществование русского и абазинского слова, напр.: *курс — курс, мѣлва; каникулы — каникул, типсцара: гражданский — граждан, къральгѣв; делегат — делегат, кӀыкӀва: делегат съезда — асъезд аделегат*. Пока трудно предположить, какой из параллельных синонимов будет кодифицирован.

Другая группа абазинской общественно-политической лексики (неологизмов) образовалась под влиянием русских слов на базе исконного материала. Развитие и обогащение общественно-политической термино-

логии абазинского литературного языка на базе собственной лексики происходит разными путями. В создании неологизмов решающую роль играет словосложение, являющееся важнейшим способом словообразования в абазинском языке. Используются различные типы сложения. Наиболее широкое распространение получило сочетание именной основы с глагольной: *шыцраглахъвыцра* — новаторство (*шыцра* — новинка, новизна + *глахъвыцра* — придумать), *шыцрагланьыршара* (*шыцра* то же + *гланьыршара* — создать); *напцтыхъра* — голосование (*напты* — рука + *цтыхъра* — поднимать); *къральгъвынахчагъв* — пограничник (*къральгъвына* — граница + *хча* — глагольная основа — стеречь + *гъв* — словообразовательный аффикс класса человека, образует имена со значением профессии и параллельно — рода занятий); *унашвачнагъв* — руководитель (*унашва* — распоряжение + *чна* — глагольная основа — делать + *гъв* — то же); *тышгъврархарджьырта* — хлебопроизводящий (*тышгъвра* — зерно + *рхарджь* — глагольная основа — возделывать + *рта* — суффикс места); *акъраль атышгъврархарджьырта шыплаква* — хлебопроизводящие районы страны (РАСОПТ, 125).

Немало терминов, образованных и способом сочетания двух основ существительных: *къральгъв* — гражданин (*къраль* — страна + *гъв(ы)* — человек; Совет Союз *акъральгъв* — граждане Советского Союза (РАСОПТ, 31); *абаштагъв* — соотечественник (*аба* — отец + *шта* — отчизна + *гъв(ы)* — человек); *сквышышв* — век (*сквышы* — год + *шв* — корневой элемент числительного *швкты* — сто).

В создании новых терминов большую роль играет и суффиксальный тип. В этом плане продуктивны суффиксы *-ра*, *-гла*, *-гъва*, *-гъв(ы)*. С помощью данных аффиксов образуются слова с отвлеченным значением от основ исконных и заимствованных из русского языка слов:

Модель-*ра*: *къральгъв-ра* — гражданственность, *аны-ра* — материнство, *фыр-ра* — героичество, *хъвадача-ра* — тунеядство, *ликвидатор-ра* — ликвидаторство, *партийна-ра* — партийность, *тыдыр-ра* — сознательность, *адктылазла-ра* — сплоченность: сплоченность рядов партии — *апартия асатырква радктылазлара* (РАСОПТ, 110); *рыбагъья-ра* — упрочение: упрочение мира — *амамыр рыбагъьяра* (Там же, 120); *айщыва-*

ра — братство: братство народов — *ауглаква райицтва-ра* (Там же, 19).

Модель-*гла*: *глычлвлвысы-гла* — человечность; *рыцхла-гла* — несчастье, *бзиба-гла* — счастье, добро, радость, *чквыны-гла* — ребячество, *нбжваглы-гла* — товарищество, *мамыры-гла* — мир, *хвитна-гла* — право: право гражданства — *акъральгвлра ахвитнагла*.

Модель-*гла*: *къралы-гла* — государство: государство нового типа — *рглансца шлыц зму къралыгла* (РАСОПТ, 31); *тхаджы-гла* — зажиточная жизнь.

Модель-*гвл(ы)*: *абакл-гвлы*, *азабакл-гвл* — борец (борцы за мир — *амамырагла азабаклыгвлчва*); *аквыргвышхва-гвл* — вдохновитель; *анхагыла-гвл* — передовик, знаменосец (передовики социалистического соревнования — *социалист анкъвакъвра анхагылагвлчва*) (РАСОПТ, 81); *нха-гвлы* — труженик (труженики сельского хозяйства — *акытмлыквырхлара анхагвлчва*) (Там же, 116); *алхыгвл* — избиратель.

Однако большая часть общественно-политической лексики русского языка в абазинском языке калькируется, напр.: пятилетка — *хвысквша*; союз — *адклылара* (союз народов — *ауглаква радклылара*) (РАСОПТ, 109); земледелие — *адгылрхарджьра*; внешнеторговые связи — *глымакъральхвглахвтри абадырраква* (РАСОПТ, 23) и т. п.

Подобное создание слов и словосочетаний посредством калькирования используется для передачи новых понятий, например: *щатацтлацлагвл* — основоположник; *хъатахв* — себестоимость; *тыдзунашвахъцларта* — домоуправление; *згвадарахчарта* — здравоохранение; *унашвахъцлагвл хъада* — главнокомандующий; *псабарыларысабапра* — природопользование и др.

Продуктивным средством образования новых терминов с общественно-политическим значением является неполное калькирование, т. е. одновременное использование заимствованного и исконного компонента: *подряд нхаша* — подрядный метод работы; *блын газета* — стенная газета; *страховка чпара* — страхование; *телебара* — телевидение; *бракчпагвл* — бракодел; *докладчпагвл* — докладчик; *орденнкъвгагвл* — орденосец; *акомсомол йалу* — комсомолец; *адружина йалу* — дружинник; *политнхагвлы* — политработник; *наукамыклы* — лженаука; *Совет Ры* — Советская Армия; *ртхъвага грамота* — похвальная грамота; *гвлпалатакл*

эму, гIвпалатакIла йалу — двухпалатный; *асоюз зым-гIва* — всесоюзный; *партуацIа* — внутрипартийный; *партуацIа демократия* — внутрипартийная демократия (РАСОПТ, 23); *кварталпхьадза* — поквартальный и др.

В советский период активно развивается общественно-политическая и культурная жизнь абазинского народа, что способствует расширению значений многих исконных слов под влиянием русского языка. Появление большого числа новых понятий и представлений способствует тому, что изменяются и расширяются значения многих исконных слов. Это один из способов обогащения общественно-политической лексики абазинского языка. Приводимые примеры, кроме своего основного значения, стали выражать социальные понятия и широко использоваться в общественно-политическом значении в публицистике: *алхра* — данное слово, имеющее несколько значений, в форме множественного числа (*алхраква*) приобрело новое значение: превратилось в общественно-политический термин и широко используется в публицистике в значении *выборы*, напр.: СССР *ЙхIаракIу а-Совет алхраква* — выборы в Верховный Совет СССР, *гIаргыIра*, кроме своих основных значений (АРС, 174)²⁵, данное слово стало обозначать новое понятие, используя в публицистике в значении «выдвижение», напр.: *адепутатра акандидатква гIаргыIра* — выдвижение кандидатов в депутаты; *хъгIва* и *хътIы*, имеющие противоположные значения, стали обозначать новые понятия, напр.: *йхъгIву алхра* — закрытое голосование, *йхътIу партия айззара* — открытое партийное собрание; *азазилытра* — значение лексемы «перекликаться» расширилось, и она стала использоваться в значении *перекличка*, напр.: *йанкъвакъвуа арайонква разазилытра* — перекличка соревнующихся районов (РАСОПТ, 82); *амдара* — лексема в абазинском языке многозначна (см.: АРС, 74—75); она стала выступать компонентом словосочетания *баракъ къапыцы* — красное знамя, напр.: *йамырдауа баракъ къапыцы* — переходящее красное знамя (РАСОПТ, 82); *гIаквшвара* (см.: АРС, 157), *гIаквыIра* (см.: АРС, 157), *гIацIцIра* (см.: АРС, 192), *гIацIцIтра* (см.: АРС, 192) — после Октября в связи с введением в КЧАО печатного дела значение данных лексем расширилось. Так, *гIаквшвара* и *гIаквыIра* употребляются в значении «появиться чему (например, о статье на стра-

ницах газеты), лексема *глаццџра* в значении «выходить из печати», «издаваться», а *глаццџтра* — «издать что». Последняя используется и в значении «издательский» (*глаццџтра план* «издательский план»), а *глаццџтырта* (производная от *глаццџтра*) употребляется в значении «издательство» (*книга глаццџтырта* «книжное издательство»); *зшлытра* — означает пригласить, позвать кого-либо. Семантика этого слова также расширилась: оно стало выражать общественно-политическое понятие «призыв», используясь в форме единственного и множественного числа в публицистической речи, напр.: Первомайские призывы ЦК КПСС — *Май йапхъахауа ами ахъызла КПСС а-ЦК азшлытраква*. Приведенная лексема *зшлытра*, сочетаясь со словом *арра*, приобрела и другое значение, напр.: *арра йызшлырттI* — его призвали в армию (на действительную службу); *тшазынархара* имеет значение «обращаться (лицом) к чему-либо» (например, к солнцу), но его семантика изменилась: используясь в публицистической речи, данное слово выступает в значении общественно-политического термина «обращение», напр.: обращение Всемирного конгресса сторонников мира — *амамыр ацкыгъвча р-Дуней конгресс атшазынархара* (РАСОПТ, 73).

Значение таких лексем, как *тдзы* — дом, *мшы* — день, *гъвы* — доска, в сочетании с другими словами также расширилось: *тдзы* — дом: Дом политического просвещения — *политика апхъарта Тдзы*, Дом Советов — *а-Советска р-Тдзы*, Дом культуры — *акультура а-Тдзы* (РАСОПТ, 37); *мшы* — день: День печати — *апечаты Амш*, День Победы — *Айглайра Амш* (Там же, 34); *гъвы* — доска: Доска почета — *члахџра Гъвы*, Доска показателей — *агларбараква Ргъвы* (Там же, 38).

Приведенные примеры показывают, что значение многих исконных слов расширилось под влиянием русского языка. При этом следует отметить и такое явление, наблюдаемое в абазинском языке: у заимствованного слова объем его значения может сужаться. Так, например, существительное «партия» в современном русском языке имеет несколько значений (см.: Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, том 9, с. 234). В абазинском языке оно используется в основном значении — «политическая организация», например: Коммунистическая партия Советского Сою-

за — *Совет Союз а-Коммунист партия*; партийный комитет — *партия комитет*, партия — авангард класса — *апартия акласс йапхъагылагIвнI*, партийная демократия — *партия демократия*, партийное поручение — *партия хъвадквцIара*, партийное руководство — *партия унашвахъцIара (РАСОПТ, 79—80)*, или, например, лексема «кризис» в русском языке имеет несколько значений. В абазинский же язык заимствовано лишь ее общественно-политическое значение — перепроизводство товаров в капиталистическом обществе; кризис колониальной системы капитализма — *капитализм аколония релансца акризис*.

Общественно-политическая лексика абазинского языка расширяется и обогащается также за счет сложносокращенных слов и аббревиатур. Многие из них прочно вошли в словарный состав абазинского языка; сфера их применения расширяется благодаря переводам в прессе, напр.: парторг (партийный организатор) — *парторг (партия адгалыгIв)*, спецкор (специальный корреспондент) — *спецкор (йазалху корреспондент)*; КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза — *КПСС — Совет Союз а-Коммунист партия*; РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — *РСФСР — Россия Совет Федерация Социалист Республика*; СЭВ — Совет Экономической Взаимопомощи — *СЭВ — Экономика АццхърагIара а-Совет*.

Сложносокращенные слова и аббревиатуры в абазинском языке сохраняют порядок компонентов и расположения букв русского языка, хотя при расшифровке в большинстве случаев последовательность их компонентов нарушается, например: ЦК КПСС — Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза — *ЦК КПСС — Совет Союз а-Коммунист партия а-Квта Комитет*; ТАСС — телеграфное агентство Советского Союза — *ТАСС — Совет Союз ателеграф агентства*; СРВ — Социалистическая Республика Вьетнам — *СРВ — Вьетнам Социалист Республика*; МИД СССР — Министерство иностранных дел СССР — *СССР а-МИД — СССР агIвымакъраль уысква рминистерства*; Госплан СССР — Государственный плановый комитет СССР — *СССР а-Госплан — СССР акъральыгIва план комитет*; комсомол — коммунистический союз молодежи — *комсомол — чкIвыныргIа ркоммунист адгъIара*; проф-

орг — профсоюзный организатор — *профадгалыгIв-профсоюз адгалыгIв* и др. Если приведенные и им подобные аббревиатуры располагать в той последовательности, как они расшифровываются в абазинском языке, то читателю трудно догадаться, что *ССКПКВК* — это *ЦК КПСС*, *ССТА* — *ТАСС*, а *ВСР* — *СРВ*. Поэтому аббревиатуры приведенного типа усвоены из русского языка без изменения: *ЦК КПСС*, *СССР*, *РСФСР*, *ТАСС* и т. п. Что же касается сложносокращенных слов, то этот вопрос осложняется еще и тем, что слова надо сокращать так, чтобы они соответствовали оригиналу, а это не всегда удается, так как русский и абазинский языки разносистемные.

Таким образом, приведенные примеры показывают, что словарь абазинского литературного языка обогащается общественно-политической лексикой русского языка разными путями: усвоением готовых слов и словосочетаний, аббревиатур и сложносокращенных слов, развитием и обогащением общественно-политической лексики на базе исконного материала, образованием новых общественно-политических терминов путем калькирования с русского языка, расширением значений исконных слов под влиянием русского языка.

Рассмотрим особенности приспособления общественно-политической лексики, заимствованной из русского языка, к грамматической системе абазинского языка.

При функционировании заимствованного слова в лексико-семантической системе абазинского языка оно подвергается грамматической переработке, в результате чего изменяется морфологическая характеристика иноязычного слова и оно приобретает фонетические, словообразовательные и морфологические особенности, присущие абазинскому языку.

Прилагательные в абазинском языке (за редким исключением), как и существительные, не обладают морфологическими показателями, как это, например, имеет место в русском языке: *отец* — *отцовский*, *партизан* — *партизанский*, *октябрь* — *октябрьский*, *бой* — *боевой*, *высота* — *высотный*, *имя* — *именной* и т. д.

Качественные прилагательные, как правило, следуют за существительным, к которому они относятся: *мгIва тыбгIа* — «широкая дорога (букв. дорога широкая), *баракъ къапцы* — красный флаг (букв. флаг красный)» и т. п. Отношение к другому предмету, ли-

цу выражается существительными, предшествующими определенному слову: *абашта айсра* «отечественная война (букв. отец война)», *ан клыклах* «материнское молоко (букв. мать молоко)», *абаза бызива* «абазинский язык (букв. абаза (абазин, абазинны) язык)» и др.

Языковые особенности приведенного характера отражаются на общественно-политической лексике, заимствованной из русского языка. Их вкратце можно свести к следующему.

1. Имена существительные (*демократ, инструкция, колхоз, коммунист, милиция, пролетариат, прогресс, революция, совет, суд, философ, шпион, юбилей, ядро* и т. п.), от которых в русском языке посредством различных суффиксов образуются качественные и относительные прилагательные, в абазинском употребляются в роли определений: советская Родина — *совет Псадгыыл*, коммунистическая партия — *коммунист партия*, демократическая конституция — *демократ конституция*, экономический кризис — *экономика кризис* и т. д.

2. В некоторых прилагательных восстанавливается исходная, именная форма: социалистический — *социализм, социалист* (социалистический базис — *социализм базис*, социалистическая Отчизна — *социалист Псадгыыл*), капиталистический — *капитализм, капиталист* (капиталистическая эксплуатация — *капитализм члгльвынра*, капиталистическое хозяйство — *капиталист млыкврхIара*), шовинистический — *шовинизм, шовинист* (шовинистические идеи — *ашовинизм идеяква*, шовинистические лозунги — *ашовинист лозунгква*) и т. п.

3. В некоторых существительных и прилагательных суффиксы и окончания усекаются, например, автономный — *автоном* (автономная область — *автоном область*), якобинский — *якобин* (якобинская диктатура — *якобин диктатура*), гражданский — *граждан* (гражданская война — *граждан айсра*). В ряде случаев усеченное окончание заменяется гласным -а, например, рабочий — *рабоча* (рабочий класс — *рабоча класс*), чрезвычайный съезд — *чрезвычайна съезд*, заочный — *заочна*, заявление — *заявлена*, заведение — *заведена*.

4. В словах, образованных с помощью суффикса -ство-о/-еств-о и имеющих абстрактную семантику, окончание -о в абазинском языке заменяется гласным -а,

напр.: агентство — *агентства*, консульство — *консульства*.

5. В именах существительных с собирательным значением, обозначающих лиц, суффикс *-ств-о/-еств-о* заменяется показателями мн. числа *-ква* и *-чва*, напр.: басмачество — *абасмачква*, народничество — *анародникква*, мешанство — *амецанква*.

6. Имена существительные, употребляющиеся в русском языке только во множественном числе, в абазинском воспринимаются как формы ед. числа, напр.: *кадры* (русс. мн. ч.) — *кадр* (абаз. ед. ч.), *алименты* — *алимент*, *каникулы* — *каникул*. Для образования мн. числа к исходной форме приведенных и им подобных слов присоединяются абазинские показатели мн. числа *-ква* и *чва*, напр.: *кадр* — *акадрква* — кадры, *алимент* — *алиментква* — алименты, *каникул* — *аканиквулква* — каникулы.

7. Имена прилагательные женского рода с окончанием на *-ая* и среднего рода на *-ое* в абазинском языке имеют форму мужского рода на *-ой*, например, докладная записка — *докладной записка*, заказное письмо — *заказной письмо*. Но окончание *-ой* в абазинском языке, не имеющем категории рода, не воспринимается как показатель рода.

Следует остановиться и на том, какими средствами передаются в абазинском языке некоторые общественно-политические термины, образованные в русском языке приставочно-суффиксальным способом.

Приставка *анти-*. В прилагательных с приставкой *анти-* суффиксы и окончания отсекаются. Значение морфемы *анти-* передается, в основном, глагольной формой: *йапшлагылуа* — выступающий, направленный против кого-чего: антинаучный — *анаука йапшлагылуа*, антигуманный — *агльвычльвысагара йапшлагылуа*, антипрофсоюзный — *апрофсоюз йапшлагылуа*, антимарксистский — *марксизм йапшлагылуа*, антикапиталистический — *капитализм йапшлагылуа*, антифашистский — *фашизм йапшлагылуа* и т. п.

Приставка *без-/бес-*. Прилагательные и существительные, образованные с помощью данной приставки, в абазинском языке передаются следующим образом. Если лексемы с приставками *без-/бес-* в абазинском языке не имеют соответствующих эквивалентов, то они принимают исходную форму (словообразовательные и

формообразовательные аффиксы усекаются). К последним примыкает суффикс лишения *-даџа/-дџа/-да*, или исходная форма выступает в сочетании с исконным глаголом в негативной форме: безгражданство — *кџральгывидара*, беззаконие — *хабзадара*, *хабзамыгвхџгара*, безубыточный — *џылдзгараду*, безвластие — *властыдара*, безыдейность — *идеядара*, безъядерный — *ядро абджьардара*, *ядро абджьар амамызлара*, *аџамызлара*, бесклассовый — *класс џаным*, *џклассыду*, бескризисный — *кризис џаным*, *кризисдџа*, беспартийный — *апартия џалам*, беспошлинный — *пошлина зквым*, беспринципный — *принцип змам*, бесписьменный — *гвыра змам* и т. п.

Приставка *взаимо-*. Морфема *взаимо-* — первая часть сложных слов со значением взаимности (обобщности) — в абазинском языке передается следующими грамматическими категориями:

1) аффиксом взаимности (взаимообобщности) *аба-*: взаимопроверка — *абархџвыхра* (взаимопроверка соревнующихся предприятий — *џанкџвакџвуа анхартаква рабархџвыхра* (РАСОПТ, 22); взаимообогащение — *абарбайара* (взаимообогащение языков народов Карачаево-Черкесии — *Кџарча-Черкес ауглаква рыбызшвакварабарбайара*);

2) удвоенными аффиксами версии *азаз-* и союзности *аџаџ-*: взаимоотношение — *азазыџаџа* (взаимоотношения социалистических государств — *асоциалист кџральыгываква разазыџаџа* (РАСОПТ, 22); взаимопомощь — *аџаџхџраглара*.

Значение приведенной морфемы *взаимо-* передается и некоторыми редуцированными превербами (префиксами); например, *ашлашл-*: взаимовлияние — *ашлашлклглара* (взаимовлияние культур народов СССР — *СССР ауглакваракультураквараашлашлклглара* (РАСОПТ, 22).

Приставка *до-*. Имена прилагательные с приставкой *до-* принимают именную форму, т. е. отсекаются суффиксы и окончания, а значение морфемы *до-* передается наречием-последелогом *апхџала*: домарксистский — *марксизм апхџала*, дооктябрьский — *октябрь апхџала*, дореволюционный — *ареволуџия апхџала* и т. п.

Приставка *пред-*. В именах прилагательных, образованных посредством данной приставки, суффиксы

и окончания отсекаются. Значение приставки *пред-* передается наречием-послелогом *апхъала*: *предмайский* — *май апхъала*, *предвоенный* — *айсра апхъала*, *предоктябрьский* — *октябрь апхъала*, *предвыборный* — *алхраквa ранхъала* и т. п.

Приставка *после-*. В именах прилагательных с морфемой *после-*, как и в предыдущих прилагательных, суффиксы и окончания отсекаются. Значение приставки *после-* передается наречием-послелогом *амцтахъ*: *послеоктябрьский* — *октябрь амцтахъ*, *послевоенный* — *айсра амцтахъ*, *послереволюционный* — *ареволюция амцтахъ* и т. д.

В советское время в абазинском языке значительно обогатилась лексико-грамматическая категория глагола. Так, например, имена существительные, образованные с помощью суффикса *-аци-я/я -ци-я* и обозначающие действие, передаются в абазинском языке двояко:

1. Широкое распространение получили словосочетания из имени существительного с каким-либо суффиксом и глагольной формой исконого происхождения: автоматизация — *автоматла йадгалра*, демократизация — *демократта йчпара*, колонизация — *колонията йчпара*, монополизация — *монополията йчпара*, политизация — *политикала йадгалра*, телефонизация — *телефон ргылра*, *телефон кЫлгара* и т. д.

2. Используется и такая форма, как превращение имен существительных, обозначающих действие, или их исходных форм в глагольные посредством исконого суффикса *-чIв*: демократизация (русс.) — *демократчIвра* (абаз.), колонизация — *колониячIвра*, монополизация — *монополиячIвра*, политизация — *политикачIвра*, национализация — *национализациячIвра* и др.

Приведенные формы в настоящее время стали синонимами и используются параллельно. Вероятно, со временем одна из форм будет нормой абазинского литературного языка.

Кроме того, значение отдельных лексем в абазинском языке передается двояко: а) соответствующим эквивалентом и б) различными аффиксами (*-мта*, *-н*, *-ца*, *-лыцI* и др.). Так, например, лексема *метод* переводится словом *амаль*, но ее значение может передаваться и аффиксом *-ца*. Ср.: *методы борьбы против пережитков* — *атынхаражквa йыршилагылуа абакIра*

гламалъква и *атынхаражъква* рабаклица (РАСОПТ, 64). Думается, что последний вариант более удачен, так как он не многословен, точнее передает значение. Еще пример: слово *средство* передается лексемой *гладцърта* и с помощью суффиксов *-га* и *-лъцл*: средства производства — *архарджъгаква* (Там же, 110).

Рассмотренные (далеко неполные) процессы влияния русского языка на формирование общественно-политической лексики абазинского языка свидетельствуют о взаимодействии социалистических наций и их языков в условиях братской дружбы и взаимной помощи, что постепенно ведет к расцвету каждой нации и «сближению ее с другими нациями, к созданию единой социалистической культуры»²⁶. Думается, что общественно-политическая лексика абазинского языка будет и в дальнейшем пополняться русскими и интернациональными заимствованиями. В связи с колоссальным ростом информации в эпоху научно-технической революции увеличивается и количество новых терминов, широко проникающих в речь рядового гражданина. Так создается общий терминологический фонд народов СССР и мира. Несомненно то, что важнейшую роль в этом играет русский язык не только как язык межнационального общения народов СССР, но и как один из международных языков.

---

¹ Уголок большой России — горный край родной, 1922—1982. Черкесск, 1982, с. 183.

² Айбазов Х. Октябрю. — В кн.: Уголок большой России — горный край родной, с. 208.

³ Карпенко М. А., Семенов Н. А. Русский язык в семье единой. — Киев: Радянська школа, 1980, с. 148.

⁴ Русский язык — язык межнационального общения народов СССР: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции по совершенствованию преподавания русского языка в национальных школах, средних специальных и высших учебных заведениях, 21—23 октября 1975 г. /Отв. ред. Кошдаков М. И. — М.: Просвещение, 1976, с. 6.

⁵ Проблема двуязычия и многоязычия. /Отв. ред. Азимов П. А., Дешериев Ю. Д., Филин Ф. П. — М.: Наука, 1972, с. 10. Проблемам билингвизма и полилингвизма посвящены также многие работы: Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. — М.: Изд-во Москв. ун-та, 1969. — 160 с. Колшанский Г. В. Теоретические проблемы билингвизма. — В сб.: Лингвистика и методика в высшей школе. М., 1967, вып. 4, с. 165—178; Ильяшенко Т. П. Языковые контак-

ты. — М.: Наука, 1970. — 205 с.; Будагов Р. А. Человек и его язык — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 429 с.; Серебренников Б. А. О взаимодействии языков. — Вопросы языкознания, М., 1955, № 1, с. 7—25; Белодед И. К., Пжакевич Г. П., Черторижская Т. К. Русский язык как источник обогащения языков народов СССР. — Киев: Радянська школа, 1978. — 182 с.; Белодед И. К. Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. — Киев: Изд-во АН УССР, 1962. — 34 с.; Шермухамедов С. Русский язык — великое и могучее средство общения советского народа. — М.: Просвещение, 1980. — 240 с.; Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. — М.: 1966. — 340 с.; Дешериев Ю. Д., Протченко Н. Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. — М.: Просвещение, 1968. — 233 с.; Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. — Киев: Вища школа, 1974. — 176 с.; Вайнрайх У. Языковые контакты. — Киев: Вища школа, 1979. — 263 с.; Супрун А. Е. Лекции по лингвистике. — Минск: Изд-во Белорусского ун-та, 1980. — 143 с.; Розенцвейг А. Ю. Языковые контакты. — Л.: Наука, 1972. — 80 с.; Проблемы двуязычия и многоязычия. — М.: Наука, 1972. — 359 с.; Магидов Ш. Д. Сближение наций, содружество языков. — Нальчик: Эльбрус, 1982. — 229 с.; Баскаков А. Н. Условия развития азербайджанско-русского двуязычия. — В кн.: Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976, с. 35—54; Блягоз З. У. Адыгейско-русское двуязычие. Майкоп, 1982; Губогло М. Н. Тенденции развития двуязычия в условиях развитого социализма. — В кн.: Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений. М., 1981, с. 128—135; Дешериев Ю. Д. Роль русского языка и русской культуры в духовном развитии народов Северного Кавказа. — В кн.: Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI — 70-е годы XX в.). Грозный, 1982, с. 88—97; Иванов В. В. Русский язык как средство межнационального общения: Актуал. аспекты пробл. — Вест. АН СССР, М, 1981, № 3, с. 97—101; Леоптьев А. А. Русский язык и национальные особенности общения народов Кавказа. — В кн.: Национальная культура и общение. М., 1977, с. 45—47; О роли русского языка и русской культуры в развитии языков и культур народов Северного Кавказа / Тресков И. В., Керашева З. И., Кулаев Н. Ф., Туркаев Х. В. — В кн.: Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976, с. 211—225; Филин Ф. П. Решающее условие гармонического двуязычия. — Рус. яз. в нац. школе. М., 1979, № 4, с. 33—39; Ханазаров К. Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. — М.: Политиздат, 1977; Хабичев М. А. Роль русского языка в жизни балкарцев и карачаевцев в условиях НТР. — В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977, с. 149—159 и мн. др.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1979 года: Сб. статей / Под ред. А. А. Исупова и Н. З. Шварцера. — М.: Финансы и статистика, 1984, с. 152—153.

⁷ Русский язык — язык межнационального общения народов СССР: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции..., с. 6.

⁸ См.: Гочияева С. А., Темирова Р. Х. В. И. Ленин и

языковое строительство в Карачаево-Черкесии. — В сб.: По ленинским заветам. Черкесск, 1970, с. 223.

⁹ Белодед И. К., Ижакевич Г. П., Черторижская Т. К. Русский язык как источник обогащения языков народов СССР, с. 46.

¹⁰ См. об этом: Исаев М. И. О языках народов СССР. — М.: Наука, 1978, с. 185.

¹¹ Гочияева С. А., Темирова Р. Х. В. И. Ленин и языковое строительство в Карачаево-Черкесии, с. 226—227; О благотворном влиянии Октября на судьбы разных языков народов нашей страны пишут и другие исследователи: Абдуллаева Э. Н. Равноправие и взаимообогащение языков народов СССР и разоблачение буржуазных извращений этой проблемы. — В кн.: Актуальные проблемы социалистической культуры, Ташкент, 1981, с. 199—203; Алекперов А. У., Асланов В. И. Русский язык — язык дружбы и братства. — В кн.: Рассвет азербайджанской науки — торжество ленинской национальной политики. Баку, 1982, с. 294—307; Арутюнян С. М., Васкевич Л. Ф. Равноправие языков — важнейший принцип интернациональной политики Коммунистической партии в национальном вопросе. — В кн.: Проблемы двуязычия в многонациональном социалистическом государстве. Ставрополь, 1978, с. 3—26; Арутюнян С. М., Шахсуваров Ю. А. Социализм и национальные языки. — В кн.: Теория и практика языкового строительства в СССР. Ставрополь, 1976, с. 3—11; Аханов К. А. Роль русского языка в развитии языков народов СССР. — В кн.: Великий Октябрь — главное событие XX века. Алма-Ата, 1979, с. 331—337; Васкевич Л. Ф. Двуязычие — историческая закономерность развития социалистического общества. — В кн.: Проблемы двуязычия в многонациональном социалистическом государстве. Ставрополь, 1978, с. 47—62; Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI — 70-е годы XX в.). Грозный, 1982; Иванов В. В. 60 лет, равные векам. — Рус. речь. М., 1982, № 6, с. 3—8; Михальченко В. Ю. Условия развития литовско-русского двуязычия. — В кн.: Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976, с. 54—71; Назаров О. Н. Функционирование русского языка в Туркмении. — В кн.: Русский язык в национальных республиках Советского Союза. М., 1980, с. 47—67; Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976; Семцов Н. А. Ленинская программа национально-языкового строительства. — Рус. языковедение, Киев, 1980, вып. 1, с. 3—9 и др.

¹² См.: Ильенко С. Г., Максимова М. К. К истории общественно-политической лексики советского периода. — Учен. зап. ЛГПИ им А. И. Герцена, 1958, т. 165; Исследования по русской терминологии. М., 1971; Терминология и норма. О языке терминологических стандартов. М., 1972; Терминология и культура речи. М., 1981; Культура речи в технической документации. На материале ГОСТов и специальной литературы. М., 1982; Литературная норма и вариантность. М., 1981; Лейчик В. М. Новое в советской науке о терминах. — Вопросы языкознания, 1983, № 5, с. 118; Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968; Даниленко В. П. Русская терминология. М., 1977; Реформатский А. Л. Что такое термин и терминология. — В кн.: Вопросы терминологии. М., 1961; Прот-

ченко И. Ф. Русский язык : проблемы изучения и развития.—М.: Педагогика, 1984, с. 57—105; Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. — М.: Наука, 1985, с. 122—233 и др.

¹³ Алексеев М. П. Русский язык в мировом культурном обиходе. — Вопросы языкознания, М.; 1984, № 2, с. 7—8.

¹⁴ Русско-абазинский словарь общественно-политической терминологии /Составители Ерижьев У. Д., Табулова Н. Т., Тугов В. Б. Черкесск, 1983. — 190 с. В тексте используется сокращение названия — РАСОПТ.

¹⁵ Там же, с. 3.

¹⁶ Названная функционально-стилевая дифференциация абазинского языка проводится на основании концепции М. А. Кумахова. См.: Кумахов М. А. Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик, 1984, с. 170.

¹⁷ Мусин М. Братство народов, содружество языков. Казань, 1964, с. 11.

¹⁸ Лейчик В. М. Новое в советской науке о терминах. — Вопросы языкознания, 1983, № 5, с. 118.

¹⁹ Брагина А. А. Русское слово в языках мира. — М.: Просвещение, 1978, с. 123—124.

²⁰ См.: Афористическая поэзия абазин (Пословицы, поговорки, приметы и крылатые выражения). /Составила и перевела на русский язык Н. Т. Табулова. Черкесск, 1977. В тексте используется сокращение — АПА.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 594—595.

²² См.: Гочияева С. А., Темирова Р. Х. В. И. Ленин и языковое строительство..., с. 215—249.

²³ Брагина А. А. Русское слово в языках мира, с. 116.

²⁴ Гочияева С. А., Темирова Р. Х. В. И. Ленин и языковое строительство..., с. 227. См. также: Хабичев М. А. Роль русского языка в интернациональном воспитании, в укреплении дружбы и братства народов СССР. — В сб.: К вопросам русской и национальных филологий (лингвистика). Вып. VII. Ставрополь, 1975, с. 3—12; Папьянко Т. И. Роль русского языка в формировании терминов политической экономии славянских языков. — Рус. языкознание. Киев, 1982, вып. 4, с. 41—49; Табышалиев С. Т. Важный источник обогащения национальной терминологии.— Изв. АН Кирг. ССР. Фрунзе, 1983, № 1, с. 71—76.

²⁵ Абазинско-русский словарь /Под ред. Тугова В. Б. — М.: Советская энциклопедия, 1967. В тексте используется сокращение— АРС

²⁶ Белодед И. К., Ижакевич Г. П., Черторижская Т. К. Русский язык как источник обогащения языков народов СССР, с. 76.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МНОГОЧЛЕННЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

До недавнего времени конкретные категории русского языка изучались вне их связи со сферой использования. Между тем для каждого типа речи характерен определенный (предпочтительный) выбор языковых средств. В наши дни проблема функционирования единиц языка в разных сферах общения представляет собой одно из основных направлений исследования русского языка в национальных областях и республиках. Выявление особенностей функционирования синтаксических категорий в живой разговорной речи и «стилизованной» разговорной речи (художественном диалоге) представляется важным, поскольку проливает свет на специфику данных типов речи. Полученные результаты могут быть использованы при чтении вузовских курсов синтаксиса и стилистики, а также в практике преподавания русского языка.

Под разговорной речью (далее — РР) понимается особая разновидность литературного языка, использующаяся в устной форме и не позволяющая рассмотреть разговорную речь в рамках только функционального стиля¹. Несмотря на то, что вопросу о соотношении РР и художественного диалога (далее — ХД) посвящены работы таких исследователей, как О. Б. Сиротинина², Г. Г. Полищук³, Г. Г. Инфантова⁴, А. П. Журавлев⁵, Ф. С. Сафиуллина⁶, Л. Г. Рябова⁷ и др., изучение функционирования многочленных предложных словосочетаний в данных типах речи не проводилось*.

---

* Данная статья является продолжением статьи «Специфика многочленных предложных словосочетаний в устной разговорной речи». См. в сб.: Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983, с. 130—150. Список использованных источников и принятых сокращений см. в указанной работе.

Анализ количественных характеристик РР и ХД осуществляется на основе материала, извлеченного из магнитофонных записей РР Саратовского университета, Таганрогского пединститута, университета Дружбы Народов, материалов монографии «Русская разговорная речь. Тексты» (АН СССР, 1978) и пьес А. Арбузова, С. Алешина, В. Розова, Л. Леонова, Л. Зорина, А. Володина, А. Штейн, составляющих золотой фонд советской драматургии⁸ (объем собранного материала по данным типам речи — 6000 диалогических единств).

«Область различий между спонтанным и художественным диалогом, — считает Г. Г. Полищук, — находится в особенностях функционирования не столько различных, сколько прежде всего однотипных (даже одинаковых) языковых элементов, в их системной соотношенности»⁹. Не задаваясь целью провести детальный вероятностно-статистический анализ закономерностей функционирования многочисленных предложных субстантивных словосочетаний (далее — МПСС), мы изучили степень представленности МПСС с наиболее частотными первообразными предложениями для того, чтобы выявить общие и специфические черты их в живой РР и ХД, качественные и количественные особенности функционирования.

Для подсчетов взяты по 9 выборок из РР и ХД, длиной в 1000 предложений каждая. Общее число МПСС в разговорной речи на данные выборки составило 38 словосочетаний (в подсчеты включены только словосочетания с предлогами В, С, НА, О, К, ПО), в то время как в художественном диалоге — 79 МПСС, т. е. численность МПСС в обоих типах речи оказалась небольшой, а количество МПСС в художественном диалоге более чем в два раза превышало их число в устной РР (см. таблицы 1 и 2). Выборочные данные обработаны по методике Б. Н. Головина¹⁰. Полученные средние частоты ($\bar{X}$), величина среднего квадратичного отклонения (S) и вероятной ошибки (L) подтвердили мнение О. Б. Сиротиной и других исследователей¹¹ о том, что многочисленные словосочетания не характерны для РР, в отличие

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МНОГОЧЛЕННЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ

Выборки	Выборочные частоты, их отклонения от средней								
	в			на			с (со)		
	X _i	A _i	A _i ²	X _i	A _i	A _i ²	X _i	A _i	A _i ²
1-я	0	-1,11	1,23	1	+0,56	0,31	1	-0,11	0,01
2-я	1	-0,11	0,01	0	-0,44	0,19	0	-0,11	1,23
3-я	1	-0,01	0,01	0	-0,44	0,19	0	-1,11	1,23
4-я	0	-1,11	1,23	0	-0,44	0,19	1	-0,11	0,01
5-я	2	+0,89	0,79	0	-0,44	0,19	1	-0,11	0,01
6-я	0	-1,11	1,23	0	-0,44	0,19	1	-0,11	0,01
7-я	1	-0,11	0,01	3	+2,56	6,55	1	-0,11	0,01
8-я	3	+1,89	3,57	0	-0,44	0,19	4	+2,89	8,35
9-я	2	+0,89	0,79	0	-0,44	0,19	1	-0,11	0,01
Сум- ма по всем выбор- кам	10	0	8,87	4	0	8,19	10	0	10,87
$\bar{X}$	1,11			0,44			1,11		
S	0,99			0,95			1,10		
L	0,76			0,73			0,85		

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МНОГОЧЛЕННЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ

Выборки	Выборочные частоты, их отклонения от средней								
	в			на			с (со)		
	X _i	A _i	A _i ²	X _i	A _i	A _i ²	X _i	A _i	A _i ²
1-я	15	+11,78	138,77	10	+7,89	62,25	5	+3,44	11,83
2-я	3	-0,22	0,05	1	-1,11	1,23	2	+0,44	0,19
3-я	3	-0,22	0,05	2	-0,11	0,01	3	+1,44	2,07
4-я	0	-3,22	10,37	0	-2,11	4,45	0	-1,56	2,43
5-я	1	-2,22	4,93	1	-1,11	1,23	1	-0,56	0,31
6-я	0	-3,22	10,37	3	-0,89	0,79	1	-0,56	0,31
7-я	4	+0,78	0,61	1	-1,11	1,23	2	+0,44	0,19
8-я	0	-3,22	10,37	0	-2,11	4,45	0	-1,56	2,43
9-я	3	-0,22	0,05	1	-1,11	1,23	0	-1,56	2,43
Сум- ма по всем выбор- кам	29	9	175,57	19	0	76,87	14	0	22,19
$\bar{X}$	3,22			2,11			1,56		
S	4,42			2,92			1,57		
L	3,40			2,25			1,21		

Таблица 1

СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РР

частоты и квадраты этих отклонений									Всего по 1 выборке
в			на			с (со)			
X _i	A _i	A _i ²	X _i	A _i	A _i ²	X _i	A _i	A _i ²	
0	-0,22	0,05	0	-0,11	0,01	0	-1,22	1,49	2
0	-0,22	0,05	1	+0,89	0,79	1	-0,22	0,05	3
1	+0,78	0,61	0	-0,11	0,01	1	-0,22	0,05	3
0	-0,22	0,05	0	-0,11	0,01	2	+0,78	0,61	3
0	-0,22	0,05	0	-0,11	0,01	2	+0,78	0,61	5
0	-0,22	0,05	0	-0,11	0,01	1	-0,22	0,05	2
0	-0,22	0,05	0	-0,11	0,01	0	-1,22	1,49	5
1	+0,78	0,61	0	-0,11	0,01	0	-1,22	0,05	9
0	-0,22	0,05	0	-0,11	0,01	3	+1,78	3,17	6

2,	0	1,57	1	0	0,87	11	0	7,57	38
0,22			0,11			1,22			4,22
0,59			0,31			0,92			—
0,45			0,24			0,71			—

Таблица 2

СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ХД

частоты и квадраты этих отклонений									Всего по 1 выборке
о (об)			к			по			
X _i	A _i	A _i ²	X _i	A _i	A _i ²	X _i	A _i	A _i ²	
0	+1,44	2,07	0	-0,78	0,61	0	-0,65	2,43	32
2	+1,44	2,07	1	+0,22	0,05	2	+0,44	0,19	11
1	+0,44	0,19	3	+0,22	4,93	1	-0,56	0,31	13
0	-0,56	0,31	0	-0,78	0,61	0	-1,56	2,43	0
0	-0,56	0,31	1	+0,22	0,05	0	-1,56	2,43	4
0	-0,56	0,31	1	+0,22	0,05	1	-0,56	0,31	6
0	-0,56	0,31	0	-0,56	0,61	1	-0,56	0,31	8
0	-0,56	0,31	0	0,78	0,61	0	-1,56	2,43	0
0	-0,56	0,31	1	+0,22	0,05	0	-1,56	2,43	5

5	0	6,19	7	0	7,57	5	0	13,25	79
0,56			0,78			1,56			8,74
0,83			0,92			1,21			—
0,64			0,71			0,93			—

от письменных типов русской речи¹². Малая частотность МПСС в живой РР связана и с тем, что предлоги в устной разговорной речи, согласно данным Н. А. Прокуровской¹³, отличаются самой низкой частотностью по сравнению с другими незнаменательными словами и составляют 6,6 процентов от других неполнозначных слов. Кроме того, небольшая продуктивность многочленных предложных субстантивных словосочетаний (МПСС) в РР может быть связана и с формой речи, т. к. с количественной точки зрения в устной форме РР, по данным Э. А. Ключковой, наблюдается «меньшее число употребления существительных и предлогов»¹⁴, чем в письменной форме РР. Небольшое число предлогов в РР Н. А. Прокуровская объясняет таким образом: «Поскольку предлоги связаны с именами, назначение их «выражать синтаксическую зависимость существительного от других слов в составе словосочетания», то естественно предположить, что их убывание связано с убыванием имен существительных. Имена существительные, по данным некоторых исследователей, равномерно убывают от научного стиля к художественному стилю и от художественной речи к разговорному стилю»¹⁵. Однако собранный нами фактический материал свидетельствует о том, что МПСС в РР используются, хотя число их невелико, так как они претерпевают в РР различные модификации¹⁶.

Различия в частотах МПСС разговорной речи и художественного диалога (табл. 1 и 2) свидетельствуют о том, что речь персонажей произведений драматургии не является точным воспроизведением живой устной речи¹⁷.

Частота МПСС в художественном диалоге дает более значительные колебания, чем в живой РР, и составляет 8,74 МПСС на выборку (в среднем). Так, например, в выборках из пьесы Л. Леонова «Золотая карета» частота МПСС доходит до 32 примеров, в «Варшавской мелодии» Л. Зорина — 13, а в «Старшей сестре» А. Володина нет ни одного примера МПСС в выборке.

Анализ частот и средних частот функционирования МПСС с отдельными первообразными предлогами в РР дает следующие величины: МПСС с предлогом В—10 ($\bar{x}=1,11$), с предлогом НА — 4 ($\bar{x}=0,44$), с предлогом С—16 ($\bar{x}=1,11$), с предлогом ПО—11 ($\bar{x}=1,22$), т. е. самыми частотными оказались МПСС с предлогами

ПО, В, С, хотя их количество в выборках, взятых для подсчетов, не превышало 10—11 МПСС.

В художественном диалоге МПСС функционируют несколько интенсивнее: МПСС с предлогом В—29 ($\bar{x}=3,22$), с предлогом НА—19 ($\bar{x}=2,11$), с предлогом С — 14 ($\bar{x}=1,56$), с предлогом О—5 ($\bar{x}=0,56$) с предлогом К—7 ($\bar{x}=0,78$), с предлогом по—5 ($\bar{x}=1,56$), с предлогами В, НА, С (14—29 МПСС на одну выборку).

Следует отметить, что число МПСС в РР резко возрастает, если появляются нетипичные случаи, т. е. разговор идет не на бытовые темы, а на производственные, общественно значимые и др. Подобное явление наблюдается, например, в записи РР университета Дружбы Народов и в Таллинских записях, хранящихся в Саратовском университете, напр.: Мне очень нравится, когда делают **переработки Баха в современном стиле** (РР. Таллин, 16)¹⁸. В приведенном примере МПСС используется в разговоре школьников о книгах и музыке. Подобны примеры: Но возьмем такой пример: **придешь домой, поставишь чардаш из балета Караева...** (РР. Таллин, 22). В классе у нас, да, есть **такая отчужденность между ребятами и девушками** (РР. Таллин, 37). В данном примере МПСС употребляется в диалоге школьников о будущем. Ср. примеры увеличения числа МПСС в записях Университета Дружбы народов: Вот скажите, пожалуйста, так как **вопрос с авансовым отчетом** найден? (РР. УДН, 2). В приведенной реплике из телефонного разговора на производственные темы вычленяется МПСС с «семантическим» предлогом¹⁹. Аналогично: В крайнем случае, передайте, пожалуйста, что-о а-а звонил **Журкин с Омского шинного...** (РР. УДН, 2). Оказывается у вас, у вас, оказывается **редакция в самом центре**. Так? — Да, на площади Ногина (РР. УДН, 2). МПСС здесь функционирует в деловом телефонном разговоре.

Продуктивность МПСС увеличивается в разговорах автобиографического характера: Потому что это **зимняя работа в бригаде** меня не могла удовлетворить... (РР. УДН, 58). И кроме того **никакого удовлетворения от работы** (РР. УДН, 58).

Кроме того, в разговорной речи многочленные словосочетания используются тогда, когда в беседе дается качественная характеристика лица, предмета: ...у меня

был подход к этой женщине в бухгалтерии (РР. С., 8). — МПСС дает характеристику лица по профессии; ...у нашей родственницы в Сокольниках есть свободная галерея... (РР. УДН, 62). — В приведенном МПСС представлена характеристика лица по месту жительства; ...секретарь в научном институте (РР. УДН, 58) — МПСС характеризует лицо по специальности; ...мне для подарка нужно/ девочка в седьмом классе (РР. Т., 275) — МПСС дает характеристику лица по возрасту; Дело не только в учебе. Вон у нас мужик с четырьмя классами дело знает... (РР. С., 5) — в МПСС дана характеристика лица по образованию: Мелкашка — это орудие для дикарей — надцатого века. Мелкушка (РР. С., 4) — МПСС даст качественную характеристику предмета: Я говорю это потому, что ведь женщина с нашего факультета... (РР. С., 30) — характеристика лица по месту работы; Нет, когда я была ...на дне рождения, там была девочка с инфекционной желтухой (РР. УДН, 96) — МПСС дает качественную характеристику лица по временному признаку; ...Я лично несла в руке коробку со вторыми сапогами и бидон (РР. С., 2) — МПСС содержит качественную характеристику предмета по содержанию в нем чего-либо.

В разговорной речи МПСС функционируют в стереотипах и штампах, пришедших сюда из публицистической, книжной речи, напр.: А. Ну это в теории информации. Б. Так нет, и в моем-то смысле, если, например, взять штампы там: горячая битва за хлеб... А. Да. Это тоже излишне (РР. С., 3). МПСС «горячая битва за хлеб» используется в РР как образец публицистического (газетного) штампа. Еще пример: Это... как это в «Юности» было: «Черная ворона на белом снегу» (смеется), натолкнувшая на мысль написать «Бсярыню Морозову». Штамп такой своеобразный, да... (РР. С., 1). МПСС «черная ворона на белом снегу» используется в РР как образец стереотипа, взятого из художественной речи. Еще примеры: Один стакан с сиропом и без сиропа// (РР. Т., 293) — МПСС в стереотипе «продавец-покупатель». Один детский/ один взрослый до Москвы// (РР. Т., 295). Девушка/ вон ту ножовочку за девяносто копеек можно посмотреть? (РР. Т., 290). Это молоко по двадцать пять? (РР. Т., 283). Половинку за двадцать восемь// (РР. Т., 280). Следовательно, в РР многочленные предложные субстантивные словосочета-

ния характерны для стереотипов «продавец-покупатель».

Многочленные субстантивные словосочетания с «семантическими» предлогами типа «стаканчик газировки с сиропом», «один билет до Болшева», «тапочки красненькие по пять рублей» используются в бытовых ситуациях как речевые стереотипы, отличные от штампов художественной и публицистической речи и облегчающие процесс коммуникации²⁰.

Невысокую частотность многочленов в РР следует объяснить также тем, что значительная часть исследуемых конструкций претерпевает в устной РР охарактеризованные в предыдущей статье виды модификаций²¹: Да, сначала катались у берега, потом расхрабрились и поехали на островок, **зелененький такой с большими цветочками...** (РР. С., 27). В МПСС «зелененький такой с большими цветочками» опущен стержневой член **островок**, восстанавливающийся из контекстуации. Другой пример: Так как с молоком... И сразу... вот у меня, например, уже **ассоциация с этим прокисшим**. И не хочется делать (РР. С., 6). В МПСС «ассоциация с этим прокисшим» опущен зависимый компонент словосочетания **молоком**. Еще пример: В. ...я смотрю — своим глазам не верю — **патиссоны Г.** — Продаются? В. — Да. Б. — Неужели? В. — **в трехлитровых банках...** (РР. С., 3). МПСС «патиссоны в трехлитровых банках» трансформировано перебивали реплики другими участницами диалога. Приведенные и рассмотренные в предыдущей статье виды модификаций многочленных словосочетаний в РР очень многочисленны, но они не входили в подсчеты многочленов по выборкам, так как для этого использовались только «чистые», немодифицированные конструкции, функционирующие в живой разговорной речи.

На основе анализа собранного материала выявлена представленность основных функциональных типов МПСС²²: МПСС с «грамматическими» предлогами в живой РР составляют лишь 25 процентов от общего количества многочленов, в художественном диалоге — 19,9 процентов, в то время как единства с «семантическими» предлогами доминируют и в РР (75 процентов), и в ХД (80,1 процентов). Таким образом, доля атомарных словосочетаний²³ в РР и ХД значительно превышает научную и публицистическую речь (10,62 процента

и 25,6 процентов соответственно) и находится ближе к уровню художественной авторской речи (77,26 процентов).

Абсолютное преобладание МПСС с «семантическими» предложениями в устной РР и художественном диалоге можно объяснить спецификой их лексического наполнения: в качестве стержневого члена МПСС здесь употребительны «ядро категории существительных»²⁴ — конкретные существительные, напр.: Б. Мужчина должен питаться сырым мясом. А. Между прочим, **сибирский шашлычок из медвежатины** самый лучший (РР. С., 13). Морозов: Ты наш **представитель на заводе** (С. Алешин. Все остается людям, 100). Это, конечно, недолго, **обычное письмо в Киев** идет гораздо больше (РР. С., 96).

Минимальное употребление абстрактных существительных, являющихся стержневым членом в МПСС с «грамматическими» предложениями, в РР связано либо с «восполнением семантической «лакуны», либо влиянием книжной речи»²⁵, напр.: ...действительно, я **очень хорошего мнения о ней...** (РР. Таллин, 28). В приведенном МПСС с «грамматическим» предложением «очень хорошего мнения о ней» сформировано абстрактным именем существительные «мнения». Аналогичны другие примеры: ...вы пришли выманить у меня сердце в **обмен на дорогую игрушку** (Л. Л. Зол. кар., 33). ...я слушаю вот их **разговоры о девочках...**, как будто девочка это вещь какая-то... (РР. Таллин, 15).

Если в научной речи широко функционируют МПСС усложненного типа, в публицистике — многочлены с двумя структурными центрами²⁶, в художественной авторской речи — единства с одним и двумя структурными центрами, то в РР и художественном диалоге наибольшую продуктивность получают конструкции с одним структурным центром. Сравним: РР—51,6 процента МПСС с одним структурным центром, 45,1 процент МПСС с двумя структурными центрами, 3,3 процента МПСС усложненного типа, причем, конструкций большей длины, чем с тремя структурными центрами, в РР нам не встретилось, напр.: В. А почему **такой перебой с питанием**, у вас что? (РР. С., 12) — МПСС «такой перебой с питанием» имеет один структурный центр. Это, понятно, не помешает, конечно, высказать свое мнение по этому поводу, по работе... (РР. С., 72) —

МПСС с двумя структурными центрами. ...но это была деревня на шестьдесят километров от железной дороги без света, без радио... (РР. УДН, 62) .— МПСС с тремя структурными центрами.

В художественном диалоге 54,4 процента МПСС с одним структурным центром, 44,8 процента МПСС с двумя структурными центрами и лишь 0,8 процента МПСС усложненного типа, напр.: О, как мне надоела эта затянувшаяся игра в прятки (Л. Л. Золотая карета, 38) — МПСС с одним структурным центром. ...я могла бы записать **свое мнение о вашей общественной деятельности?** (Л. Л. Золотая карета, 49) — МПСС с двумя структурными центрами. Я просто хотел бы ознакомиться с **методологией факирского мастерства на современном этапе** (Л. Л. Золотая карета, 53) — МПСС с тремя структурными центрами.

В раскованной и живой бытовой речи «необходимость производства фразы со сравнительно большой глубиной приводит обычно к каким-то затруднениям»²⁷, что свидетельствует о том, что оперативная память человека не справляется с производством конструкций большей глубины. Именно поэтому в акте коммуникации, которую обслуживает РР, в диалогах и полилогах, стереотипах и монологах живой РР чаще используются МПСС с одним структурным центром, небольшие по объему, но емкие с точки зрения передаваемой информации.

«Умение писателя «изображать» разговор — один из важнейших показателей талантливости автора»²⁸, поэтому в художественном диалоге в качестве сигналов разговорности иногда используются некоторые приемы модификации МПСС, напр.: ...у меня **дневной сеанс в штабе ... в штабе генерала Хрептова** (Л. Л. Золотая карета, 46). В приведенном примере наблюдается модификация МПСС, возникающая в результате замники речи и повтора сочетания «в штабе». Пауза колебания возникает перед предложно-падежным конкретизатором.

В устной РР активность функционирования в МПСС проявляют те же первообразные предлоги, что и в письменных типах речи: это субстантивные многочлены с предлогами В, НА, С, О, ПО, К (табл. 1). Несколько интенсивнее, чем в других типах речи, используются МПСС с предлогами ПО и ПРО. Сопоставим процент

их частотности в разных типах русской речи: РР—14,52 процентов МПСС с предлогом ПО, научная речь—2,74 процента, публицистическая речь — 4,8 процента, художественная авторская речь — 4,79 процентов. МПСС с предлогом ПРО: РР—3,22 процента, научная речь — 0, публицистическая речь — 0, художественная авторская речь — 0,07 процента²⁹.

Специфической особенностью функционирования МПСС в РР является также образование речевых многочленных предложных словосочетаний и своеобразное их лексическое наполнение³⁰. В РР образуются такие речевые МПСС, напр.: А. Интересно/ **этот холодильник по записи/** или так бери-уходи? Б. Спросить можно// (РР. Т., 269). Речевое МПСС «этот холодильник по записи» возникает в результате трансформации словосочетания «этот холодильник, продающийся по записи». Аналогично: В. Тетю Любу на магнитофон записали! Смех! Кукиш! А. А у нас доклад был. Специально. О роли жестов. Б. **Кукиш в разговорной речи.** Ну, тетя Люба! Юмор! (РР. С., 33).

Часто такие конструкции имеют своеобразное лексическое наполнение, заключающееся в необщепринятой лексической сочетаемости компонентов, которая придает РР особую окраску разговорности, напр.: Да здравствует **детство с трамвайной подножкой и соплей через губу...** (смех). (РР. С., 2). В. ...Пошла я к начальнику, принял он меня, **такой человек с рыбьими довольными глазами,** подполковник в отставке... (РР. С., 5). Непривычная образность подобных речевых построений используется и художниками слова для создания запоминающихся портретных зарисовок: А. — ...И привела пример, там вот говорила, у Куприна, например: «Мне каждый день встречалась **женщина с лицом фаршированной щуки**». Боже мой, эта фаршированная щука дала жизнь, и все заседание обсуждало эту фаршированную... Вы что считаете, что фаршированная щука не нужна? Я говорю. Б. — Фаршированная/ не нужна, да? (РР. С., 2). В приведенном диалоге научных работников обсуждается характер определения, заключенного в речевом словосочетании «женщина с лицом фаршированной щуки», взятом из произведения А. Куприна.

Анализ характера левых и правых конкретизаторов стержневых членов МПСС в РР позволил выявить две основных особенности их функционирования: 1) повто-

ряемость однотипных определений, обычно выраженных указательными и неопределенными местоимениями, в качестве левых конкретизаторов опорных слов: Ну, и как же ты не боялась с таким малышом на лодке? (РР. С., 27). В качестве левого конкретизатора МПСС наблюдаем стереотипное коммуникативно-факультативное определение «таким», выраженное указательным местоимением (даншый конкретизатор несет в себе тавтологическую информацию). Другие примеры: ...в больнице была **какая-то женщина с этим чаем в сетке...** (РР. С., 2). А ...мы просто не знали/ что могут существовать **молекулы с такими совершенно дикими связями...** (РР. Т., 177); 2) ошибки в использовании предлогов в роли правых конкретизаторов в сочетании с зависимыми существительными МПСС, напр.: А. Да// ...в семидесятом году/ были напечатаны **такие мои заметки краткие со второй части книги**, которые называются «Слово об экзамепах»// (РР. Т., 86). В выделенном МПСС наблюдается смешение предлогов С и ИЗ; ср.: «**такие мои заметки из второй части книги**». Аналогичны примеры: ...а там **всю посуду с комнаты** все-все надо отнести! (РР. С., 14). **Сереза с первой группы** переселился... (РР. С., 4). Такая особенность, как ошибки в использовании предлогов в многочленных словосочетаниях РР, замечена художниками слова и используется в художественном диалоге как средство стилизации: Геля... Это наш вклад на **общий стол** (Л. Зорин. Варшавская мелодия, 417).

«Стилистическими сигналами разговорной речи»³¹ в художественном диалоге выступает и порядок расположения левых конкретизаторов МПСС, к примеру: ...а в музее ядра лежат **чугунные да удавы разные на спирту** (Л. Л. Золотая карета, 42). В МПСС «**удавы разные на спирту**» наблюдается разговорная норма расположения коммуникативно-факультативного определения, находящегося в позиции, что выполняет роль сигнала разговорности в художественном диалоге. Другой пример: **Опратный такой домик с геранями**, на Маркса, двадцать два (Л. Л. Золотая карета, 11). В МПСС «**опратный такой домик с геранями**» левый конкретизатор, выраженный прилагательным, находится перед определяющим членом «такой», выраженным ме-

стоимением, так как «несет на себе более сильный акцент»³², является коммуникативно-необходимым определением.

Анализ синтаксической роли МПСС в РР и ХД позволяет выявить как их общие черты, так и различия. В устной РР и ХД многочленные словосочетания могут выполнять синтаксическую роль: а) подлежащего: ...у нас будет **первый коллоквиум по этой книге** (РР. С., 53). ... изменилось **его отношение к работе Дронова...** (С. Алешин. Все остается людям, 134); б) именной части сказуемого: Советские фильмы — **лучшие фильмы в мире** (РР. С., 8). Они **большие друзья с полковником...** (Л. Л. Золотая карета, 23); в) дополнения: Камера хранения несет **полную ответственность за сохранность всего, что находится в чемодане...** (РР. С., 47). Она **войну-то кассиршей на железной дороге просидела** (Л. Л. Золотая карета, 16); г) обстоятельства: Они меня звали на эту... **какую-то вечеринку на праздник...** (РР. С., 14). Так вот, **приходите на мое отчетное собрание с избирателями...** (С. Алешин. Все остается людям, 108).

Однако функции МПСС в художественном диалоге несколько шире и разнообразнее, чем в РР. В ХД МПСС могут выступать в функции распространенного обращения: Ну, **закаляйте вашу сталь, суровый мститель с детскими глазами!** (Л. Л. Золотая карета, 39), приложения: Я становлюсь **маленькая и легкая — пылинка в звездном луче...** (Л. Л. Золотая карета, 41), уточняющих членов предложения: здесь Иван Грозный **ночевал у игумена Варнавы, проездом на новгородское усмирение** (Л. Л. Золотая карета, 23) — МПСС выступает в синтаксической роли уточняющего обстоятельства. Аналогично: Внезапно среди ночи **просыпается Сердюк, в глубокой обиде на свой возраст...** (А. Арбузов. Ирк. история, 280), входят в состав сравнительных оборотов: Когда я **брал вас из детского дома, вы были такие крохотные, худенькие, как два солдатика в одинаковых платьицах** (А. Володин. Старшая сестра, 328).

Функционирование МПСС в РР и ХД, с одной стороны, и письменных типах речи, с другой, отличается также характером лексического наполнения МПСС. Если в научной, публицистической и художественной авторской речи МПСС формируются различными груп-

лами лексики литературного языка (общеупотребительной, специальной, общественно-политической, разговорно-бытовой), то в РР и ХД возможно использование и нелитературной лексики (просторечной, бранной и др.), напр.: Вот я раньше замечал только за Зайцем **такую вот манеру разговаривать о жратве** там все... (РР. С., 8). В выделенном МПСС из РР употребляется несвойственное литературной письменной речи просторечие «жратва», остающееся за пределами литературного языка. Еще примеры: В черный день ты мог бы разменять его на большие деньги, **этот эталон на стервеца!** (Л. Л. Золотая карета, 40). В приведенном МПСС из художественного диалога встречаем бранное слово «стервеца». А на стоянке, мама, у него **катавасия с крупными переживаниями...** (А. Штейн. Океан, 239). В роли опорного члена МПСС в ХД используется существительное «катавасия», выступающее как просторечное в значении «суматоха, беспорядок, возня»³³.

Однако важно заметить, что основную часть МПСС с «семантическими» предлогами в РР и ХД формируют имена существительные, принадлежащие к общеупотребительной и разговорно-бытовой лексике и обозначающие названия лица или предмета, явления окружающей среды и общества, вид деятельности и занятости людей, связанные с названием продукта мышления или речи: Вот она... опубликовала **статейку о дневниках Кастериной...** (РР. УДН, 62). Указанное МПСС формируется разговорным существительным «статейка», обозначающим продукт мышления и речи, эмоционально-экспрессивную окрашенность которому придает оценочный суффикс -К-. Другой пример: ...самые годы, которые в памяти, это **годы учения в институте...** (РР. Таллин, 37). В основе МПСС «годы учения в институте» лежит имя существительное «годы» — общеупотребительное, нейтральное, принадлежащее к лексико-семантической группе слов, называющих явления окружающей среды и общества.

Имена существительные, принадлежащие к общественно-политической и специальной лексике и терминологии, чаще формируют МПСС с «грамматическими» предлогами, которые используются в РР в нетипичных ситуациях (когда разговор переходит на производственные и общественно-значимые темы), напр.: А. Програм-

ма отстает// Г. Ну да. А. Досдавать ...я сейчас как раз веду **переговоры о переходе на дневной**// (РР. Т., 210). ...основные его как раз были, ну, как бы **несогласия в том плане, что материал идет вразрез...** (РР. С., 10). **Какая тут любовь..., когда тут самого простого человеческого отношения друг к другу...** (РР. С., 36).

Если в художественной авторской речи МПСС выполняют функцию характеристики, в научной речи — идентификации, в публицистической — воздействующую и эмотивную функции, то в РР и художественном диалоге для них более характерна экспрессивная функция.³⁴ Основным фоном реализации МПСС является книжная речь. Таким образом, МПСС входят в устную РР и ХД под влиянием письменных типов речи. Эту мысль можно подтвердить тем фактом, что в письменной форме разговорной речи, например, в частных письмах, функционирование МПСС намного активнее, чем в устной РР. Приведем примеры МПСС из частных писем, хранящихся в Саратовском университете: У меня, между прочим, завязывается **переписка с дорогим одноклассником Витей Заворсковым** (в письме студентки). Дорогая Лена! Сегодня позвонила Тасе. Там очень плохо. **Подозрение на тромбоз брызжеечной артерии** (в письме профессора-лингвиста).

Структурная длина многочленов, использующихся в частной переписке, заметно возрастает: Хоть ты там и занялась карьеризмом (имею в виду **твое продвижение по служебной лестнице**), никто тебя от обязанности писать мне письма не освобождает, ясно? В выделенном МПСС два структурных центра. Еще пример: Вообще у нас здорово, приходят даже из других комнат на наш огонек. Вот. **Разговор на все темы буквально, от проблем быта нашей комнаты и погрома новых спектаклей и вообще всех премьер до философии. Декарта...** В приведенном МПСС усложненного типа структура его осложняется однородными компонентами.

Таким образом, употребление МПСС в РР — явление нерегулярное, обусловленное содержательной стороной речи и формой речи. В художественном диалоге предложные многочлены используются в два раза чаще (в качестве средства детализации лица, предмета, целой ситуации). Как показало проведенное исследование, система предложных многочленов в разговорной речи та же, что и в кодифицированном литературном

языке. Это проявляется в том, что в РР используются те же функциональные и структурные типы многочленных субстантивных словосочетаний, повторяются особенности их распространения, хотя в живой разговорной речи число многочленных сочетаний с первообразными предложениями значительно меньше, так как они претерпевают в ней различные модификации, свойственные только живой разговорной речи и обусловленные экстралингвистическими условиями ее произнесения. Следовательно, разговорная речь и художественный диалог имеют особенности в качественных и количественных показателях функционирования многочленных словосочетаний.

---

¹ См.: работы Сиротининой О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974; Разговорная речь и разговорный стиль. — В сб.: Вопросы филологии. М., 1969 и др.

² Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь. Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1983.

³ Полищук Г. Г., Сиротинина О. Б. Разговорная речь и художественный диалог. — В кн.: Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1979, с. 188—200.

⁴ Инфантова Г. Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. Ростов-на-Дону, 1973.

⁵ Журавлев А. П. О некоторых отличиях живой разговорной речи от стилизованной. — В сб.: Русская разговорная речь. Саратов, 1970, с. 176—184.

⁶ Сафиуллина Ф. С. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978.

⁷ Рябова Л. Г. Разговорность речи персонажей (способы создания авторское своеобразие). Автореф. дис... канд. фил. наук. — Саратов, 1983.

⁸ Пьесы названных авторов цитируем по изданию: Советская драматургия. — Л.: Лениздат, 1978.

⁹ Полищук Г. Г. Спонтанная речь и художественный диалог. — В сб.: Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981, с. 68.

¹⁰ Головин Б. Н. Язык и статистика. — М.: Просвещение, 1971.

¹¹ См.: Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. — М.: Просвещение, 1974; Павлова Л. К. Субстантивные словосочетания в разговорной речи. Автореф. дис... канд. фил. наук. — Саратов, 1972; Кормилицына М. А. Глагольные словосочетания на основе управления в русской разговорной речи. Автореф. дис... канд. фил. наук. — Саратов, 1972.

¹² Таблицы с данными по письменным типам речи см. в статье: Шишкаева А. В. Принципы изучения многочленных словосочетаний. — В сб.: Вопросы сопоставительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1978, с. 83—85.

¹³ Прокуровская Н. А. Незнаменательная лексика в русской разговорной речи. Автореф. дис... канд. фил. наук. — Саратов, 1977.

¹⁴ Клочкова Э. А. О влиянии форм разговорной речи на распределение классов слов. — В сб.: Русская разговорная речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970 с. 134.

¹⁵ См.: Прокуровская Н. А. Указ. раб., с. 31.

¹⁶ На основе анализа магнитофонных записей РР нами выявлены принципы модификации многочленных предложных субстантивных словосочетаний в устной разговорной речи. См. об этом подробно: Шишканова А. В.: Специфика многочленных предложных словосочетаний в устной разговорной речи. — В сб.: Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983, с. 130—150; Многочленные субстантивные словосочетания с первообразными предлогами в современном русском литературном языке. (На материале устной разговорной речи и письменных типов речи). Автореф. дис... канд. фил. наук. — Саратов, 1984, с. 13.

¹⁷ Данный вывод полностью согласуется с концепцией Г. Г. Полищук и О. Б. Сиротининой. См.: Разговорная речь и художественный диалог. — В кн.: Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1979.

¹⁸ Список использованных источников и принятые сокращения см. в нашей статье: Шишканова А. В. Специфика многочленных предложных словосочетаний в устной разговорной речи, с. 147.

¹⁹ О делении многочленных субстантивных словосочетаний на конструкции с «семантическими» и «грамматическими» предлогами см. в работах: Шишканова А. В.: Принципы изучения многочленных словосочетаний. — В сб.: Вопросы сопоставительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии, Ставрополь, 1978, с. 77 — 93; Изучение многочленных предложных словосочетаний в национальной аудитории. — В сб.: Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982, с. 95—105; Структура многочленных словосочетаний с «грамматическими» предлогами. — В сб.: Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983, с. 61—87; Структура многочленных словосочетаний с «семантическими» предлогами. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1984, с. 95—128.

²⁰ См. об этом: Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — Вопросы языкознания, 1955, № 1, с. 60—87; Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М.: Изд-во АН СССР, 1960; Лалтева О. А. Русский разговорный синтаксис. — М.: Наука, 1976.

²¹ См.: Шишканова А. В. Специфика многочленных предложных словосочетаний в устной разговорной речи, с. 130—150.

²² О функциональных типах многочленных субстантивных словосочетаний с первообразными предлогами, выделяемых на основании значений и функций первообразных предлогов в них, см.: Шишканова А. В. Многочленные субстантивные словосочетания с первообразными предлогами в современном русском литературном языке (На материале устной разговорной речи и письменных типов речи). Автореф. дис... канд. фил. наук. Саратов, 1984, с. 6; Структура многочленных словосочетаний с «семантичес-

кими» предложениями. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1984, с. 95—128.

²³ Атомарные и молекулярные словосочетания выделяем на основании работ Г. А. Лескиса и А. Н. Васильевой. См.: Лескис Г. А. О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста. — Вопросы языкознания, М., 1964, № 3; Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. — М.: Русский язык, 1976, с. 111—145.

²⁴ Курнелович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

²⁵ Столярова Э. А. К вопросу о семантике существительных в разговорном стиле речи. — В сб.: Вопросы стилистики, вып. 14. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978, с. 3—17.

²⁶ В основе нашего деления МПСС по структуре лежит точка зрения Н. Ю. Шведовой (выделение среди многочленных словосочетаний простых, сложных, комбинированных), но она нами уточняется: МПСС с одним структурным центром — сложные словосочетания, а внутри комбинированных словосочетаний различаем конструкции с двумя, тремя, четырьмя и более структурными центрами. См. об этом: Шишканова А. В. Структура многочленных словосочетаний с «грамматическими» предложениями. — В сб.: Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983, с. 61—87; Структура многочленных словосочетаний с «семантическими» предложениями. — В сб.: Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1984, с. 95—128.

²⁷ Сиротинина О. Б. Первые итоги специального изучения разговорной речи. — В сб.: Язык и общество. вып. 2./Под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, 1970, с. 55—63.

²⁸ Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь: Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1983, с. 78.

²⁹ См. об этом подробно: Шишканова А. В. Многочленные субстантивные словосочетания с первообразными предложениями в современном русском литературном языке (На материале устной разговорной речи и письменных типов речи). Автореф. дис... канд. фил. наук. — Саратов, 1984, с. 11—12.

³⁰ Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. — М.: Просвещение, 1974, с. 97.

³¹ Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М.: Просвещение, 1976, с. 134.

³² Ковтунова И. И. Указ. раб., с. 134.

³³ Словарь современного русского литературного языка. — М.-Л.: Изд-во АН-СССР, 1956, с. 859.

³⁴ Функции рассматриваются вслед за авторами энциклопедии «Русский язык». См.: М.: Советская энциклопедия, 1979, с. 385—386.

О ПРИЕМАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

(на материале абазино-русского и адыгско-русского
двуязычия)

Известно, что обучение второму языку часто бывает связано с рядом психолого-методологических, обще-дидактических и лингвистических проблем.

В данной статье речь идет о некоторых вопросах преодоления фонетической интерференции при обучении русскому языку носителей абхазско-адыгской группы иберийско-кавказских языков.

Учащиеся национальных школ и студенты-филологи соответствующих групп практически хорошо владеют своим родным языком, изучают его в школе и вузе, одновременно усваивают русский язык.

В этой объективной лингвистической ситуации в сознании учащихся сосуществуют разносистемные языки, между которыми устанавливаются определенные контакты, в одном случае, облегчая, в другом — затрудняя восприятие и усвоение явлений русского языка.

Как в строительном деле невозможно не учитывать природных условий местности, так и при обучении русскому языку учащихся национальной аудитории нельзя не учитывать данных их родного языка. В связи с этим полезно напомнить слова Л. В. Щербы, смысл которых, к сожалению, часто забывают. Л. В. Щерба писал: «Требование обходиться без родного языка учащихся при осмыслении тех или иных слов вызывает зачастую большую затрату времени, энергии и изобретательности — затрату, которая в большинстве случаев оказывается непроизводительной, так как полное по-

нимание наступает обыкновенно только тогда, когда учащийся находит соответствующий эквивалент в родном языке»¹.

Примечателен случай из жизни абазинской школы. Учителю предстояло объяснить значение русского слова *честь*. Он предлагает учащимся толкование этого слова по словарю Ожегова С. И., в котором сказано «достоинство, высоко ценимое общественно-моральное состояние, вызывающее и поддерживающее общее уважение, чувство гордости»². Конечно, дети не поняли этого объяснения. А на родном языке детей это слово имеет два эквивалента, которые вполне доступны им — «*platu*», «*claxl*», через которые учитель мог объяснить значение русского слова «честь».

Необходимость учета фактов родного языка при обучении неродному языку явилась одной из причин, вызвавших к жизни сопоставительное исследование русского и других национальных языков, которое в настоящее время осуществляется в разных формах: во-первых, как создание сопоставительных грамматик, которые уже составляют определенную отрасль языкознания; во-вторых, как разработка лингвистических основ методики русского языка в национальной аудитории.

В условиях, о которых идет речь, ставится вопрос: как и на каком уровне языка следует учитывать то или иное явление родного языка, как использовать его (родной язык) в целях лучшего усвоения фактов русского языка?

В 1957 г. журнал «Русский язык в национальной школе» опубликовал статью члена-корреспондента АН СССР В. А. Серебренникова «Всякое ли сопоставление полезно?»³, которая вызвала широкую дискуссию по данному вопросу. Выводы, к которым пришли участники дискуссии, актуальны и сегодня. Их можно так сформулировать:

1. Сопоставлением фактов русского и родного языка заниматься следует в тех случаях, когда это помогает лучше и быстрее усвоить явление русского языка (вспомним неэффективное толкование слова «честь» и его перевод на родной язык);

2. Сопоставительный анализ имеет должный эффект при анализе ошибок учащихся и студентов, допускаемых ими в русском языке под влиянием родного язы-

ка («пришел погами» вместо «пришел пешком», «уехал читать» вместо «уехал учиться» и т. д.);

3. Наибольшие трудности для учащихся, естественно, представляют те явления русского языка, которым нет аналогии в родном языке: отсутствие, скажем, категории грамматического рода в абхазско-адыгских языках приводит к тому, что слова, например, «вуаль», «сирень», превращаются в имена мужского рода — «мой вуаль», «чей сирень», а «пень» — в имя женского рода и т. д. Причем, в морфологии чаще всего это имеет место в случаях, немаркированных соответствующими формантами русского языка.

Различная фонологическая система русского и абхазско-адыгских языков ставит перед обучаемыми и обучающими множество вопросов, от правильности объяснения и верного методического решения которых во многом зависит успех обучения русскому языку.

Следует отметить, что некоторые вопросы фонетической интерференции (т. е. окраски неродной речи особенностями звуковой системы родного языка) являются общими для всех носителей абхазско-адыгских языков, а ряд вопросов возникает лишь у носителей абхазского и абазинского (или адыгских языков).

Рассмотрим сначала вопросы, возникающие на фоне абхазско-адыгских языков.

В фонетической системе абхазско-адыгских языков в качестве самостоятельных фонем отсутствуют переднеязычные гласные И, Е. Кроме того, в этих языках палатальность и твердость консонантов не зависит от позиции согласного звука в слове — палатальные в любой позиции палатальны, твердые в любой позиции твердые.

В русском языке представлены самостоятельные переднеязычные фонемы И и Е и их варианты, большинство согласных противопоставляется по палатальности и твердости. В результате некоторые звуки русского языка получают у носителей абхазско-адыгских языков неверную, как метко отмечает Н. С. Трубецкой, «фонологическую интерпретацию», так как они пропускаются через фонологическое сито «нашего родного языка»⁴.

Как следствие этого явления и в связи с отсутствием переднеязычных гласных абхазско-адыгские языки не допускают в слове одинаковых согласных, один из которых был бы твердым, другой палатальным, что яв-

ляется обычным для русского слова. Отсюда, при обучении русскому языку носителей абхазско-адыгских языков, имеем либо «любымымы», либо «любимими» вместо «любимыми», либо «сызымы», либо «сизими» вместо «сызыми».

По причине невозможности смягчения ряда согласных в тех же абхазско-адыгских языках имеем у их носителей: «тепер» вместо «теперь», «писат» вместо «писать», «сем» вместо «семь» и т. д.

Во всех абхазско-адыгских языках представлен очень краткий, иррациональный гласный Ы, при образовании которого язык чуть отодвинут назад и занимает индифферентное положение (поэтому звук называют иррациональным).

Наличие иррационального Ы, частотность употребления которого очень велика (А. Н. Генко был близок к истине, считая, что он присутствует чуть ли не после каждого согласного), ведет к сохранению звонких согласных в абсолютном конце слова в русской речи носителей абхазско-адыгских языков: «дуб» вместо *дуп*, «хлеб» вместо *хлеп*, «флаг» вместо *флак* и т. д.

Названные явления характерны для всех носителей абхазско-адыгских языков. Кроме того, как и следовало ожидать, мы имеем факты фонетической интерференции и на уровне абазинского и адыгских языков.

В адыгских языках (в кабардино-черкесском и адыгейском) твердый и мягкий спиранты *ш* и *щ* нечетко различаются, в отличие от абхазского и абазинского языков, что влечет за собой смешение этих же фонем в русской речи адыгов: «борш» вместо *борщ*, «товариш» вместо *товарищ*, «шипцы» вместо *щипцы*, «шенок» вместо *щенок* и т. д.

В адыгских языках нет твердого сонорного *л*, здесь четко представлены латералы *л*, *лʷ*, *лʲ*. В результате в русской речи адыгов смешиваются палатальный латерал *л* и твердый сонорный *л*: «льом» вместо *лом*, «слот» вместо *слет*, «лямпа» вместо *лампа* и т. д.

Велярные *г*, *к*, *кʲ*, *гʷ*, *кʷ*, *кʲʷ* в адыгских языках подверглись или подвергаются интенсивной аффрикацизации, в орбиту которой естественно вовлекаются и русские слова в речи адыгов: «стачан» вместо «стакан», «чІанфет» вместо «конфета».

В абхазско-адыгских и во всех иберийско-кавказ-

ских языках смычно-гортанные резкие кавказские фонемы (абруптивы) *nl*, *tl*, *kl* и др. очень устойчивы. Когда глухие согласные русского языка *т*, *к*, *п* проходят через кавказское «сито», последние в русской речи носителей иберийско-кавказских языков превращаются в абруптивы *tl*, *kl*, *nl*. Подобная адаптация неодинаково представлена в абхазско-адыгских языках, с одной стороны; с другой — не все глухие смычные русского языка получают столь интенсивную абруптивацию. Если у носителей адыгских языков не выражен процесс перехода русского глухого *к* в резкий *kl* из-за того, что адыгские велярные вообще перешли в аффрикаты, то в абхазском и абазинском это явление широко распространено. В русской речи абазин и абхазов имеем «к^лнут^л» вместо «кнут», «к^лино» вместо «кино», «Ник^лолай Ник^лолаевич» вместо «Николай Николаевич», «к^ллуб» вместо «клуб» и т. д.

Таковы вкратце яркие особенности русской речи у носителей абхазско-адыгских языков на уровне фонетическом. Эти фонетические явления имеют место не только в плане отклонения от орфоэпии русского языка, но они часто являются причиной орфографических ошибок. Что делать? Каковы методические приемы, используя которые можно успешно вести работу по преодолению этих явлений фонетической интерференции?

Во-первых, их надо знать, надо знать их природу. Часто наш учитель их не знает и работает не совсем производительно и рационально. Вооружить будущего учителя русского языка национальной школы соответствующими знаниями и навыками призваны наши институтские курсы, в том числе курс сопоставительной грамматики русского и родного языков, чтение которого предусмотрено действующим учебным планом педвузов.

Во-вторых, следует создавать школьные учебники, которые предусматривали бы соответствующие явления. В учебниках должны быть подобраны специальные упражнения, тексты, к которым следует обращаться постоянно, на протяжении всех лет обучения. Не секрет, что школьные учебники, предназначенные для всех школ РСФСР, в которых, как известно, представлены и тюркские, и иберийско-кавказские, и финно-угорские и др. языки, по меньшей мере, мало помогают учителю

и ученику, так как у каждой группы или семьи языков свои проблемы, а предусмотреть все в одном учебнике просто невозможно. Современная методика научно обосновала необходимость создания единой методики преподавания русского языка для носителей генетически родственных языков и создания для них соответствующих учебников русского языка. В последние полтора-два десятилетия усилиями Н. Б. Экба³, И. В. Баранникова⁶, Г. Г. Буржунова⁷ наметилась позитивная тенденция изучения соответствующих вопросов с одновременным созданием пособий по русскому языку для национальных школ с генетически родственными языками.

В-третьих, использование технических средств обучения, самых элементарных записывающих и воспроизводящих, дает весьма ощутимый результат. Здесь мы имеем немало возможностей:

- 1) прослушивание образцов речи;
- 2) запись текста под диктовку магнитофона;
- 3) запись собственного произношения, собственной речи с последующим ее прослушиванием и анализом ошибок.

Прав В. К. Журавлев, подчеркивающий, что «формирование речевой деятельности на русском языке должно занять центральное место в национальной школе, в методике преподавания, на уроках русского языка»⁸. А аудирование — исходный вид речевой деятельности, и «нерусских детей следует обучать всем видам речевой деятельности, и аудирование — прежде всего, и не только на начальном этапе»⁹.

Умело организованное прослушивание образцов речи при небольших затратах времени и энергии дает положительный результат. Полезно иметь записи русской речи самих учащихся, время от времени прослушивать эти записи, анализировать ошибки, научить замечать собственные ошибки в произношении.

Полезно иметь в кабинете начитанные учителем на магнитофонную пленку тексты насыщенных диктантов по орфографии и орфоэпии, организовать их запись под диктовку магнитофона, сверить записи с текстом для самоконтроля.

Опыт показывает, что перечисленное имеет эффект при обучении русскому языку носителей абхазско-адыгских языков.

---

¹ Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 1974, с. 28.

² Словарь русского языка /Сост. Ожегов С. И. Изд. 3. М., 1953.

³ Серебренников Б. А. Всякое ли сопоставление полезно? — Русский язык в национальной школе. М., 1957, № 2.

⁴ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960, с. 59.

⁵ Экба И. Б. Общие для школ абхазско-адыгской группы проблемы обучения русскому языку. М., 1973, с. 5—6.

⁶ Баранников И. В. Научные основы методики обучения звуковой системе русского языка в бурятской школе. М., 1969.

⁷ Буржунов Г. Г. Научные основы обучения звуковой системе русского языка в начальных классах аварских, даргинских и лакских школ. М., 1975.

⁸ Журавлев В. К. Проблема цели преподавания русского языка в национальной школе. — В кн.: Лингвистические основы преподавания языка. М., 1983, с. 17.

⁹ Там же.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ТОПОНИМОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Русская топонимия Карачаево-Черкесии стала предметом сбора и изучения только в последние годы: в 1979 г. Карачаево-Черкесский ордена «Знак почета» научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики приступил к сбору топонимии области, в том числе и русской. Накоплен значительный материал, собранный путем фронтальной записи топонимов на территории области, извлечения географических названий из литературы и архивов, географических карт и т. д.

Письменные и архивные источники прошлого (до революции 1917 г.) сохранили названия многих географических объектов (укреплений, постов, редутов и т. п.).

В последние годы в разных регионах Кавказа появились топонимические исследования, в которых затрагиваются и вопросы русской топонимии. Так, лингвистическому изучению горских и славянских гидронимов Кубани посвящена кандидатская диссертация Л. Г. Гулиевой «Опыт исследования гидронимии Кубани»¹.

Как пишет автор, в понятие территории Кубани входит весь бассейн Кубани, а также правобережные (Прикубанье) и левобережные (Закубанье) земли, т. е. современный Краснодарский край и Карачаево-Черкесская автономная область².

Х. С. Бгажба в исследовании «Бзыбский диалект абхазского языка» отводит специальный раздел русским именам в абхазском языке³.

В работе А. Дз. Цагаевой «Топонимия Северной Осетии» дается раздел «Славянский слой»⁴.

Значительное место славянскому пласту топонимических названий и его воздействию на адыгскую топо-

нимию отводит Дж. Н. Коков в книге «Адыгская (черкесская) топонимия»⁵.

Как известно, изучение топонимии как языковой факт, т. е. предмет языкознания, имеет большое значение не только в области общего и историко-сравнительного языкознания, истории языка, но и для исторической лексикологии и диалектологии.

Известный советский топонимист — географ Э. М. Мурзаев, характеризуя роль географических названий вообще в жизни человека, пишет: «Невозможно представить себе жизнь современного общества без географических названий. Они повсеместны и всегда сопровождают наше мышление с раннего детства. Все на земле имеет свой адрес, и этот адрес начинается с места рождения человека. Родное село, улица, на которой он живет, город, страна — все имеют свои имена. Ежедневное чтение газет, классической литературы, изучение истории культуры и развитие науки приводят к повому, все расширяющемуся запасу географических названий в нашем языке»⁶.

В предлагаемой статье автор пытается изучить (в предварительном плане) русские географические апеллятивы, участвующие в образовании русских топонимов Карачаево-Черкесской автономной области, и их семантические ряды.

В основе русских географических апеллятивов Карачаево-Черкесии лежат наиболее распространенные природные объекты: *родник, балка, скала, лес, река, пещера, бугор, колодец, курган, сад, дача, сенокосное угодье* и мн. др. Сфера их использования различна. Одни из них (*хребет, гора, бугор, курган, пещера, круча* и т. д.) употребляются в оронимах, другие (*река, речка, родник, ручей, вода, водоем, водопад, озеро*) — в гидронимах; *Пристань, Уруп, Евсеевский, Важный, Красногорская* — в ойконимах и т. п.

Географическими апеллятивами, формирующими наибольшее число русских топонимов, являются следующие:

речка (Белая, Башкирка, Абрецкая, Алычевая, Ра-стофейка), «Речка» — высокопродуктивный апеллятив;
родник (Овечка, Монастырский, Ольховый, Стоялова, Полькина);

гора (хребет, курган) Большой, Ужум, Большой Романов, Батарей, Белоус, Толстый, Триножка, Пароход);

местность (Большой Сахалин, Большая круча, Агибалова, Подкраска, Подсиня);

дорога (Амина дорога, Третья семиколенка, Тракторвая);

спуск (Большой, Бобрышев, Убыхов);

поляна (Учуксиха, Пастуховая, Ясеновая, Лунная, Казачья и т. д.

Ниже приводится список русских географических апеллятивов, встречающихся в области. Слова даются в алфавитном порядке.

Амбар, балка, баиня, бугор водопад, гора, дорога, камень, клин, колодец, косогор, курган, лес, мельница, местность, низ, озеро, перевал, пещера, поле, поляна, поселок, равнина, река, речка, речица, родник, сад, сенокосное угодье, скала, спуск, станица, урочище, участок, холм, хребет, хутор, язык (анат.) и т. п.

Известно, что топонимы создаются человеком и служат обществу. В прошлом ими отмечались охотничьи, рыболовные места, опасные дороги, труднодоступные горы, удобные пути по рекам и т. п.

Позже, когда появилась собственность на земли и угодья, появилась необходимость вводить в географические названия личные имена, прозвища и фамилии людей-владельцев, и просто работников, работавших на этих землях.

Собранный топонимический материал позволяет выделить следующие семантические группы:

1. Названия, связанные с именами и фамилиями людей:

Алимкина пещера, в бассейне реки Джеганас (правый приток Кубани) в Усть-Джегутинском районе;

Алимова речка — левый приток реки Маруха;

Алешина речка — правый приток реки Бижгон;

Агибалова балка — местность на правом берегу реки Большой Зеленчук, в Зеленчукском районе, близ станицы Исправная;

Белоус — гора на востоке станицы Сторожевая в Зеленчукском районе;

Бутенкова речка — левый приток реки Большой Зеленчук;

Брянцева сад — в северной части села Чапаевский в Прикубанском районе;

Волошино поле — юго-западнее поселка Октябрьский в Прикубанском районе. Около 7—8 лет назад

здесь погиб механизатор — Волошин В. П. при спасении хлебного поля от пожара;

Писарева колодец — на севере поселка Октябрьский в Прикубанском районе;

Полькина балка — юго-восточнее станицы Красногорская, на правом берегу реки Кубань;

Роцинкова амбар — местность на левом берегу реки Кубань, на западе села Дружба в Прикубанском районе;

Сорокины клины — западнее поселка Даусуз в Зеленчукском районе;

Сутулова балка — близ хутора Щелканка в Урупском районе;

Шведкова курган — близ станицы Зеленчукская в Зеленчукском районе;

Храптова колодец — в южной части аула Псыж, на левом берегу реки Кубань;

2. Гидронимы (названия водных объектов):

Баритная — левый приток реки Большой Зеленчук;

Белая — левый приток реки Псыж;

Бульварка — правый приток реки Уруп;

Горький родник — юго-западнее станицы Красногорская, на левом берегу реки Кубань;

Змейка — правый приток реки Уруп;

Ледник — родник близ хутора Щелканка в Урупском районе;

Неволька — левый приток реки Бежгон;

Овечка — правый приток реки Кубань;

Озерцо — на западе поселка Водораздельный в Прикубанском районе;

Подорванная — правый приток реки Большой Зеленчук;

Теплая — левый приток реки Маруха;

Рубленый — родник восточнее станицы Исправная в Зеленчукском районе;

Черное озеро — западнее хутора Щелканка и т. д.

3. Топонимы, отражающие растительный мир:

Алычевая — речка, левый приток реки Большой Зеленчук;

Алычевый — лес близ станицы Зеленчукская в Зеленчукском районе;

Березовый клин — южнее Хусы-Кардоник в Зеленчукском районе;

Березник — лес близ станицы Зеленчукская;

Буково — урочище южнее поселка Н.-Ермоловки в Зеленчукском районе, на правом берегу реки Большой Зеленчук;

Грушевая поляна — близ поселка Курджиново в Урупском районе, на левом берегу реки Большая Лаба;

Калиновая — речка, левый приток реки Кяфар;

Кизиловая балка — юго-восточнее хутора Фроловский в Зеленчукском районе, близ озера Плавни;

Липовая речка — один из притоков реки Большой Зеленчук;

Лопуховая речка — левый приток реки Большой Зеленчук;

Ольховая балка — юго-восточнее города Черкесска, на правом берегу реки Кубань;

Ореховая балка — юго-восточнее города Черкесска, на правом берегу реки Кубань;

Сосновая поляна — близ поселка Курджиново в Урупском районе;

Темные чинары — балка южнее станицы Кардоникская в Зеленчукском районе;

Черемуховая речка — правый приток реки Большой Зеленчук;

Ясневая поляна — юго-западнее поселка Ермоловки в Зеленчукском районе, на левом берегу реки Большой Зеленчук и т. д.

4. Приведем группу топонимов, в которых объединены названия объектов по самым разнообразным признакам: описательные, образные, по признаку сравнения с другими предметами, а также названия, указывающие на величину географического объекта, цвет, количество, содержание полезных ископаемых, бывших местожительств, исторических событий, военных терминов и др.

Алебастровая пещера — северо-западнее станицы Красногорская, на левом берегу реки Кубань;

Амбразура — грот западнее поселка Орджоникидзевого. Памятник природы.

Аммонитовая — речка, правый приток реки Джегута;

Баритная — речка и балка, левый приток реки Большой Зеленчук;

Батарея — холм юго-восточнее станицы Кардоникская в Зеленчукском районе;

Белоглинка — местность юго-западнее поселка Холднородниковский в Прикубанском районе;

Верблюд — гора юго-восточнее станицы Зеленчукская в Зеленчукском районе;

Волчьи ворота — река, левый приток реки Большая Лаба;

Гадюшкины — местность восточнее поселка Новый в Прикубанском районе;

Голая — балка в северной части поселка Кавказский в Прикубанском районе;

Горькая — балка близ поселка Новый в Прикубанском районе;

Девичьи косы — водопад на Лабе;

Змейка — речка, правый приток реки Большой Зеленчук;

Зубастая — гора восточнее поселка Уруп, на правом берегу реки Уруп;

Карусельная поляна — юго-западнее поселка Н.-Ермоловки в Зеленчукском районе, на левом берегу реки Большой Зеленчук;

Кишка — местность юго-западнее поселка Октябрьский в Прикубанском районе;

Колокольня — местность в районе хутора Дружба в Прикубанском районе, на левом берегу реки Кубань;

Котел — местность юго-восточнее хутора Важный, на правом берегу реки Кубань;

Коршун — гора северо-восточнее ст. Зеленчукская в Зеленчукском районе;

Кошачья балка — западнее станицы Кардоникская в Зеленчукском районе;

Куцая — речка, правый приток реки Большой Зеленчук;

Кривая — речка и балка на правом берегу реки Большой Зеленчук;

Красный рог — местность близ поселка Подскальный в Урупском районе;

Круглая — речка, левый приток реки Большой Зеленчук;

Латы — охотничьи угодья и урочище восточнее поселка Даусуз в Зеленчукском районе, на правом берегу реки Большой Зеленчук;

Летовка — кочковатая местность западнее поселка Солнечный в Прикубанском районе;

Лунная поляна — юго-западнее поселка Архыз в Зеленчукском районе;

Лысая гора — близ станицы Преградная в Урупском районе;

Медногорск — поселок в Урупском районе;

Никелевая речка — правый приток реки Большая Лаба;

Овечка — речка и балка, правый приток реки Кубань;

Острый курган — юго-западнее станицы Красногорская, на левом берегу реки Кубань;

Одиннадцатая балка — близ поселка Подскальный в Урупском районе;

Пароход — гора восточнее поселка Н.-Ермоловки в Зеленчукском районе, на правом берегу реки Большой Зеленчук;

Патрон — курган восточнее города Усть-Джегута,

Пещерная поляна — северо-западнее поселка Подскальный в Урупском районе;

Подсиняя — местность на юго-западе станицы Зеленчукская в Зеленчукском районе;

Пьяный курган — северо-западнее поселка Новый в Прикубанском районе;

Рыданька — лес, местность на территории поселка «Майский» в Прикубанском районе;

Сахалин — местность восточнее города Усть-Джегута в Усть-Джегутинском районе;

Сухой бугор — северо-западнее села Хусы-Кардоник в Зеленчукском районе;

Сиротский бугор — западнее поселка Подскальный в Урупском районе;

Таблица — ручей, правый приток реки Маруха;

Татарка — левый приток реки Большая Лаба;

Толстый бугор — северо-западнее аула Кобу-Баши в Урупском районе;

Триног — местность близ поселка Курджиново, на левом берегу реки Большая Лаба;

Тещин язык — поле восточнее поселка Октябрьский в Прикубанском районе;

Узенькая — речка, правый приток реки Хуса;

Чертова мельница — урочище на юге поселка Маруха в Зеленчукском районе;

Шапка — местность восточнее поселка Даусуз в Зеленчукском районе;

Шлях — дорога из села Дружба в аул Карапаго в Прикубанском районе и мн. др.

Несколько подробнее остановимся на русских ойконимах (населенные пункты) области — старых и новых. В Карачаево-Черкесии отмечено более 60 ойконимов.

Более старыми названиями русских населенных пунктов в КЧАО следует считать станицы *Зеленчукская, Сторожевая, Исправная, Кардоникская, Преградная, Верхняя Ермоловка*. Они возникли в период заселения русскими переселенцами верховьев Зеленчуков.

Ряд населенных пунктов носят имена или фамилии определенного лица. Например: *Аджиевка* — хутор в Прикубанском районе, на левом берегу реки Кубань (ныне — *Садовый*), *Валуйский* — хутор в Прикубанском районе, на реке Абазинка (ныне — *Знаменка*), *Николаевский* — в Прикубанском районе, *Н.-Ермоловка, Пантелеймоновка, Фроловский* — в Зеленчукском районе, *Ершов* — в Урупском районе.

Отметим, что антропонимические образования ойконимов чаще подвержены изменениям. Изменение социального строя, отмена частной собственности на землю и т. д. вызвали необходимость переименования многих населенных пунктов, ранее носивших имена их владельцев: *Котляровский* — переименован в поселок *Красивый* в Прикубанском районе, *Валуйский* — в *Знаменку, Верхне-Николаевская* — в *Красногорскую* и т. д.

В Карачаево-Черкесии встречаются и такие ойконимы, которые сохранили название прежнего местожительства переселенцев: *Киево-Жураковский*, хутор в Адыге-Хабльском районе, на левом берегу реки Большой Зеленчук; быв. *Марухско-Эстонский*, аул южнее станицы Зеленчукская в Зеленчукском районе.

В русской ойконимии области встречаются новейшие названия, в которых содержится гидронимическая терминология: *Водораздельный, Заречный, Холодный родник* — населенные пункты в Прикубанском районе, *Водовод* — пос. в Мало-Карачаевском районе.

Некоторые ойконимы образованы от названий растений и садов: *Садовый* — село в Прикубанском районе, на левом берегу реки Кубань, *Дубянк* — хутор в Адыге-Хабльском районе, на правом берегу реки Боль-

шой Зеленчук, *Грушка* — хутор в Адыге-Хабльском районе, на водоразделе Урупа и Большого Зеленчука и др.

Названия некоторых русских ойконимов области образованы от этнонимов с добавлением русских словообразовательных форм: *Черкесск* — этноним «черкес, черкесы» + *ск*, *Карачаевск* — этноним «карачаевец, карачаевцы» + *евск*, *Осетиновка* — «осетин» + *овка* и т. п.

Среди русских ойконимов встречаются и такие, которые отражают местные географические условия, различные признаки объекта: *Красногорская* — станция на левом и правом берегах реки Кубань, *Медногорск* — поселок в Урупском районе, *Красный Курган* — село в Малокарачаевском районе, *Красивый*, *Солнечный*, *Светлый*, *Счастливое* — населенные пункты в Прикубанском районе.

Некоторые ойконимы образованы путем противопоставления признаков: *Верхняя Ермоловка*, *Нижняя Ермоловка* или с определением «верхний» — *Верхний Каменноост*, *Верхне-Николаевский*, *Верхняя Пантелеймоновка* и т. п.

Встречаются и такие ойконимы, которые образованы префиксальным способом: *Подскальный* — хутор в Урупском районе, *Пригородный* — населенный пункт в Прикубанском районе, *Предгорный* — в Урупском районе.

Русские топонимы области, как и национальные, находятся в иноязычном окружении, поэтому в их составе встречаются такие, как *Аджара* — гора в верховьях реки Большая Лаба. Ср. абх. *аджара* «осина», *Адзаш* — перевал, соединяющий бассейны рек Санчаро (Большая Лаба) и Бзызь (Абх. АССР). В переводе с абх.-абаз. «Красная вода»; *Уруп* — левый приток Кубани и поселок в Урупском районе Карачаево-Черкесии. В абхазско-адыгском — *Уарп*. Известна и форма *Уарпынс*, где *-нс* означает «река», «вода»⁷.

В адыгейском фольклоре название реки зафиксировано как *Уарпыжь*⁸.

Элемент *-п* в *Уар-п*, *Уру-п* возводят к абх.-адыг. *па/пэ* «нос», «передняя часть», «устье реки».

Сопоставление гидронима *Уарп* со структурой подобных гидронимов в данном регионе (*Бзы-п* — «устье реки»), *Лаба-п* (у устья реки Лаба), *Майкоп* (Мые-

кьуа-пэ) — «устье яблонной реки»), *Ула-п* (устье реки Ула)⁹ и др. наталкивает на мысль, что *уар/уэр* в *Уар-п* с абх.-адыг. языков означает «бурная, быстрая (о реке)» и +п — «устье» — «Устье бурной реки».

В литературе встречаются и другие толкования гидронима *Уарп* (Уруп).

По Х. И. Хаджилаеву, *Уруп* возводится к карач.-балк. деепричастной форме *уруп*, *уруб* «бурная»¹⁰, а по М. А. Хабичеву, *Уруп*, возможно, является сложным по-тамошним, состоящим из *ур* «вода», «река» + *уп* — «вода»¹¹.

Кува — урочище в Урупском районе. В основе предполагается абх.-абаз. *хъвжвы* (ср. в абхазском языке в абж, и бзыб. диалектах *ахважвы*, *ахъважв/ахъваз'в*) в значении «рододендрон». В абхазском нартском эпосе встречается как антропоним — *Хъважварпыс* — букв. «рододендроновый юноша» (из письменного сообщения проф. Х. С. Бгажба). Лексема бытует и в абазинском нартском эпосе — *Хъвыжв Арпыс* (ашх. д.) Например, ...Датшагъи Хъвыжв АрпысхIвагъи аджв дыкъан... Абари Хъвыжвы адхвчIы гьуымбасма? Абари Хъвжвыраа хIахьтIаз, хIахьтIаз адзы гIаейтI... Хъвыжвы Арпыс зырхIво хIара хIахьтIаз акыт, акыт хIахьтIаз дгылаи... «...Был еще и некто по имени Кув Арпыс... Ты еще не видел маленькую реку, принадлежащую вот этому самому Кувы? (Хъвжвы) — название селения. Там, где жили мы, куване (Куване — жители селения Кувы), где находились мы, река течет. ...Тот, кого называли Кувы Арпыс, стоял в том селении, где жили мы, в селении, где обитали мы...»¹².

В Абхазии сохранились топонимические названия, связанные с рододендроном. *Хважшвара* «роща рододендрона», *Хважвкыт* «рододендроновое село», недалеко от Сухуми¹³.

Топоним имеется и в названии двух абазинских аулов Карачаево-Черкесии; *Хъвыжв ду* («Большая Кува, букв. «Большой рододендрон») — офиц. *Старо-куви-нск*; *Хъвыжв чкIвын* («Малая Кува», букв. «Малый рододендрон») — офиц. *Ново-куви-нск*. Ср. в каб.-черк. языке — *Хъуыв цIыкIу* и *Хъуывы шхуэ* «Малая Кува» и «Большая Кува».

«...Основа родового имени *Хважваа* прослеживается в названиях двух абазинских сел: *Хважвду* (Старокувинск), *ХважвхвчIы* (Новокувинск)...¹⁴».

БараныхIва (Барануха) — гора в системе Скалистого хребта, в Уруиском районе. В названии усматривается абх.-абаз. *бараныхIва* — «жертвоприношение», «святилище»; состоит из двух частей: *бара* — должно быть, название какого-то божества и *ныхIва/ныхIвара*, где элемент *-н* возводится к *нчва* «бог», *хIвара/ахIвара* «говорить, просить». В ашхарском диалекте абазинского языка *ныхIвара* означает «просить бога». Существует выражение: «*Анчва уйныхIватI*» — «Пусть бог будет доволен тобой».

До недавнего времени *бараныхIва* бытовало у абазин как обряд вызывания дождя.

Фонетический вариант топонимического *-ных,эа* (*ных,э*) в форме *ных,а/ных* как самостоятельное слово ныне известно в Абхазии в значении «икона», «образ». Слово *ныха/ных* воспринималось в прошлом как сложное: *ны* «бог», «божья», *-ха* «голова», т. е. «икона», «образ»...¹⁵.

Ср. название абхазского святилища *Ебрныха* (В Гудаутском р-не, сел Дурипш), в составе которого *ебр* получен из *абр* → *а-бара/а-ныха/а-ныха*); *ебр* можно усмотреть и в составе имени абхазского эпического героя *Абр/а/скил* (букв. «сын абра») (из письменного сообщения Х. С. Бгажба).

Джеганас, — правый приток Кубани. В гидрониме карач.-балк.: 1. *Джагъанас* от *джалгъан* «приточная», «присоединяющаяся» + *ас/ус* «вода, река» ... 2. *Джагъанас* от *джал* «речка» + *гъан* < *къан* «река» + *ас* < *ус* «вода, река»¹⁶.

Джако — речка, левый приток Кубани. Предположительно, название состоит из каб.-черк. *Жако* — название черкесского аула в Хабезском районе и *къуэ* «балка» — «Балка/а/Жако» и др.

К гибридным образованиям могут быть отнесены такие, как *Абазинка* — правый приток реки Кубань. В основе — этноним *абаза* «абазинцы» и словообразовательный суффикс *-ка*, *Яманка* — возвышенность восточнее станицы Важная, на правом берегу реки Кубань. *Яман* (пог.) «плохой» + *-ка*, *Учкурка* — один из притоков реки Кубань. *Учкъвыл* (тюрк., пог.) «три ручья» + *ка*.

Как видно, взаимовлияние русского и национальных языков, широко проявляющееся вообще в лексике контактирующих языков, проявляется и в топонимии.

Собранный по Карачаево-Черкесии русский топонимический материал позволяет сделать некоторые предварительные выводы:

В образовании русских топонимов области, в основном, участвуют фамилии.

Русские топонимы — одно, двухсоставные.

Топонимы, в основном, — именные.

В русской топонимии встречаются названия с числительными в препозиции: первый, второй, третий и т. д.

Как было сказано выше, в основе русских топонимов лежат антропонимы; обычные слова — названия, обозначающие землю, воду, растительность, животный мир, цвет, величину, строение, содержание полезных ископаемых, военные термины и т. д.

---

¹ Гулиева Л. Г. Опыт исследования гидронимии Кубани. Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 1969.

² Там же, с. 3.

³ Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964.

⁴ Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971.

⁵ Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.

⁶ Мурзаев Э. М. Географические названия. — География в школе. М., 1962, № 4, с. 24.

⁷ Коков Дж. Н. Указ. раб., с. 271.

⁸ Меретуков К. Х. Адыгейская топонимия. Майкоп, 1981, с. 129.

⁹ Бгажба Х. С. Указ. раб., с. 254.

¹⁰ Хаджилаев Х. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.

¹¹ Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982, с. 70—71.

¹² Нарты. Абазинский народный эпос /Сбор, составление, перевод и комментарии Владимира Меремкулова. Черкесск, 1975, с. 51, 187—188, 325.

¹³ Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984, с. 52—53.

¹⁴ Анкваб П. Б. Разыскания в области исторической этно-топонимии Абхазии. Автореф. дис... канд. филол. наук. — Махачкала, 1984, с. 14.

¹⁵ Там же, с. 10.

¹⁶ Хабичев М. А. Указ. раб., с. 54.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НОГАЙСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Дружба народов тесней сближает и имена.

(В. А. Никонов).

Антропонимия, как известно, — наиболее подвижная, социально обусловленная часть лексики языка. В ней находит отражение история народа, его традиции и обычаи, религиозные воззрения. «Антропонимия, — отмечает Дж. Н. Коков, — будучи неразрывно связана с языком, историей, бытом самих носителей имен, доносит до нас информацию первостепенной важности»¹.

Антропонимия ногайцев — это традиционные ногайские и заимствованные (арабо-персидские, русские и вошедшие через русский, интернациональные) имена. Ногайские имена, восходящие в основном к общетюркским антропонимическим основам, раскрывают различные стороны жизни народа, его стремления и мечты. Это имена-пожелания: *Янбек* «крепкая душа», *Таймас* «не уйдет», *Янтемир* (*Жантемир*) «железная душа», *Оьмирбек* «долгожитель», *Оьлмес* «не умрет», *Темирхан* «железный хан», *Арслан* «лев», *Каплан* «тигр», *Навсипхан* «счастья хан», *Сыйлы* «уважаемая», *Аьрувзат* «красивая», *Аьрувжан* «красивая душа», *Айсылув* «луноподобная», *Кызылгуьл* «красный цветок», *Суьврет* «рисунок», *Емис* «фрукт, плод», *Куьмис* «серебряная», *Алтынай* «золотая луна»; имена, в которых подчеркнуты физические особенности ребенка: *Сарытай* «желтый жеребенок», *Сарышаш* «желтоволосый», *Сарыгыз* «светлая девочка», *Карагыз* «черная девочка», *Кокькез* «синеглазая», *Караян* «черная душа», *Караяс* «черный мальчик»; имена, в которых отразились место и время

рождения ребенка: *Ковшер, Ковшербай* (родившиеся во время перекочевки), *Тангатар, Шолпан* (родившиеся на заре).

Ногайская система личных имен, сохраняя в своем составе традиционные имена, обогащается и расширяется за счет заимствований из других языков. В задачу данной статьи входит описание некоторых особенностей современной ногайской антропонимии².

Разительные перемены в жизни ногайского народа за годы советской власти внесли изменения и в систему личных имен. «Заимствование антропонимов является одним из показателей культурного, политического, социально-экономического и языкового влияния»³. Тесное содружество русских и ногайцев, совместное проживание на одной территории, увеличение числа смешанных браков, участие представителей ногайской молодежи на всесоюзных ударных стройках, активное приобщение народа к достижениям русской и мировой культуры, широкое распространение газет и журналов, радио и телевидения, услугами которых пользуется почти каждая семья, способствовали широкому вхождению в ногайский именник русских и, через русское посредничество, интернациональных имен. Как отмечает А. В. Суперанская, «имена, как часть лексики, живо реагирующая на общественные изменения, чрезвычайно подвержены влиянию моды»⁴.

Наши подсчеты позволили выявить наиболее употребительные и популярные русские и интернациональные имена в ногайской системе личных имен.

С 1957 по 1961 годы в ауле Кызыл-Юрт Хабезского района из 83 поворожденных 17 получили следующие имена: *Владимир, Алик, Владислав, Борис, Ростислав, Юрий, Людмила, Роза, Римма, Светлана, Мария, Любовь, Аида, Рита, Лариса, Лидия*.

С 1963 по 1964 годы в ногайских аулах Адыге-Хабльского района из 273 новорожденных 69 или 25 процентов дали русские имена. В эти и последующие годы наблюдается употребление части имен более двух раз: *Людмила* (6)⁵, *Светлана* (6), *Владимир* (3), *Тамара* (3), *Раиса* (3), *Валерий* (3), *Джультета* (2), *Лариса* (2), *Ирина, Аида, Лидия, Галина* и др. В ауле Кызыл-Юрт 12 из 38 поворожденных были названы именами: *Лариса, Сергей, Оля, Роза, Елена, Эмма, Луиза, Олег, Игорь, Эдуард, Артур, Нина*.

В 1965—1966 годах в ногайских населенных пунктах Адыге-Хабльского района 10,8 процентов девочкам и 7,7 процентов мальчикам (74 из 318 новорожденных) были присвоены имена: *Светлана* (5), *Марина* (6), *Эдуард* (4), *Тамара* (3), *Людмила* (3), *Рита* (2), *Маргарита* (2), *Роберт* (2), *Арсен* (2) и др.

В 1967—1968 годах из 165 новорожденных 57 получили имена: *Эдуард* (7), *Альберт* (3), *Лариса* (3), *Арсен* (2), *Анжела* (2) и др.

Среди имен 70-х годов наиболее частотными являются следующие: *Арсен*, *Альбина*, *Анжела*, *Эдуард*, *Людмила*, *Марина*, *Оксана*, *Валерий*, *Радим*.

В настоящее время ногайская антропонимия практически включает почти все популярные имена, бытующие среди народов СССР: *Вера*, *Ирина*, *Лаура*, *Альбина*, *Майя*, *Виталий*, *Венера*, *Рафаэль*, *Елена*, *Лилия*, *Диана*, *Лиана*.

Как показывают подсчеты, количество заимствованных женских имен выше, чем мужских. Из 74 русских имен, присвоенных новорожденным в 1965—1966 гг. в ногайских населенных пунктах Адыге-Хабльского района, 54—женских, 20 — мужских.

Русские и интернациональные имена в системе ногайских личных имен широко используются как среди городского, так и среди сельского населения и не вызывают трудности при употреблении, как это было в первые десятилетия после революции, когда имена подвергались, как и апеллятивные заимствования, фонетической адаптации: *Нурá* (Нюра), *Райкá* (Рая), *Микит* (Никита), *Катиá*, *Катушá*, *Каткé*, (Катя, Катюша, Катька), *Люсá* (Люся), *Алошкé* (Алешка), *Апроскá* (Фрося), *Марусá* (Маруся) и т. д.

В настоящее время русские имена произносятся в соответствии с системой русского языка, хотя в устной речи еще наблюдается перенос ударения на последний слог: *Катя́*, *Алла́*, *Зина́*, *Анжела́*, *Ира́*, *Коля́*, *Белá*, *Зоя́*.

Не зафиксированы «сложные случаи»⁶, имевшие место в меньшине 20—40 годов (Кукла, Шофер, Киндельсон, Озеро-Хасан, Катюша и Ванюша — так называли близнецов в ауле Кызыл-Юрт в 1943 году).

Сокращается количество составных имен. В основном это имена арабского происхождения, вошедшие в ногайскую антропонимию в связи с принятием мусульманской веры, а также имена, включающие в свой состав

компоненты *хан, бек, мурза, бий, бай*, и т. д. отражавшие в прошлом социальное неравенство.

«В наши дни, — отмечает В. А. Никонов, — тюркоязычные народы отбрасывают составные имена. Процесс этот, как показывают подсчеты, протекает неравномерно». Далее автор отмечает, что у кумыков и ногайцев процент составных имен огромен, в среднем из ста кумыкских мальчиков, рожденных в 1968 г., 57 получили составные имена (без г. Махачкалы), ногайцев — даже 72»⁷.

Среди ногайцев же, проживающих в Карачаево-Черкесии, количество составных имен неуклонно сокращается.

В ногайских населенных пунктах Адыге-Хабльского района в 1963—1964 гг. из 274 новорожденных 63 получили составные имена, в 1965—1966 гг. из 318 — 66, в 1969—1970 гг. из 114—16. По аулу Кызыл-Юрт соответственно: в 1964—1965 гг. из 34 — 5, в 1973—1975 гг. из 32—0, в 1982—1983 гг. — из 16—0.

Употребительные в народе арабо-персидские имена в настоящее время воспринимаются как собственно-ногайские. Среди них наиболее популярны имена: *Саид, Рамазан, Мухаммед, Абдулла, Мусса, Медине, Мекке, Хусин, Хасан, Абдул-Керим, Амерби, Умар*. «Слова: хан, бек, бий, которые являются компонентами сложного слова, утратили свое лексическое значение и превратились в словообразовательное средство, подобное аффиксу»⁸. В именах особенно популярен компонент бий: *Альбий, Канишаубий, Мусабий, Аьскербий, Анварбий, Асанбий, Амербий, Сафарбий, Менълибий*. В женских именах наиболее употребителен элемент хан: *Айдыхан, Насыпхан, Залымхан, Дженетхан, Муратхан, Келдихан, Райхан, Кайырхан, Аьскерхан, Обмесхан*.

Нередки женские имена с окончанием *-ат, -ят*: *Аминат, Асият, Зарият, Фаризат, Алимат, Фатимат, Айшат, Шайдат, Салимат*.

Увеличивается количество женских имен с вокальным окончанием: *Асия, Амина, Алия, Зайда, Майра, Джамилля, Земфира, Зарема, Мадина, Айна, Фаридат*.

Большой пласт русских и интернациональных имен не нарушает устоявшихся народных традиций наречения. Следуя древнему обычаю давать новорожденным имена наиболее уважаемых, авторитетных, прославившихся своими делами людей, родители называют детей

именами в честь В. И. Ленина, Н. К. Крупской, героев войны, труда, космоса.

В ногайских семьях широко бытует обычай паречения членов семьи созвучными именами («рифмующиеся имена»⁹, «антропонимические серии»)¹⁰. Например: *Каным—Татым; Мекке—Медине; Фаризат—Мурзият—Зарият, Асан—Хусин* и т. д. Традиция сохраняется и при паречении детей русскими именами: *Диана—Лиана; Римма—Эмма; Алексей—Сергей*.

Ногайцы живут в тесном контакте с народами многонациональной КЧАО. В быту, студенческой и рабочей среде в общении широко практикуется употребление русских имен вместо национальных по созвучию элементов: *Залымхан—Зоя, Женнетхан—Женя, Кайтав—Катя, Эрту—Эмма, Оьлмес—Оля, Клыш—Коля, Фаризат—Феня, Софият—Софья*.

В последнее время наблюдается возросший интерес к таким популярным в прошлом, но забытым ныне именам, как *Юлдыз, Алтынай, Айсе, Киплан, Ынжы*.

Как известно, необходимость изучения антропонимии диктуется не только научными целями, но и требованиями практики. В написании личных имен наблюдаются большие расхождения. Имена с элементами *-хан, -мурза, -бий* пишутся то слитно, то раздельно: *Рай-хан — Райхан; Айды-хан — Айдыхан; Курман-бий — Курманбий; Наьсин-хан — Наьсинхан*. Ряд имен пишется в нескольких вариантах: *Сафият, Сапият, Софьят, Сафьят; Ваудат; Увайдат; Оксана, Аксана; Белла, Бела, Бэла*. Ждут помощи работники Советов, на которых ложится ответственность правильного оформления документов ребенка. «В большом долгу антропонимисты Кавказа перед миллионами людей, выбирающих имя ребенку. О личных именах выпущены всего две брошюры (в Баку и Тбилиси), масса родителей, выбирающих имя, оказывается в плену пережитков или дурного вкуса», — пишет В. А. Никонов¹¹.

Вопросы ногайской антропонимии еще не стали объектом специального исследования. Наиболее полный список мужских и женских имен включен в «Ногайско-русский словарь»¹². Вопросам ногайской антропонимии посвящены статьи филолога С. А. Калмыковой¹³, этнографа Р. Х. Керейтова¹⁴. Предстоит сбор, систематизация ногайских имен, составление полной картотеки. Научное исследование ногайской антропо-

нимии позволит углубить наши знания об истории народа, о языковых, культурных, исторических взаимоотношениях ногайцев с другими народами, а также поможет решить практические задачи.

---

¹ Кокков Дж. Н. Вопросы адыгской (черкесской) антропологии. Нальчик, 1973, с. 3.

² По материалам ЗАГСов Адыге-Хабльского и Хабезского районов КЧАО (аа. Кызыл-Юрт, Нкоп-Халк, Адиль-Халк, Кызыл-Тогай).

³ Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984, с. 219.

⁴ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 421.

⁵ Имя повторилось 6 раз.

⁶ Никонов В. А. Современный именник узбеков. — В кн.: Вопросы ономастики. Самарканд, 1971, с. 11.

⁷ Никонов В. А. Личные имена кумыков и ногайцев сегодня. — В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976, с. 207.

⁸ Калмыкова С. А., Саруева М. Ф. Грамматика ногайского языка. Черкесск, 1973, с. 122.

⁹ Шакуров Р. З. Рифмование имен у башкир. — В кн.: Ономастика Востока, М., 1980, с. 43.

¹⁰ Ройзензон Л. И., Исаев А. И. Об антропонимических сериях. — В кн.: Вопросы ономастики. Самарканд, 1971.

¹¹ Никонов В. А. Пробелы и ошибки. — В кн.: Ономастика Кавказа. Орджикидзе, 1980, с. 84.

¹² Ногайско-русский словарь. (Под ред. Н. А. Баскакова) М., 1963, с. 485—489.

¹³ Калмыкова С. А. Ат берсенъ, атаклы болсын. — Газета «Ленин йолы», 1976, № 33, 18 марта.

¹⁴ Керейтов Р. Х. Ат туягын тай басар. Черкесск, 1978.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ КЧАО, ВОЗНИКШИЕ ОТ РУССКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ, И ИХ АНАЛОГИИ В ДРУГИХ РАЙОНАХ СТРАНЫ

Многие топонимы Карачаево-Черкесии произошли от русских названий растений и животных. Эти географические названия на современной территории области стали возникать со второй половины XIX в., после основания станиц Баталнашинская, Зеленчукская, Исправная, Сторожевая, Кардоникская, Усть-Джегутинская, Верхне-Николаевская (Красногорская). С целью исследования распространения географических названий области, возникших от русских названий растений и животных, и их анализа нами был проведен фронтальный полевой сбор географических названий области. При рассмотрении этой проблемы для территории области представляется целесообразным географические названия подобного типа сопоставлять с аналогами в других регионах страны.

Значительная часть русских топонимов области образовалась от названий различных деревьев, среди них особое место занимает топонимообразующее слово — береза.

Береза. От данного вида растения возникли названия рек, речек, балок, гор. Слово «береза» восходит к тому же корню, что и «белый» по своей этимологии.

Река Березовая — правый приток реки Подкумок в Малокарачаевском районе — является индикатором наличия березы в бассейне этой реки; левые притоки рек Кардоник и Кяфар также называются Березовой.

Многие поляны получили свое наименование от «березы». Это *Первая Березовая* и *Вторая Березовая* поляны на левом берегу реки Большой Зеленчук в Зе-

ленчукском районе. Березовых рощ и полей много в Урупском и Зеленчукском районах.

У истока реки Хуса, правого притока реки Большой Зеленчук, расположен *Березовый Бугор*, а рядом — *Березовый Клин*. Здесь сами названия говорят о себе: первое, что бугор покрыт березовым лесом, а *Березовый Клин*, в отличие от первого, означает островной березовый лес, где клин — географический термин.

Рассмотрим некоторые аналогичные географические названия, расположенные вне Карачаево-Черкесской автономной области. Известны *Березовая гора* в Алтайском крае, в Башкирской АССР, Красноярском крае, Хакасской автономной области, Приморском крае, Свердловской и Челябинской областях, Хабаровском крае и Читинской области. На Камчатке есть *сопка Березовая*, на Чукотке — *Березовые горы*, а в Красноярском крае — *Березовый хребет* и *Березовый Таскыл* (симбиоз). Название Береза носит город в Белоруссии, поселок городского типа в Куйбышевской области; есть *река Березовая* в Ростовской области.

Березовка широко распространена в названиях сельских и поселковых населенных пунктов в Европейской части СССР и в Сибири. *Березовский*, *Березовская*, *Березовское* также получились от «березы» или даны от названий рек поселкам, селам и районам.

Дуб участвует в возникновении ряда топонимов, где произрастали или произрастают в настоящее время дубовые насаждения. Это отражено в названиях балок на правом берегу реки Джаганас в Усть-Джегутинском районе, где росли дубовые деревья: *Первая Дубовая*, *Вторая Дубовая*, *Третья Дубовая* и *Четвертая Дубовая*. В бассейнах этих балок в настоящее время дубовые деревья сохранились в небольших массивах, в основном, растут отдельные экземпляры. В случае исчезновения дубовых деревьев в этих местах географические названия сохраняются и будут свидетелями существования в этих местах дубовых лесов.

Название *Дубки* даны урочищу, расположенному на левом берегу реки Теберда между аулами Нижняя Теберда и Верхняя Теберда, где сейчас сохраняются эталонные экземпляры дубовых деревьев.

В различных районах, расположенных в пределах лесного пояса, сохранились названия урочищ, полей,

бугров и других топонимов, связанных с компонентом *дуб*.

Какие же географические названия наиболее известны с компонентом *дуб* вне Карачаево-Черкесии?

Дубки — поселок городского типа в Дагестанской АССР.

Дубовка — город в Волгоградской области.

Дубовка — поселок городского типа в Тульской области.

Дубовое — поселок городского типа в Закарпатской области Украинской ССР.

Поселки городского типа под названием *Дубовский* имеются в Ворошиловградской области и Марийской АССР, *село Дубовское* — в Ростовской области. Видимо, от слова *дуб* произошли названия поселков *Дубовязовка* в Сумской области Украинской ССР и *Дубосеково* в Московской области, также *Дубовый Умет* в Куйбышевской области. С компонентом *дуб* известен ряд оронимов: *гора Дубовая* в Челябинской области и Приморском крае, а в Амурской области две горы носят название *Дубовой*. Бесспорно, во всех случаях в их возникновении первичным является *дуб* — растение.

Бук, чинар (это слово пришло из персидского языка), *орех*. В географических названиях, расположенных в районах, где живут русские с карачаевцами или черкесами, часто возникают гибридные топонимы, т. е. топонимы — симбиозы. Известны случаи, когда географическое название возникло от русского *бук* и карачаевского *чинар* (тоже в переводе — *бук*). При полевом фронтальном сборе географических названий области мы собрали несколько десятков названий гор, холмов, бугров, урочищ, рек, балок, местностей, связанных с названиями видов различных растений: *бук, чинар* и *орех*. Рассмотрим некоторые из них.

Буковая роща вблизи поселка Архыз, *Буковый (Буково)* — местность в Нижнем Архызе (в прошлом населенный пункт), *Буковый* — урочище в Теберде и т. д.

Буковая роща — это урочище занимает территорию около 50 гектаров, где в настоящее время сохраняются тысячи экземпляров высокоствольного бука восточного; местность *Буковый (Буково)* свое наименование получила также от буковых лесов в этом районе.

Чинар — название «бука восточного» на карачаевском языке и на языках народов, живших на Кавказе.

Однако это не то, что А. С. Пушкин называл «чинарой» в своей сказке. Правильное ботаническое название пушкинской чинары — платан, который растет в Закавказье, а в пределах Карачаево-Черкесии не встречается. Топонимы с компонентом *чинар* выявлены почти во всех районах области, и притом в разной форме. Рассмотрим некоторые из них:

Чинары — местность на левом берегу реки Маруха вблизи урочища Семиродники, *Чинары* — урочище в бассейне реки Хуса, правого притока реки Большой Зеленчук в Зеленчукском районе. *Малые Чинары* — урочище и балка, правый приток реки Кардоник вблизи аула Красный Октябрь в Зеленчукском районе. Недалеко отсюда балка *Большие Чинары* — правый приток реки Кардоник.

Темные Чинары — балка и левый приток реки Кардоник; урочище в верховьях реки Псемен, (правого притока реки Большая Лаба). Первый компонент этих сложных топонимов говорит о размерах (метафорических особенностях) местности, цвете застилающей поверхности и т. д. (Малые, Большие, Темные). В среднем течении реки Бескес, левого притока реки Большая Лаба, возвышается невысокая гора *Чинарев Бугор*, где географический термин *бугор* перешел в название местности с компонентом *чинар*.

Ряд местностей с основой *орех* свои наименования носят от бука, редко — от орешника (лещина). Встречаются и переводные формы, например, *река Чинары* — левый приток реки Кардоник — также называется *Ореховая*. Таким образом, один и тот же географический объект имеет два названия, и оба названия обозначены на географических картах разного периода издания, что вызывает затруднения для исследователей и землепользователей.

В 60-е годы в документах крайисполкома и облисполкома появилось новое название местности, связанное с местом произрастания медвежьего ореха: в официальных документах — *Роща медвежьего ореха*. Эта местность расположена в бассейне речки Кол, правого притока реки Теберда вблизи аула Верхняя Теберда. Здесь сохраняется редкий на Кавказе медвежий орех, занесенный в «Красную книгу СССР», и все урочище, где произрастает данный вид растения (медвежий орех), называется *Рощей Медвежьего ореха*.

Ореховая балка в истоках реки Джаганас и у аула Учкекен на левобережье реки Подкумок; *Ореховское* — урочище в истоках ручья *Ореховая балка* в бассейне реки Джаганас. Оба названия своим происхождением обязаны плодам ореха.

На правом берегу реки Аликоновка в Малокарачевском районе расположено урочище *Ореховые Отвершки* — название дано жителями города Кисловодска.

Вышеперечисленные географические названия свидетельствуют о том, что все наименования даны от присутствия на географическом комплексе саженцев и плодов бука (чишар) и ореха.

Вне области зафиксирован топоним *Буки* — поселок городского типа в Черкасской области Украинской ССР. Многие названия, указывающие на леса или виды деревьев, служат одним из важных оснований для восстановления картины былых ландшафтов.

Приведем еще несколько топонимов, носящих названия видов лиственных деревьев. Это *Осиновая* — ручей, правый приток реки Пскенч (левого притока реки Уруп) и балка — левый приток реки Аксаут. Во всех случаях название с компонентом *осина* выступает как индикатор присутствия осины на данном месте когда-либо в прошлом или же в настоящее время, о чем свидетельствуют ниже приводимые топонимы с основой *осина*:

Осинки — поселок городского типа в Куйбышевской области.

Осинники — город в Кемеровской области.

Осиновка — поселок городского типа в Иркутской области.

Осиновский — речной порт на Енисее в Красноярском крае.

Осиновая — гора в Иркутской, Свердловской, Магаданской областях, в Красноярском крае и Бурятской АССР.

Осиновый — хребет в Магаданской и Иркутской областях.

По поймам горных рек значительное место в растительности из деревьев занимает *ольха*, ее присутствие в природных комплексах этих местностей отражено в названиях *Ольховка* — правого притока реки Подкумок,

Ольшатник — местности в среднем течении реки Теберда и т. д.

Сравним:

Ольховка — поселок городского типа в Ворошиловградской и Донецкой областях Украинской ССР.

Ольховка — село в Волгоградской и Курганской областях.

Ольховка — река в Украинской ССР.

Левый приток реки Аксаут называется *Тополевая*, а левый приток реки Кубань к югу от станицы Красногорской называется *Бузиновая* — здесь нами не обнаружена бузина — сохранилось только название.

Черемуховая — река, правый приток реки Уруп, отсюда и «Черемховский государственный Заказник» в бассейне этой реки; здесь черемуха в изобилии. В области известно несколько случаев образования географических названий от географических терминов с присутствием названия растения, например: Облепиховая Роща вблизи города Черкесска и в других районах.

Многие топонимы свое название получили от одичавших фруктовых деревьев. Это *Алычевая балка* — левый приток реки Кяфар и левый приток реки Большой Зеленчук у села Нижняя Ермоловка; *Грушевая балка* — правый приток реки Большой Зеленчук, вблизи села Нижняя Ермоловка, также левый приток реки Большая Лаба у поселка Курджиново. До 60-х годов на левом берегу реки Большая Лаба, вблизи поселка Рожкао, существовал поселок *Грушевая Поляна*, сейчас сохраняется только название урочища — *Грушевая Поляна*. По-видимому, и хутор *Грушка* в Адыге-Хабльском районе получил свое название от груши.

Черешневая поляна находится на левом берегу реки Большой Зеленчук в Архызе.

О былом существовании одичавших фруктовых деревьев извещает *Фруктовая балка*, расположенная на правом берегу реки Большой Зеленчук в окрестностях села Даусуз.

Сравним:

Грушевка — река в Ростовской области.

Грушевое — поселок городского типа в Ворошиловградской области Украинской ССР.

Черемухово — поселок городского типа в Свердловской области.

Черемушки — поселок городского типа в Москов-

ской области, Красноярском крае и в др. районах страны. Во всех случаях *груша, алыча, черемуха, черешня* — топонимообразующие слова.

На присутствие леса в данной местности указывают такие названия населенных пунктов, как *Лесо-Кяфар*, расположенный на правом берегу реки Кяфар на высоте 1100 м, в лесном поясе, где и в настоящее время существует поселок.

Лесной — бывший населенный пункт на правом берегу реки Уруп в Урупском районе — сейчас так называется только местность. *Подлесное* — так назывался аул Эльтаркач в начале 1950 г., из-за наличия в окрестностях аула большого массива леса. Известны следующие реки и населенные пункты с основой — *лес*:

Лесная — река в Брестской области Белорусской ССР.

Лесное — поселок городского типа в Донецкой области и село в Калининградской области.

Лесной — поселки городского типа известны в Кировской, Мурманской, Московской, Рязанской и Тюменской областях.

Лесогорск — город в Сахалинской области; поселок городского типа в Горьковской и Иркутской областях.

Лесопильное — поселок городского типа в Хабаровском крае.

Подлесное — село в Саратовской области.

Подлесный — поселок городского типа в Тульской области.

Значительное место в географических названиях высокогорий и среднегорий области занимают географические объекты, получившие свое наименование от названий видов хвойных деревьев.

Сосна. Названия, связанные с сосной, встречаются в тех местах, где она произрастала в прошлом или произрастает в настоящее время.

Сосновая — балка, правый приток реки Маруха — сейчас там много сосны.

Сосновая — балка Аксаутского ущелья.

Сосновая — балка, левый приток реки Кяфар.

Сосновая — река, правый приток Большой Лабы, находится недалеко от поселка Пхия.

В сосновых лесах Тебердинского заповедника за последние 40—45 лет возникли новые названия, связанные с сосной, в связи с проводимыми научно-иссле-

довательскими работами, в уточнении конкретных местностей в проводимых полевых экспериментах. Так возникли, например, такие названия, как *Первая Сосна*, *Третья Сосна*, *Четвертая Сосна*. Несколько раньше возникло название большого урочища леса в Архызе — *Сосновый бор* — памятника природы.

В других районах:

Сосновая — гора в Красноярском крае.

Сосновки — гора в Читинской области.

Сосновый — хребет в Читинской области.

Сосновый — мыс в Алтайском крае.

Множество географических названий, сформированных от «сосны», распространено по территории СССР. Это села: *Сосна*, поселки *Сосново* и *Сосновое*, города и поселки *Сосновый Бор*, *Сосногорск* и т. д.

Ель в географических названиях области встречается значительно меньше *сосны*, так как площадь лесов, где произрастает данный вид, занимает меньшую территорию, чем *сосна*.

На правом берегу реки Маруха есть балка и урочище под названием *Ельницкая*, которое дано из-за обилия ели восточной в этой балке; урочище чаще всего называют *Ельники*.

В Теберде есть местности *Первая Ель* и *Третья Ель*.

В 1940-ые годы возникло новое название небольшой безымянной балки, на правом берегу реки Большой Зеленчук у села Нижняя Ермоловка, когда здесь были посажены насаждения сибирской сосны, и сейчас эта местность называется *Роща Сибирской сосны* (сибирского кедра), где возникла эта роща — единственная в крае; она включена в число ботанических памятников края, а само название удачно сочетается с его значением и местностью, где сейчас растут и плодоносят огромные сибирские сосны.

Где еще известны названия с *ель*?

Елец — город.

Ельники — село в Мордовской АССР.

Ельня — город в Смоленской области.

Ельск — город в Гомельской области Белорусской ССР.

Ельцовка — село в Алтайском крае.

Пихта. Географические названия с *пихтой* встречаются так же редко, как и с *елью*.

Пихтовая Роща — в окрестностях поселка Архыз—памятник природы.

Пихтовый Лес — в верховьях реки Кизгич, где растут самые древние пихтовые деревья, в нашей стране (500—700 лет).

Пихтарник — местность в Теберде.

В других районах известны:

Пихтовый гребень — гора в Новосибирской области.

Пихтовый хребет — в Хабаровском крае.

Тис.

Названия, связанные с тисом, встречаются в местах его присутствия. Это *Тисовая Роща* в Эльбурганском лесничестве — местность, *Тисовая Роща* в урочище Клевцово на правом берегу реки Большой Зеленчук у Новоисправненской и т. д.

В последние годы возникло название местности у устья реки Гоначхир, где растет одинокий тис, возраст которого достигает около 600—700 лет. Местность называют *Тис*.

С лесом связаны и названия многих местностей: *Лесок*, урочище на северо-западе станицы Красногорской, где в настоящее время растет лещина и дуб; *Зеленый Остров* — на правом берегу реки Кубани у г. Черкесска и на правом берегу реки Теберда у города Карачаевска.

Отдельные виды кустарниковых и других растений также дали названия балкам, рекам и урочищам: *Кизиловая балка* — правая составляющая реки Джеганас; *Малиновая* — правый приток реки Мара у поселка Маркопи; *Камышевка* — речка, приток Батушихи в бассейне реки Кяфар; *Камышевая* — балка, левый приток реки Маруха у станицы Кардоникская.

За пределами области зафиксированы: *Малиновка*—поселок городского типа в Кемеровской области, в Харьковской области Украинской ССР, в Саратовской области.

Малиновка — река в Приморском крае.

Малиновое Озеро — поселок городского типа в Алтайском крае.

Малиновая — гора в Алтайском крае, Башкирской АССР, Мордовской АССР, Кокчетавской области Казахской ССР и в Сахалинской области.

Совершенно очевидно, что в топонимообразовании здесь единственную роль играет *малина*, которая или

когда-то произрастала, или же произрастает в настоящее время.

Географический термин во многих районах страны формирует топонимы:

Камышаны — поселок городского типа в Херсонской области Украинской ССР.

Камышевка — поселок городского типа в Донецкой области Украинской ССР.

Камыш-Заря — поселок городского типа в Запорожской области Украинской ССР.

Камышин — город в Волгоградской области.

Камыш Кургон — кишлак в Таджикской ССР.

Камышло — село в Куйбышевской области.

Камышиное — село в Кустанайской области Казахской ССР.

Камыш-Самарские — озера в Уральской области Казахской ССР.

Из травянистых растений среди топонимов известно одно название с основой *горох*. Это река *Гороховая* — правый приток реки Большой Зеленчук в Нижнем Архызе. В других районах:

Горохов — город и *Гороховский район* во Владимирской области.

Среди многочисленных топонимов области единственный носит название *Моховая* — ручей, левый приток реки Кубань на юге станицы Красногорской, а также: *Моховая* — поселок городского типа в Камчатской области.

Моховое — село в Орловской области.

Моховая — гора в Архангельской и Оренбургской областях.

Моховые горы — в Магаданской области.

Известный *Пастбищный хребет* в северной половине области свое название получил от наличия хороших пастбищных угодий в прошлом на его склонах.

Сравним: *Пастбищные Увалы* в Магаданской области.

Названия *Зеленая поляна* на левом берегу реки Псыш в Архызе, местность *Зеленая гостиница* в истоках реки Аксаут также своим происхождением обязаны травянистым растениям.

Таким образом, мы считаем, что собранный полевой материал позволяет сделать вывод, что топонимы с названиями растений подсказывают и определяют

ландшафтные особенности данной территории как в настоящее время, так и в прошлом, т. е. выступают индикаторами в выявлении ландшафтных особенностей данной местности.

В тех местах, где велась хозяйственная деятельность, охота и возникали поселения, параллельно с этим происходило возникновение географических названий, связанных с названием вида животных. Возникновение новых названий никогда не было случайным и не лишено значения, т. е. все это закономерно.

Названия диких животных, птиц, и рыб принимают активное участие в формировании названий рек, озер, гор, холмов, урочищ, местностей, вершин и т. д.

В топонимии области большое место занимают названия, возникшие от наименований хищников.

Волк. Название этого вида принимает участие в возникновении десятков гидронимов, оронимов и даже ойконимов. Среди них: *Волчья балка* и *урочище Волчье* в верховьях реки Маруха, *Волчья балка* — правый приток реки Кардоник в Зеленчукском районе; *Волчье* — урочище в бассейне реки Аксаут.

Волчья Яма — перевал в верховьях реки Кызгыч—исток реки Большой Зеленчук.

Волчьи Ворота — невысокий проход и урочище в бассейне реки Кума, между селами Красновосточный и Кызыл-Покун в Малокарачаевском районе.

Волчья — пещера в бассейне реки Большая Лаба.

Волк чаще, чем другие хищники, формирует топонимию ряда районов Европейской части СССР, Сибири и Дальнего Востока, о чем свидетельствуют следующие примеры:

Волчий Камень — название гор в Челябинской и Магаданской областях.

Волчиха — в Свердловской области.

Волчьи Ворота в Армянской ССР и вблизи г. Ставрополя.

Волчьи тундры — горы в Мурманской области.

Гора Волчья имеется на Чукотском полуострове, на Камчатке и Мурманской области.

Река Волчья — в Донецкой области.

Волчиха — поселок городского типа в Алтайском крае.

Названия с компонентом *волк* возникали обычно в местах, близлежащих к кошарам, к летовкам и др. жи-

вотноводческим стоянкам, где чаще появлялись эти крокодиловые хищники, оставляли свои «следы». Редко названия этого ряда возникали в местах, где находили их логова, например: *Волчья пещера* и *Волчья Яма*.

Медведь. Основным местом обитания медведей в последнее столетие являются горные и предгорные районы нашей области, и поэтому не случайно, что топонимы, образованные от *медведя*, чаще встречаются в горной части области. Эти названия давались тем географическим объектам, где встречали самих медведей или их берлоги, редко — следы их пребывания.

Рассмотрим некоторые из них.

Медвежья балка — на левом берегу реки Кубани у поселка Эльбрусский, ручей в бассейне реки Маруха, и балка у города Теберда на левом берегу реки Теберда (карачаевцы называют Айюлю).

Медвежье озеро — в верховьях реки Уруп (имеются Верхнее и Нижнее Медвежье озера).

Медвежий Бугор — холм вблизи станицы Сторожевой (на юге).

Медвежья Пасть — урочище на левом берегу реки Маруха.

Медвежий перевал на Главном Кавказском хребте в междуречье Аманауз и Псыш Южный.

Медвежья Поляна — урочище на восточном отроге горы Белалы-Кая в бассейне реки Аманауз.

Топонимообразующий компонент *медведь* образовал ряд географических названий в разных районах страны:

Медвежий — перевал в Магаданской области.

Медвежий — хребет в Камчатской области.

Медвежья — гора в Бурятской АССР, в Мурманской, Сахалинской, Свердловской, Челябинской, Магаданской областях, в Хабаровском и Приморском краях.

Медвежья Тропа — гора в Амурской области.

Медвежий — залив в Архангельской области.

Медведица — реки в Волгоградской и Калининской областях.

В лесах области редко встречается небольшой хищный зверек горностай, наличие его в природе бассейна реки Кяфар отражено в названии балки *Горностайка*, расположенной на правом берегу реки Малютка. Интересно отметить, что в Херсонской области Украинской ССР имеется поселок городского типа *Горностаевка* и *Горностаевский район*. Здесь никакого сомнения не дол-

жно быть в том, что эти названия не исходят от названия вида хищника — *горноста́й*.

В период полевого сбора топонимического материала стало известно, что такие названия, как *Сви́нячья*, *Сви́нячи* не всегда исходят от названий диких или же домашних свиней и часто не связаны с их местообитанием; эти топонимы возникают в тех местах, где имеется грязь, болота (топкое место), темная или страшная местность (тьма в лесу), овраг. Нами выявлено всего два названия с компонентом *сви́ня*:

Сви́нячья — гора высотой 982 м. н. ур. м. на западной окраине станицы Сторожевой в Зеленчукском районе, *Сви́нячи* (*Сви́няки*) — местность на левом берегу р. Большая Лаба, недалеко от устья реки Загаден в Урупском районе. В 60-е годы здесь существовал поселок, который назывался *Сви́няки*. Для сравнения можно назвать *Сви́ные горы* на Валдайской возвышенности в пределах Калининской области, где, безусловно, данный ороним возник от названия вида животного — *сви́ньи*. Особое место в русской топонимии области занимает название *балки Звери́новая* — правого притока реки Кяфар, которое связано с обилием диких зверей в долине этой речки.

Очевидно, такой генезис имеет и *Звери́новая гора* на Камчатке и *поселок Зверово* в Ростовской области. В некоторых случаях возникновение географического названия, где имеется название животного, зависит и от формы рельефа местности, хотя на данной местности и не обитают эти животные. Лет 20—30 тому назад в Архызе появилось название горы — ее называли *Заячьи Ушки*, которое вскоре попало в краеведческую и туристскую литературу, и сейчас за этой горой закрепилось это название. Гора имеет форму заячьих ушей, т. е. здесь возвышаются две скалы, напоминающие уши зайца. Есть и перевал с таким же названием в междуречье Псыша и Кызгыча. Сравним с горой *Заячья* в Кемеровской области и Хабаровском крае. Могли возникнуть здесь названия от присутствия в этих местах зайцев?

В области встречается несколько топонимов, отражающих присутствие оленей в природе. В бассейне реки Большой Зеленчук две реки носят название *Оленевой* — левый приток у села Нижняя Ермоловка и правый приток у реки Рапочай, где в прошлом была большая концентрация кавказских оленей, которые обитают здесь

и в настоящее время. В других районах Советского Союза олень также формирует географические названия гор, хребтов, островов и т. д. Это: *Оленья* — гора в Камчатской, Сахалинской, Читинской и Магаданской областях.

Оленьи Рога — хребет в Красноярском крае.

Олений — хребет в Сахалинской области.

Олений — острова в Белом и Карском морях.

Из парнокопытных животных, названия которых носят географические объекты высокогорий, пожалуй, на первом месте стоит тур. Среди них значительное место занимает озеро, где чаще видели люди туров, приходивших на водопой. Так получили свое название *Турье озеро* вблизи Алибекского ледника и в верховьях реки Кяфар.

Тур — названия горы в Хабаровском крае и Камчатской области, которые не имеют ничего общего с названием животного *тур*, то же самое и *Тура* — гора в Сахалинской области и поселок городского типа в Красноярском крае, река в Тюменской и Свердловской областях. Остается некоторой загадкой название участка дороги у аула Хумара «Мышиная тропа»; очевидно, название показывало узость этого участка, где могла пройти только мышь. Данную тропу также называют по фамилии инженера-строителя декабриста К. Г. Игельstroma «Игельстромовской тропой». Из сказанного следует, что иногда названия животных принимают участие в возникновении географических названий, не имея даже отношения к животным, что может привести к заблуждениям.

В русской топонимии области встречаются названия местностей, связанных с животными, которые никакого отношения к природе данной территории не имеют, что аналогично с вышеназванными «Заячьими Ушками». Речь в данном случае идет о горе *Верблюд*, расположенной на северо-востоке станицы Зеленчукской и у хутора Подскальное в Урупском районе. *Верблюд* свое название в обоих случаях, очевидно, получил от внешней формы горы. Сравним с горой *Верблюд* у Кавказских Минеральных Вод, где довольно четко очерчивается контур верблюда.

Интересно отметить для сравнения, что «верблюд» в географических названиях как в Карачаево-Черкесии, так и в районах страны исключительно встречается как

ороним, т. е. в названиях гор. Название *Верблю́д* по-свят горы на полуострове Таймыр, а в Магаданской области две горы с названием *Верблю́д*. Известны горы с этим названием в Приморском крае, Сахалинской области, в Хабаровском крае — в этих районах никогда не водились верблюды, значит, название метафорическое.

Верблюжья гора — встречается в Архангельской, Целиноградской и Свердловской областях. В Целиноградской области название могло появиться от обитания верблюда в местности.

Часть географических названий происходит от названий домашних животных, например: *Овечка* — река, правый приток реки Кубань (в прошлом погайское название Батмакэлы), в прошлом существовал и хутор *Овечка* в Прикубанском районе.

Одна речка в Урупском районе названа *Змейка* (правый приток реки Уруп), которая свидетельствует о форме реки, извилистой, меандрирующей, хотя некоторые утверждают, что название дано от обилия змей.

Змейка — гора в Минераловодском районе и поселок там же.

Змеиногород — города в Алтайском крае и район.

Змеиный — остров на Черном море в Одесской области.

Змеиногорский здесь же.

Змеевы горы в Саратовской области.

Змеиная — гора в Челябинской области. Они могли возникнуть от обилия или наличия пресмыкающихся — змей.

Определенный интерес представляют топонимы, возникшие от орнитофауны области.

В Малокарачаевском районе вблизи села Краснокурганное на правом берегу реки Подкумок есть балка, которая названа *Сова балка*. Совершенно очевидно, что оно получилось от обитавших здесь сов, которых часто видели местные жители. Сравним с *горой Сова* в Челябинской области.

На правом берегу реки Аксаут расположена *Сорочья балка*, от названия птицы — сорока. Сравним с названием *города Сороки* в Молдавской ССР и *поселок Сорокино* в Алтайском крае. Такие названия, как *Коршун* (гора на севере станицы Зеленчукской) и *Петушки* (гора на западе аула Кызыл-Кала) могли возникнуть

от формы рельефа, где возвышаются песчаниковые скалы, изображающие в контуре животных и птиц (метафорические названия). Совершенно другим путем образовалось название пещеры «Голубинная», расположенной в окрестностях села Важное. Его так называли спелеологи, обнаружившие колонию голубей и их гнезд в данной пещере.

Форель — обитатель горных ручьев, рек и некоторых горных озер — также причастна к возникновению названий горных озер.

Форельное озеро в бассейне реки Гоначхир (по-карачаевски Тубанлы-Кель).

Рыбное — озеро на хребте Морх-Сырты и в верховьях реки Кыфар. В обеих реках водится озерная форель, что и дало этим озерам название — *Рыбное*. Сравним с названием *города Рыбное* в Рязанской области и села в Сахалинской области; в Киргизии есть город *Рыбачий* на берегу реки Иссык-Куль, где промыслили рыбу.

Из вышесказанного следует заметить:

1) русские географические названия области, наряду с карачаевскими, черкесскими, абазинскими, ногайскими, осетинскими и греческими топонимами, обогащают народные местные географические названия с периода их возникновения;

2) в топонимобразовании русских названий области основную роль играют географические термины, среди них велика роль и названий видов растений и животных, отражающих характерные черты природных условий данной местности и других ландшафтов;

3) значительное количество географических названий, носящих название вида растений и животных, метафоричны и возникли от сравнения формы рельефа и прочего в природе;

4) географические названия, отражающие вид растения или животного, являются индикаторами, что способствует установлению истории ландшафтов и выявлению распространения того или другого вида растений и животных в прошлом и настоящем на данной местности;

5) русские географические названия Карачаево-Черкесии, возникшие от названий растений и животных, имеют много общего с географическими названиями других районов Советского Союза, особенно много

сходства в районах, имеющих такие же физико-географические природные условия, как здесь (Сибирь, Дальний Восток, Европейская часть СССР), где в топонимоброзовании принимают участие названия всех основных компонентов природы;

б) изучение и выявление современных географических названий, возникающих от названий растений и животных, даст возможность глубже и всесторонне исследовать природные богатства страны и выработать потенциальные нормы охраны окружающей среды, которые так необходимы сейчас для всего человечества.

---

¹ Трубе Л. Л. Отражение черт природы в топонимии Горьковской области. Вопросы географии (сб.). Т. 94. — М., Мысль, 1974.

² Мурзаев Э. М. и Мурзаева В. Э. Словарь местных географических терминов. География. М., 1959.

³ Словарь названий орографических объектов СССР — М.: М.: Недра, 1983.

⁴ Словарь названий орографических объектов СССР — М.: Недра, 1976.

О ЛЕКСИЧЕСКИХ СЛАВЯНИЗМАХ БЕЗ ФОРМАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Употребление лексических славянизмов в произведениях современной советской публицистики не было предметом специального исследования. В данной статье делается попытка лингвистического анализа указанной лексической группы на материале различных жанров современной публицистики.

Публицистика является важным источником, представляющим русский литературный язык. Сила публицистики в том, что она дает научно правильное объяснение действующим объективно и независимо от воли человека законам общественного развития. В. И. Ленин видел главную задачу публициста в том, чтобы писать историю современности. Публицистика решает целый комплекс задач познавательного, идеологического, социально-психологического, практического характера. Публицистика, выполняя свою информационно-познавательную функцию, создавая историю современности, не только информирует о событиях, но и распространяет оценочные суждения, или, по словам В. И. Ленина, «должна откликаться на все вопросы, выдвигаемые жизнью во всех областях» (1, с. 326). Главное социальное назначение публицистики — быть, по мнению М. И. Калинина, «трибуной и организатором общественного мнения» (2, с. 80).

Материалы публицистики имеют большое значение, поскольку в ней рождаются новые слова и словоупотребления, отражающие идеологию и потребности общества. Периодическая печать дает много новой лексики, использует старые слова и выражения для придания речи особой выразительности.

Среди лексических средств, используемых в современной публицистике, определенное место занимает группа лексических славянизмов без формальных признаков. Они имеют длительную традицию употребления, прошли путь семантической и стилистической трансформации. Семантическая, стилистическая, эмоционально-экспрессивная и иная трансформации привели к выделению среди лексических славянизмов группы слов, которая приобрела социальное звучание в публицистике современного русского литературного языка.

Сам термин «славянизм», по определению А. И. Горшкова, — «слово или оборот речи, заимствованные русским языком из старославянского языка или из более позднего церковнославянского языка русской редакции» (3, с. 287). Предметом исследования являются лексемы старославянского языка, причем та часть заимствований, которая обнаруживает церковнославянское происхождение не внешней формой, а только своими значениями, своей культурной историей. По мнению А. И. Горшкова, это «лексические славянизмы без формальных признаков» (3, с. 397). А. В. Калинин называет их «старославянизмы без внешних примет» (4, с. 93). Н. М. Шапский относит подобные славянизмы к семантическим» (5, с. 38). Лексические славянизмы без формальных признаков не имеют определенных внешних примет, но обладают рядом семантико-стилистических особенностей: служат для выражения отвлеченных, религиозных, философских, научных, этических понятий, часто имеют книжную стилистическую окраску.

Рассматриваемая лексика по принадлежности к частям речи распадается на 3 группы: имена существительные, имена прилагательные, глаголы. Группу имен существительных составляют следующие славянизмы: **бездна, безобразие, брак (супружество), величие, досада, доспехи, жилище, забвение, истина, клич, ковчег, корица, кров, месть, мечта, мразь, навет, образ, плевел, победа, подвиг, порок, призрак, проказа, пучина, раздор, снедь, совесть, сонм, суета, твердь, узы, усердие, творец, пророк, кумир, жрец, волхв, художник, начальник, супруг, узник, урод.**

В группу имен прилагательных входят славянизмы: **алчный, багряный, бранный, вероятный, волшебный, выспренный, дательный, достоверный, древний, жесткий, жестокий, звательный (падеж), искренний, коварный,**

косвенный, косный, кромешный, маститый, мнимый, молчаливый, надменный, неистовый, окаянный, постный, потребный, похабный, приверженный, приятный, прозрачный, смиренный, точный, целебный.

Группа анализируемых глаголов: алкать, бесноваться, бряцать, вникнуть, внушить, воплотить, гряди, доволь, достигнуть, кичиться, коснуться, ликовать, лобзать, медлить, мерцать, наставить, негодовать, наустить, ненавидеть, обитать, обличить, обонять, образовать, обрести, обуять, обязать, оскорбить, осязать, отрицать, отчаяться, покуситься, порицать, посетить, посвятить, претить, притязать, реять, сетовать, снабдить, требовать, убедить, улучшить.

В каждую из этих групп входят слова, различные по семантике, стилистической окраске, лексической иногда и фразеологической сочетаемости. Большинство из указанных славянизмов входят в синонимические и антонимические отношения с другими словами современного русского языка. Выделяются определенные группы слов по наличию эмоциональной (положительной или отрицательной) оценки, слова нейтральные в отношении экспрессии и экспрессивно окрашенные..

Одной из черт данной лексики является наличие результатов важных семантических изменений. В ходе исторического развития у многих слов появились новые, ранее не известные им значения или оттенки значений, что приводит к употреблению слов в новых сочетаниях. А это, в свою очередь, значительно обогащает выразительные средства общенародного, общелитературного языка. Для части славянизмов характерно использование их для наименования новых понятий (этот процесс в науке о языке называется переносом наименования). Необходимость использования старых слов в новых значениях вызывалась эмоциональной образностью высказывания, стремлением к большей выразительности. Интересные процессы переноса наименования произошли со словами, относящимися к общественной жизни, политике, религии. Слова, никогда не имевшие политической окраски, в результате переосмысления получили ее.

Одно из центральных мест в исследуемой группе славянизмов занимает слово **совесть**, которое отличается соединением понятий морально-этического и социального плана. Слово **совесть** заимствовано в виде

ствѣть из старославянского языка, в котором оно является словообразовательной калькой греч.

Обращают внимание изменения, которые претерпело это слово в ходе своего развития. Этимологическая и синхронная структура его не совпадает. О. Е. Ольшанский в работе «Заметки о лексических кальках с опрощенной морфологической структурой в современном русском литературном языке» рассматривает изменение морфологической структуры некоторых словообразовательных калек в русском языке, в том числе и в слове **совесть**. Он пишет: «Старославянское по происхождению существительное **совесть** калькирует греч. **συνείδησις**, лат. **conscientia**, состоящие из префиксальной морфемы, значащей «с» и элемента модели со значением «знание». Элемент **ведь** в словообразовательной кальке — от корня **вед** (вѣд) «знать». Явление опрощения существительного **совесть** определило перемещение морфологического узла на границе префикса с корнем. Непроизводную (нечленную) основу имеет в современном русском языке также этимологически однокоренное слово **ведомость**. Ср. со словами типа **ведать** (вед-а-ть)» (5, с. 120). В процессе исторического развития слово **совесть** обогатилось семантически, приобрело новые оттенки значения. Современная лексикографическая характеристика этого слова такова: 1. Чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом. 2. Нравственные принципы, взгляды, убеждения*. В Словаре современного русского литературного языка отмечено употребление слова **совесть** в таких словосочетаниях: **рабочая, врачебная, и т. п. совесть; политическая, революционная, общественная совесть; совесть народа; свобода совести**. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова слово **совесть** снабжено пометкой «политическое». Закрепление за данным славянизмом этой пометы подчеркивает социальную значимость слова, принадлежность к разряду общественно-политической лексики. Слово **совесть** отличается вхождением в состав многих фразеологизмов: **без зазрения совести; для очистки совести; на совести кого, чьей у кого; по совести сказать; на совесть; не за**

* Здесь и далее: Словарь современного русского лит-го языка. — М.—Л., 1951—1965 гг., тт. 1—17.

страх, а за совесть; пора и совесть знать; совесть зазрила; сделка с совестью; со спокойной совестью; с чистой совестью. Надо отметить и словообразовательную способность слова: **совесть** — **совестливость** — **совестливый** — **совестно** — **совестить** — **усовестить** — **совеститься** — **посоветиться**.

В языке современной публицистики слово **совесть** встречается очень часто. Многочисленны случаи употребления его в статьях политического содержания. Именно в публицистике возникает новое его значение в составе сочетания со словом узники: **узники совести**. Оно отмечено в Словарных материалах — 78 под ред. Н. З. Котеловой. Примечательно, что и слово **узник** (один из рассматриваемых нами славянизмов) в публицистике приобрело яркую социальную окрашенность; ср. «Одним из них власти США приписывают поджоги, другим — убийства, третьим — нападения на полицию. Но общественность всего мира знает: все они «узники совести», люди, преследуемые за политические взгляды, за прогрессивную общественную деятельность» (Лит. газета, 1978, № 11). «Мы научились ненавидеть трусость, фальшь, ложь, ускользающий взгляд подлеца, разговаривающего с вами с приятной улыбкой, равнодушие, от которого один шаг до предательства, один шаг к преступлению перед совестью» («Молодая гвардия», 1984, № 3, с. 260). «Салтыков-Щедрин, также и Успенский — это совесть людей, познавших социальные пороки своего времени. Ведомые этой совестью, один избрал своим орудием борьбы с ними бич сатирика, другой взял в руки посох странника-очеркиста» («Новый мир», 1976, № 1, с. 226). «Высока мера требовательности, с которой писатель взывает к «социальной совести» читателя, и его доверие к нашей готовности понять всю сложность современного состояния мира» («Москва», 1983, № 10, с. 199).

Обратимся к анализу слова **победа**. В современном русском литературном языке оно является единицей активного фонда лексики. Степень распространенности данной лексемы в языке современной публицистики объясняется семантической наполненностью анализируемого слова. В языке древней поры слово **победа** было известно в значении «одоление неприятеля в сражении». Дальнейшая история этого слова связана с развитием новых значений, приобретением словом от-

тенков значения, расширением семантического объема слова. В современном русском языке слово **победа** имеет следующие значения: 1. Успех в бою, в битве, полное поражение войск противника. Отмечена возможность употребления его в сочетании **одерживать, завоевывать победу**. 2. перен. Успех в борьбе за что-либо, какое-либо достижение в результате борьбы, преодоления чего-либо. В литературном употреблении закрепились оттенки значения этого слова: «успех в соревновании, преодоление противника (в играх); «об успехах в любовных делах (обычно употребляется во множественном числе)». Входит в состав фразеологизма **Пиррова победа** — «победа, обесцененная чрезмерными потерями». Слово **победа** в русском языке имеет антоним — поражение. В отношении морфологического строения слово подверглось опрощению, т. е. в современном языке префикс **по-** уже не выделяется (в старославянском языке образовано посредством темы **-а** от побѣдѣти — «победить», префиксальной формы к бѣдѣти — «убеждать», производного от бѣда).

Особенно часто слово **победа** и такие слова, как **подвиг, величие, месть, ликовать, жестокий, коварный** и другие, на страницах периодической печати встречаются в дни празднования советским народом великой Победы над фашистской Германией. Они придают речи оттенок торжественного, патетического звучания. Иногда используются и для характеристики отрицательных явлений — для выражения презрения к врагу. Ср.: «Старики и дети, вынесшие на своих хрупких плечах беспримерную трудовую тяжесть войны, быть может, ослили ее лишь потому, что верили: с **победой** все изменится, все пойдет по-другому» («Наш современник», 1984, 6 2, с. 164). «Есть все-таки несомненная мудрость в словах о том, что большое видится на расстоянии, — и великое народное горе, и бессмертный народный подвиг, и бесценное значение нашей Победы для судеб мира» («Октябрь», 1985, 9 5, с. 181). «Пядь земли — это название баклановской повести сфокусировало в себе и полемику с панорамными, «широкоформатными» романами, и убежденность в том, что происходящее на каждой пяди земли отражало как в капле воды всю силу и **величие** нравственного **подвига** народа» («Октябрь», 1985, № 5, с. 185). «Тяжесть многократно усугубляется тем, что приходится оставлять на произвол

жестокого врага не просто территорию, а родную землю, села, города с беззащитными матерями, сестрами, братьями, стариками и старухами» («Наш современник», 1986, № 5, с. 179).

В группе глагольной лексики выделяется славянизм **бряцать**. 1) Полный церковнославянский словарь (сост. Г. Дьяченко, М., 1900) выделяет у этого слова следующие значения: 1. Возглашать; 2. Издавать звуки по ударению; 3. Ударять. 2) В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова наряду с пометами «устарелое», «книжное» отмечается его принадлежность к газетной лексике, что подчеркивает активность употребления его в произведениях публицистической направленности. 3) Лексикографическая характеристика современного русского языка такова: Звучно ударять чем, на чем, по чему; звучать от прикосновения (о металлических предметах, музыкальном инструменте, струнах); брентать, звенеть. Семантический объем слова в ходе исторического развития расширился, у слова **бряцать** появилось ранее не известное ему переносное значение «угрожать войной» в сочетании **бряцать оружием**. Примеры употребления этого слова в новом значении встречаем довольно часто. Вот один из них: «Мы ценим мир, мы бережем его как зеницу ока и именно поэтому ни на миг не забываем о войне — и о той, что завершилась в победном 45-ом, и о той, угрозой которой бряцают заокеанские стратеги» (Лит. газета, 1984, 14/III, с. 2).

Глагол **внушить** заимствован из старославянского языка (вѣноушити), в котором является калькой греч. . Лексическая калька была образована с помощью — ИТИ от предложно-падежной формы вЪи УШИ «в уши». Это слово пережило процесс переразложения. Слияние префикса (из предлога) с корнем было вызвано семантической структурой калькированного слова. Произошли изменения и в семантике данного глагола. В Словаре русского языка XI—XVII вв. выделяются такие значения слова: 1. Послушать, принять к сведению, внять. 2. Направить, устремить. Слово **внушить** расширило свою семантику, что проявилось новыми оттенками значения. В современном русском языке оно имеет следующие значения: 1. Вызывать, возбуждать по отношению к себе какие-нибудь ощущения, мысли, заставляя чувствовать что-нибудь. 2. Поучать, настав-

лять, заставляя усвоить какие-нибудь убеждения. Слово находится в активном запасе лексики современной публицистики. Иллюстрацией употребления этого глагола могут служить такие примеры: «Памятник Петру был воздвигнут по замыслу Екатерины, стремившейся внушить подданным, что она, узурпаторша, является духовной наследницей и продолжительницей дела Петра» («Новый мир», 1975, № 6, с. 252). «Смело и прозорливо для времен коллективизации, когда создавался «Тихий Дон», автор отстаивает и утверждает все то достойное, возвышающее человека, что веками внушала народная мораль русскому земледельцу» («Октябрь», 1985, № 5, с. 198). «То, что когда-то списывалось за счет американской «наивности» и прочих детских болезней молодой нации, теперь внушает все больше беспокойства даже на Западе» («Лит. газета», 1984, 14/III, с. 2.)

Из группы имен прилагательных выделяется слово **древний**. Словарь русского языка XI—XVII вв. отмечает многозначность данного славянизма: «существовавший или живший в далеком прошлом; существующий издавна, сохранившийся от далекого прошлого, старинный; прежний; очень старый, ветхий; старейший; в знач. сущ. Древние, мн. люди древности». Употреблялось оно и в сочетании **древний драконь** — сатана. В процессе исторического развития часть этих значений словом утрачена. Современная лексикографическая характеристика его включает такие значения: 1. Существующий в отдаленном прошлом, происходивший в ранние исторические эпохи. 2. Очень старый. 3. В знач. сущ. древние, ед. нет. Встречается в сочетаниях **древние народы, древние языки** (латинский и древнегреческий языки). Для такого значения заимствованное слово **древний** является книжным. Данное слово входит в антонимические (**древний** — **новый**), синонимические связи с другими словами русского языка (**давний, давнишний, старый, старинный, стародавний, древний; давний, давнишний, старый, стародавний, прежний, старопрежний, древний** давнопрошедший, незапамятный; **античный, древний, классический**). В публицистике это слово является единицей активного запаса лексики, употребляется во всех значениях. Ср.: «Ради чести Отечества шли на смерть 28 героев-панфиловцев — русские, казахи, украинцы, киргизы. Ради нее отдала свою жизнь под древним русским городом Не-

велем отважная казахская пулеметчица Маншук Маметова, первой среди женщин Востока удостоенная звания Героя Советского Союза» («Октябрь», 1982, № 5, с. 178). «Знание древних языков открыло молодому Ленину путь к античной поэзии, многих произведений которой еще не существовало в русских переводах». («Звезда», 1975, № 11, с. 207). «Внимание к «Слову о полку Игореве» как высокохудожественному повествованию о событиях древней истории и собственно факту этой истории в XIX столетии упрочилось и в связи с важными событиями общественно-политической жизни» («Неман», 1985, № 4, с. 159). «Религия — самая древняя идеологическая школа морального рабства («Новый мир»), 1975, № 6, с. 246).

Рассмотренные слова из группы славянизмов без формальных признаков, связанные с обозначением важных морально-этических и социальных явлений в жизни советского общества, характеризуются высокой частотой употребления в произведениях современной публицистики.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 4.

² Калинин М. И. О корреспондентах и корреспонденциях. М., 1958.

³ Горшков А. И. Славянизмы. — Энциклопедия «Русский язык», М., 1979.

⁴ Калинин А. В. Лексика русского языка. М., 1971.

⁵ Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык. М., 1981, ч. 1.

⁶ Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VIII, М., 1976.

КАЛЬКИРОВАНИЕ С РУССКОГО КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ НОГАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы изучения развития и обогащения каждого национального языка в условиях двуязычия¹ относятся к числу актуальных социолингвистических проблем и имеют важное теоретическое и практическое значение.

Особого внимания заслуживает «лингвистический аспект исследования»² национально-русского двуязычия, рассматриваемого под углом зрения внутривидовых взаимоотношений его двух основных компонентов, то есть родного и русского языков. Потому что «в жизни каждого народа оба языка — национальный и русский — выполняют разные, но одинаково важные функции: один является незаменимым средством внутринационального общения людей, другой — их межнационального общения»³. Наиболее ярко влияние языка межнационального общения на национальные языки проявляется на уровне лексики, в том числе ее терминологии, как общественно-политической, так и научно-технической.

Сущность вопроса, поднятого в данной статье, состоит в определении отношения ногойского языка — главным образом, в лексическом и грамматическом аспектах — к русскому языку, рядом с которым он живет и по-своему развивается. При этом следует отметить, что наряду с заметным возрастанием роли внутренних лексических ресурсов и лингвистических средств в обогащении и развитии ногойского языка принимает активное участие русский язык.

Речь идет об обогащении словарного состава ногойского языка способом калькирования, о создании собственной терминологии в новых областях жизни, осваиваемых народом.

В настоящее время, как отмечает И. Ф. Протченко, «русский язык является богатым источником пополнения общественно-политической лексики в многочисленных языках советских народов, способствует ее упорядочению и сближению, оказывает регулирующее воздействие на процессы терминологического словообразования»⁴. Следовательно, рассмотрение путей образования новых слов в условиях ногайско-русского двуязычия важно также для изучения общего процесса словообразования, так как оно в некоторой степени помогает проследить результаты развития и современного состояния языковых контактов. Тем более это вызывает интерес еще и потому, что «...литературные языки народов СССР, — как указывает Ю. Д. Дешернев, — никогда не находились на таком высоком уровне развития, как в настоящее время»⁵.

Лексика ногайского литературного языка является продуктом длительного исторического развития. В ней имеются слова, различные по происхождению, по времени возникновения и по структуре. Определенное количество слов и морфемный состав многих слов с течением времени меняются и поэтому в лексике, наряду со словами с прозрачной словообразовательной и морфемной структурой, употребляются слова с неясной или утраченной словообразовательной связью и затемненной морфемной структурой, или необычные для строя языка сложнопроизводные слова. Все это является характерным проявлением непрерывного «...взаимодействия социальных факторов и внутренних, имманентных законов функционирования языка»⁶.

Предлагаемая статья представляет собой попытку на основе калькированной лексики выявить хотя бы в общих чертах историю образования сложного слова в современном ногайском языке и изложить лишь предварительные наблюдения по вопросу об образовании сложных имен существительных.

Прежде всего необходимо остановиться на калькировании как способе словообразования, т. к. правильное понимание этого лингвистического явления дает возможность понять и сам процесс образования сложного слова⁷. Калькирование в одном только словообразовательном аспекте, затронутом в настоящей статье, тесно связано со многими вопросами.

Во-первых, в ногайском языкознании нет работ по

систематическому описанию структурных типов сложных слов, появившихся в процессе языковых контактов. Вопрос этот сложен, требует пристального внимания к себе, если к тому же учитывать спорные проблемы сложных слов, рассматривающихся в лингвистике, то как сложные слова⁸, то как сочетания слов⁹. Поэтому калькирование как продуктивный способ образования новых слов и его роль в развитии лексики ногайского языка¹⁰ требуют всестороннего исследования и делают данный вопрос теоретически интересным, а выявление закономерностей образования структурных типов калек и установление их путей развития представляет большой практический интерес, т. к. сама необходимость теоретической разработки данного вопроса возникла из практических нужд работы печати, радио, в процессе составления школьных учебников, методических пособий, словарей и обобщения опыта переводов на ногайский язык.

Во-вторых, актуальность разработки данного вопроса объясняется еще и отсутствием специальных исследований, посвященных вопросам словообразования в ногайском языке в условиях ногайско-русского двуязычия, что ведет к смешению различных структурных типов сложных слов и аналогичных соответствий, образованных разными способами¹¹. Следовательно, для того, чтобы выделить калькирование как особый способ словообразования, в какой-то степени должны быть изучены закономерности и описаны типы новых слов-калек, что и является основной задачей данной статьи: Под калькой, в данном случае, имеется в виду отдельное слово с номинативным значением, состоящее из двух корневых морфем и входящее в состав одной части речи — имени существительного.

При исследовании словообразования на базе русской лексики мы придерживались, в основном, принципов словообразовательного анализа, согласно которым «объектом словообразовательного анализа является слово со стороны его структуры, характерной для него как единицы языка на данном этапе его развития»¹². Поэтому при анализе калек были учтены морфологическая структура слова, с одной стороны, и способы образования — с другой. Это позволило выделить те или иные схемы, которые участвуют в образовании калек и рассмотреть модели с точки зрения их участия в си-

стеме речи. Таким образом, предметом нашего исследования являются кальки — сложные слова, сложнопроводные слова и сочетания слов в функции лексем, взятые из художественной литературы, периодической печати и радиопередач, а также из речи информаторов — носителей данного языка. Большинство этих калек относится к классу имен существительных со сложной структурой. Здесь необходимо сказать, что «семантическая структура калек и механизм калькирования являются областями, слабо исследованными тюркологами»¹³. Поэтому калькирование, как языковое явление, не получило еще своего полного обобщения. В лингвистической литературе существует целый ряд определений калькирования и, соответственно, нет единого понимания его сущности, хотя вопросы калькирования стоят в последние годы в центре внимания многих исследователей¹⁴. Различные ученые по-разному определяют понятие «калькирование». Так, в специальных работах по словообразованию под калькированием понимается заимствование морфологической структуры слова¹⁵ и «создание калек относится к компетенции словообразования»¹⁶. Согласно другой точке зрения, калькирование — «искусственный перевод термина из другого, главным образом, из русского языка, в результате которого данный термин или сочетание терминов приобретает новое, отсутствовавшее прежде в языке значение»¹⁷.

Ахунзянов Э. М., исследовавший это явление в татарском литературном языке, приходит к выводу, что калькирование — «особый способ перенимания слов и словосочетаний из одного языка в другой, при котором в воспринимающем языке на базе исконного материала создаются соответствующие новые слова и словосочетания слов путем словообразования, использования давно бытующих слов в новых значениях, конструирования словосочетаний по образцам и моделям другого языка»¹⁸.

Более четкой и мотивированной точки зрения на природу калькирования, на наш взгляд, придерживается К. М. Молдабеков, который отмечает, что калькирование — «совокупность способов перенимания и создания лексических единиц в языке под структурно-семантическим влиянием контактирующего языка»¹⁹.

Мы же придерживаемся мнения Л. П. Ефремова, который считает, что «словообразовательное калькиро-

ванне есть перевод составных частей калькируемого объекта, в которых консервируется и по которым распознается его мотивированность деривационно-мотивирующих единиц»²⁰. Таким образом, рассматривая вопрос об истинной природе процесса калькирования, необходимо иметь в виду, что калькообразование теснейшим образом связано с такими лингвистическими явлениями, как семантика слова, словообразование, этимология, перевод, заимствование и, следовательно, не может рассматриваться изолированно от них. Поэтому в понятие «калькирование» включаем еще и общие, и специфические особенности заимствования, перевода слов на ногайский язык. Как правило, во всех определениях выражается мысль, хотя по-разному, что образование калек, то есть «калькообразование»²¹, несколько сложнее процесса «словообразования». Во-первых, если для словообразования определенной конкретной части речи достаточно использования одного из существующих способов словопроизводства, то для калькообразования необходимо еще словесное раскрытие содержания калькируемого объекта. Во-вторых, для калькообразования существенно: насколько прозрачна внутренняя форма слова, так как она «показывает, какую именно из сторон понятия, связывающую это понятие с действительностью, человек кладет в основу того или иного наименования»²². Словообразовательные средства (части сложения, аффиксы, послелог и послеложные слова) служат для раскрытия внутренней формы объекта калькирования. В-третьих, калка не только называет определенное понятие, но и отражает его содержание. Поэтому калки по их грамматической и семантической структуре подразделяются на простые, сложные, слова — приложения, словосочетания.

Нужно также отметить, что при калькировании иноязычного слова встречаются неточности воспроизведения структуры объекта калькирования, что является показателем самобытности словообразовательной структуры, порядка расположения компонентов слова, а также семантическое и орфографическое совпадения служат показателями точного и полного калькирования слова.

Таким образом, интересующая нас калка имеет, в основном, следующие лексико-грамматические особенности:

1. Калька-слово, образованное по иноязычной модели, несколько отличается от самостоятельных образований в системе словообразования погайского языка;

2. Кальке присуща новизна семантики и необычность структуры, то есть сочетаний компонентов слова;

3. Кальке присуща однозначность, то есть «сложные образования характеризуются наличием цельного лексического значения и по своим функциям приравниваются к простому слову»²⁴;

4. И, наконец, как известно, каждое вновь образованное в языке слово не является абсолютно новым. Оно возникает на основе реально существующих или существовавших в данном языке слов. И, как отмечает В. А. Никонов, «какими бы способами ни образовалось новое слово, его значение всегда обусловлено значениями наличных слов, выражая ту или иную связь с ними»²⁵. Поэтому можно предположить, что калька, как сложное слово, может соотноситься с различными сочетаниями слов, выступающими в данном случае в качестве производящих основ-моделей. В подобном соотношении достаточно ясно обнаруживается различие слов, ставших формально неразличимыми в пределах новых сложных слов. Определение значений калек осуществляется на основе общепринятого положения, согласно которому «то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления»²⁶.

Не ставя перед собой задачу дать исчерпывающую структурно-семантическую классификацию калек, отметим только, что можно было бы выделить немало их разновидностей. Но остановимся на тех типах калек, которые по своей семантике и морфологической структуре близки к сложным словам.

Выделенные модели калек различаются характером значения, особенностями строения и сочетаемости компонентов. Все модели подразделяются на две группы. Первая группа включает кальки структурно-семантические, вторая — кальки семантические. В пределах каждой из групп выделяются сложные слова-кальки, образованные разными способами. При выявлении специфических признаков, или внутренних свойств калек учитывалось построение моделей и их вариантов, соотношение со словосочетанием, наличие противопоставлений между различными конструкциями, так как именно противопоставление моделей свидетельствует об их са-

мостоятельности. Это позволило выделить специфические для кальки — сложного слова собственно структурные признаки: 1) двухкомпонентность, то есть минимальный структурный состав; 2) характер связи между компонентами: сочинение, подчинение, примыкание, а также изафетные связи; 3) для кальки характерно, что из двух компонентов лишь расположенное на конце слово имеет необходимое для всего сложного слова грамматическое оформление.

Таким образом, учет специфических для калек признаков позволил сделать вывод, что в зависимости от того, что порождает калькирование (т. е. новое слово, новое значение прежнего слова или словосочетание), различают семантическое, словообразовательное и фразеологическое калькирование²⁷. Последнее в данной статье не рассматривается. Сложные кальки по семантической и структурно-семантической соотнесенности с объектом калькирования подразделяются на смысловые, то есть кальки, передающие только значение объекта калькирования, и структурно-смысловые, то есть кальки, выражающие не только смысл, но и состав иноязычного заимствуемого слова. Рассмотрим грамматическую структуру калек по видам калькирования.

1. Калькирование внутренней формы или словообразовательное калькирование

Калькирование внутренней формы ведет к образованию соответствующего слова в языке, на который делается перевод. Как появляются кальки? В большинстве своем они создаются путем перевода слов, которые представляются автором новых слов наиболее существенными или показательными в новых явлениях и предметах, вовлекаемых в жизненный обиход. Такое калькированное слово приспособляется к нормам ногайского языка и осваивается как лексическая единица. Однако со словообразовательной точки зрения можно отметить, что калька создается по иноязычной модели и заимствуется языком из иноязычного семантического фонда. Именно так представляется, например, процесс образования эквивалентов для слов: рукопись, красноармеец, пятилетка, равноправие, двуязычие, миролюбие, появившиеся в языке после Великой Октябрь-

ской социалистической революции, в годы первых пятилеток и т. д. Чтобы образовать эквивалент в языке, необходимо было, во-первых, скопировать внутреннюю структуру, например, слова *рук-о-пись*; во-вторых, из ногайского языкового материала, используемого для перевода, скомпоновать ногайское слово *кол-язба*; в-третьих, имитировать отношение означающее: означаемое (производящее *рукопись*; производное *кол-язба*) модели; в-четвертых, перевести составные части калькируемого объекта: «рукопись» *кол+язба*. В результате получились слова: *колязба, кызылаькерши, бесыйыллык, тенъправолык, экитиллилик, тынышлыксыуьов*, воспроизводящие в точности как форму, так и содержание слов: *рукопись, красноармеец, пятилетка, равноправие, двуязычие, миролюбие*. Все операции, вместе взятые, составляют способ калькирования иноязычного слова. В процессе калькирования они составляют единое целое и не существуют друг без друга. Невозможно, например, скалькировать структуру модели, не переводя ее составных частей.

Здесь уместно подчеркнуть, что различия между грамматическими структурами и, соответственно, между словообразовательными возможностями русского и ногайского языков не всегда позволяют точно передавать внутреннюю форму моделей. Ведь калька, как копия, слепок заимствуемого слова, не должна противоречить грамматической структуре ногайского языка, его словообразовательным правилам. Иногда калька не соответствует этим требованиям. Например, несмотря на то, что ногайские «*ис куьни*», «*кыйын ак*» являются калькой по модели слова «трудодень» и «зарплата», данные образования отличаются от кальки «*ковьмиллетлик*», копирующее слово «многонациональность». В первом случае ясно прослеживается структурное различие между моделью и калькой, а во втором структура имитируется точно. По этим признакам кальки подразделяются на точные, неточные и приблизительные.

Как показывают наблюдения, калькирование внутренней формы сложного слова происходит путем сложения, сращения и сложения с последующей аффиксацией.

Ниже рассматриваются наиболее распространенные модели образования сложных калек — имен существительных.

1. Модель кальки: имя существительное+имя существительное. *Аьдем-куьн* «человеко-день», *кубыла-куьн-тувар* «юго-восток». Сложное имя существительное образовано в процессе калькирования сложением двух слов, значения которых не слились в одно и между компонентами можно усмотреть сочинительную связь.

2. Модель кальки: имя существительное в исходном падеже+ имя действия на *-ув, -увь, -в*. Наблюдения над фактами языка показывают, что в последнее время получают широкое распространение формы на *-ув, -увь, -в*, стоящие ближе к именам, точнее — к отглагольным именам, хотя функция и признаки глагола в них сохраняются. Ему присущи все морфологические и синтаксические особенности имени существительного. *Алыстан коьруьв* «дальнозоркость», *ювыктан коьруьв* «близорукость». Калька образована сложением двух слов, в котором вторая из составляющих основ «управляет» первой.

3. Модель кальки: местоимение в винительном падеже+имя действия. *Обзин коршалав* «самооборона», *обзин ийгилендируьв* «самосовершенствование». Калька образована как сочетание слов с подчинительным отношением составляющих компонентов способом управления.

4. Модель кальки: имя прилагательное+имя существительное. *Каратоырак* «чернозем», *коькшетаг* «белотал, ива трехтычинковая», *кызылтал* «краснотал, верба, ива остролистная». Сложная калька является равновидностью «определяющего сложного слова, в котором определяющий член отличает, ограничивает предмет, обозначающий определяемым членом, от остальных предметов этого же класса»²⁹.

5. Модель кальки: имя числительное+имя существительное, образованное с помощью аффикса *-лик, -лык*. *Юзйыллык* «столетие», *экиюзлилик* «двурушничество», *бирниетлик* «единодушие», *биртиллик* «единогласие», *кыркйыллык* «сорокалетие».

Приведем примеры употребления этих калек в речи. *Он биринши бесйыллыктынъ доьртинши йылынынъ сонъы ювыклайды* (Ленин йолы, 1984, 10 ноябрь). «Приближается конец четвертого года одиннадцатой пятилетки». *Уллы Енъувьдинъ кыркйыллыгын тийислише белгилев* (Ленин йолы, 1985, 12 март). «Достоинно отметить сорокалетие Великой Победы». *Савлай куьшин эм*

билимин ер юзинде тынышлыкты саклавга эм беркитуувге берген (Ленин йолы, 1985, 12 март), «Все силы и знания отдавал сохранению и упрочению мира на земле».

Калька данной модели образована словосложением с последующей аффиксацией.

6. Модель кальки: имя существительное в дательном падеже + имя действия на *-ав, -ув, -в*. *Дуныяга карав* «мировоззрение», *бир-бирине ярдамласув* «взаимопомощь». Сложнопроизводная калька, в которой второй компонент управляет первым составляющим.

7. Модель кальки: имя существительное в дательном падеже + имя прилагательное с аффиксом *-сиз, -лик*. *Иске яравсызлык* «нетрудоспособность», *иске яравлык* «трудоспособность».

8. Модель кальки: определительное местоимение в винительном падеже + имя существительное на *-лык*. *Обзин аңламлык* «самосознание», *обзин аямавлык* «самоотверженность».

9. Модель кальки: имя существительное + имя действия. *Союз ясалув* «словообразование», *союз биригуув* «словосочетание». Калька образована способом сложения, где компоненты объединяются путем примыкания. Значение кальки представляет простую сумму значений составляющих компонентов.

10. Модель кальки: имя существительное + имя существительное, (глагольная основа + аффикс *-гыш-кыш*). *Ясынсоргыш* «громоотвод», *отсоьндиргыш* «огнетушитель», *бузваткыш* «ледокол», *басавырткыш* «головоломка». Данная модель является особо развивающимся словообразовательным типом сложноподобных слов. Калька, состоящая из двух неравных непосредственно составляющих, то есть одной простой и одной составной морфемы, образована соединением компонентов в одну лексическую единицу с новым понятием. Калька данной модели не называет, а поясняет понятия, «поэтому передаваемое ими лексическое значение расходится с первоначальным значением членов сочетания»³¹. Например, точной копией внутренней формы с русского слова «громоотвод» является сложное слово *ясынсоргыш*; оно появилось путем замены первого компонента словом *ясын* «гром», второго компонента производной основой *соргыш*, где аффикс *-гыш* образует имя существительное со значением предметности, отвлеченности или лица, пристрастного к чему-нибудь³².

М. Махматкулов, исследовавший данное явление в языке древнетюркских памятников, приходит к выводу, что «возможность тесного взаимодействия словосложения и аффиксации обусловлена существованием как аналитических, так и синтетических тенденций в развитии строя древнетюркского языка»³³.

11. Модель кальки: имя существительное + причастие с аффиксом *-ар, -ер*³⁴. *Ковзгарар* «глазомер», *элгезер* «путешественник», *кониксувер* «гостепреимство». Кальки данной модели образованы на основе соединения имени существительного в форме неформленного винительного падежа в качестве управляемого прямого дополнения с причастием будущего времени на *-ар, -ер, -р*.

Определенный интерес представляет тот факт, что при калькировании производные кальки, как правило, не исчезают, а сосуществуют с калькой в языке, благодаря чему, с одной стороны, обогащается лексика, а с другой — создается определенная путаница в орфографии.

Наблюдения над фактами языка дают возможность сделать вывод, что в процессе калькирования происходит деэтимологизация³⁵ слов-компонентов кальки, что может служить одним из критериев разграничения кальки и словосочетания. Так, в результате калькирования внутренней формы слова «трудолюбие» появилась калька *куллыксувер*; сложная калька возникла в результате поморфемной передачи значения русского сложного слова ногайским эквивалентом в тех словоформах, в которых они находились в структуре словосочетания. Рассматриваемая модель кальки по структуре и функции компонентов по отношению друг к другу близка к предикативным единицам типа *куьн тувар* «солнце взойдет», «солнце восходящее» и к сложному слову *куьнтувар* «восток», представляющих собой «застывшие предложения»³⁶.

Таким образом, калькирование внутренней формы, способствуя обогащению лексики современного ногайского языка, позволит в дальнейшем усовершенствовать и унифицировать терминологию. Кальки по русским моделям, обогащая лексику языка новыми словами, способствуют появлению новых словообразовательных схем. Так, словообразовательная модель в виде *кызылаьскерши* «красноармеец» является необычной

для ногайского языка и отличается как структурно, так и семантически от аналогичного словосочетания *кызыл аьскерши* «красный воин». Для иллюстрации этого положения приведем ряд примеров калек вместе с контекстами, где они появляются. Поскольку факты языка не требуют дополнительных разъяснений, рядом с калками дается только калькируемая модель.

Кыркыйлык «сорокалетие», название определенно-го отрезка времени, сложное имя существительное с временным, пространственным и с отвлеченным значением; *кырк йыллык терек* «дерево, сорока лет, сорокалетнее дерево», определительное словосочетание. *Халк-баьтир* «народ-герой», сложносоставное имя существительное; *баьтир халк* «геройский народ», определительное словосочетание. *Йылязба* «летопись», сложное слово; *йыллар язувы* «годы + письмо + его», словосочетание. *Йыл санав* «летоисчисление», сложное слово: *йыл санас* «год + считать + с — аффикс взаимно-совместного залога³⁷.

В этой связи хотелось бы отметить, что для ногайского языка, как известно, характерно употребление знака дефис в сложносоставных словах. Поэтому употребление дефиса, характерного для русского языка, в соответствующих ногайских калках с русских слов представляется оправданным. Но в некоторых случаях за сложные слова принимаются свободные словосочетания и определительные приложения. Приложения, с точки зрения грамматики ногайского языка, не являются сложными словами, а представляют собой свободное сочетание слов (определительное сочетание и уточняющее сочетание)³⁸, но на практике в ногайском языке встречается механическое перенесение особенностей русского языка на ногайский язык. Так, перестановка компонентов при калькировании часто ведет к образованию определительных приложений: юноша-шофер «*шофер яс*», девушка-учительница «*оькытушы кыз*», народ-герой «*баьтир халк*», Амин-мастер «*уьстаз Амин*». Отсутствие дефиса и перестановка компонентов калькированных из русского и через русский язык сложных имен существительных должны быть квалифицированы как нарушение правил ногайской орфографии, с одной стороны, и нарушение основных требований к калькированию внутренней формы объекта калькирования — с другой.

II. Семантическое калькирование

Семантическое калькирование решает, в отличие от калькирования внутренней формы, проблему передачи смысла с одного языка на другой, в данном случае, с русского языка на ногайский. Имитация семантики иноязычного слова по модели иноязычной лексической единицы происходит по двум путям: во-первых, повторение семантики иноязычного слова; во-вторых, имитация иноязычного отношения означающего: означаемое.

Социалистическая действительность нуждается во всевозрастающем инвентаре лексических единиц. А эта потребность заполняется не только путем создания новых слов, но и путем образования новых выражений, составленных из слов, уже существующих в языке. Так появились в составе лексики ногайского языка слова и выражения: *замандас* «современник», *куьресдес* «сподвижник», *кыралдас* «соотечественник», *ян йолдас* «соратник», *тув ер* «целина», *обществолык кавым* «сословие», *артта калганлык* «отсталость», *вакытлыша ярасув* «перемирие», *Карлыгыз* «Снегурочка», *Аязбай* «Дед мороз», *аз санлы халк* «народность», *арыкландырувши* «просветитель».

Как показывают факты языка, семантическое калькирование оригинала соседствует с переводом описательным, когда слово переводится несколькими словами, описательно передающими смысл и значение заимствуемого слова. Таким образом, семантическое калькирование — это «не только переосмысление, но и любое применение слова по иноязычному образцу, являющееся переводом калькируемого объекта»⁴⁰ и, являясь источником развития синонимов и омонимов, оно пополняет семантику ногайского языка.

Двухкомпонентные семантические кальки, образованные способом словосложения, по своему фонетическому рисунку и синтаксическим функциям близки к сложным словам. Рассмотрим наиболее интересные, на наш взгляд, модели образования калек.

1. Модель кальки: имя существительное + имя существительное. *Яшав-турмыс* «быт» буквально *яшав* «жизнь», *турмыс* «бытие, состояние», где аффикс *-мыс* образует от глагольной основы *тур* «стоять, находиться» имя существительное со значением процесса, действия, состояния. *Керек-ярак* «снаряжение», буквально

керек «необходимое, нужное», *ярак* «пригодное», где от глагольной основы *яра* «подходить, годиться», с помощью аффикса *-к* образовано имя существительное со значением предметности⁴¹. Подобные кальки появились в процессе калькирования русских однокорневых слов. Данная схема калек дает объяснение обозначенной ими языковой реалии и содержит в себе смысловое заимствование иноязычного слова. Сложнопроизводное слово-калька состоит из двух слов — синонимов, из которых первый компонент — исконно ногайское слово, а второй — смысловая калька.

Данная модель является одной из продуктивных форм введения значения калькируемого слова в ногайский язык.

2. Модель кальки: имя существительное+имя существительное. *Кенъес йыйын* «совещание», *туьп маьне* «сущность», *бас кала* «столица», *ата юрт* «отечество».

3. Модель кальки: имя существительное+имя действия на *-ув, -увь, -в*. *Обмир суьруьв* «существование», *каьр шегуьв* «забота», *давыс беруьв* «голосование».

4. Модель кальки имя существительное+причастие на *-ар*. *Орынбасар* «заместитель», *ковъилкоьрер* (разг.) «добряк».

5. Модель кальки: деепричастие на *-ип, -ып, -п* + имя действия на *-ув, -увь, -в*. *Тийип сезуьв* «осознание», *язып алуьв* «перепись», *туьсинип билуьв* «познание».

6. Модель кальки: имя существительное+имя существительное. *Йыл шагы* «период» (буквально год+время его), *ер юзи* «планета» (буквально земля+лицо его), *ер асты* «недра» (буквально земля+глубина ее).

7. Модель кальки: имя существительное+имя существительное. *Тузсалгыш* «солонка», *куьлсалгыш* «пепельница».

8. Модель кальки: имя прилагательное+имя существительное. *Соблеги заманлык* «современность», *кенъ йол* «горизонт».

Наблюдения показывают, что в процессе речи многие говорящие, то есть информанты, моделируют кальки заимствуемых слов по аналогии с уже существующими. Значение кальки складывается из номинативного, прямого значения ее составных частей. Приведем примеры употребления этих калек в литературе.

Янъыларда мени начальнигимиздинъ орынбасары эттилер (С. Капаев. Кырлуьв). *Ковъшил болып, ковгерип,*

куьлтиреди ер юзи. Кара ерге караторгай карады (С. Қапаев. Юрек сырларым). *Бас калама энъ биринши мен эттим* (Г. Аджигельдиев. Тегин оьтпек). *Ер юзинде еннетим мунда эди* (Ф. Абдулжалилов. Калем колга туьскенде).

Таким образом, современный ногайский язык способом калькирования усваивает не только семантику и структуру слов контактирующего языка, но и сам способ образования подобных слов. Иногда компонентами новых слов являются русские и ногайские основы. Наиболее распространенной схемой является полукалька, образованная соединением части русского слова с целым словом: *автойол* «автоторога», *партыйыйин* «партсобрание», *соцбазласув* «соцсоревнование», *комбием* «комбикорм», *агроболжал* «агросрок», *телеберуьв* «телепередача», *радиоберуьв* «радиовещание». Полукальки, то есть слова, один компонент которых заимствован без изменений, а другой — калькирован, представляют определенный интерес еще и тем, что они, как показывает собранный материал, в большинстве своем пишутся слитно, что, в конечном счете, может способствовать аналогичному написанию калек-сложных слов, оставив раздельное написание для других смежных языковых явлений.

Таким образом, передача русских слов на ногайский язык не является однородной. В одних случаях, русизмы калькируются дословно, а в других — создаются свои сложные слова по образцу уже имеющихся в языке, или семантически заимствуются⁴², так как структурные ограничения русских и ногайских слов не позволяют полного воспроизведения русской производной основы. Среди калек, сложнопроизводных слов, аналитических выражений, приобретших большую частотность употребления в условиях двуязычия, выделяются следующие основные типы:

1. Ногайское сложное слово образовано точным калькированием русского сложного слова: *коьпыйллык* «многолетник», *аьдемсуьерлик* «человеколюбие», *кубыла-куьнбатар* «юго-запад», *бесыйллык* «пятилетка», *совьзасалуьв* «словообразование», *суьвобьлгиши* «водораздел», *оьзбаасы* «себестоимость», *оьзанъламлык* «самоосознание», *искеяравлык* «трудоспособность», где состав новообразования полностью определяется моделью-прототипом: обозначения предметов, явлений в русском

и ногайском языках совпадают семантически и структурно.

Этот тип калек преобладает в современном ногайском калькообразовании. Ногайский язык усвоил из русского языка термины, относящиеся ко многим отраслям науки, техники и культуры, причем часто происходит массовое калькирование наиболее важных терминов, определяющих существенные черты данной терминологической системы.

Тип I продуктивен преимущественно в общественно-политической, естественно-научной терминологии, а также в сфере газетно-публицистической речи.

2. Двухкомпонентное сложное слово ногайского языка соответствует одной словоформе в русском языке: *иш маьнеси* «содержание», *коькбояк* «синька», *яланъащлык* «пищета», *язып алув* «перепишь», *юзьыллык* «век», *яшав ери* «жительство», *окув-билим* «образование», *азык-туьлик* «продовольствие», *уьстев соьз* «приложение», *негиз салушы* «основатель», *ойлап шыгарув* «изобретение».

Возможность калькирования односоставного слова русского языка ногайским сложным словом или аналитическим выражением свидетельствует о том, что в языке процесс сращения, то есть лексикализация синтаксических сочетаний, происходит издревле и в ногайском языке существует определенная модель сложного слова данного типа.

Тип 2 продуктивен в общественно-политической терминологии, бытовой, абстрактной лексике, в книжной речи и является предпосылкой для дальнейшего развития и проникновения из русского языка в ногайский язык новых слов и выражений.

3. В отдельных случаях, двухкомпонентное сложное слово русского языка соответствует двум или трем ногайским словоформам-синонимам: *авызбирлик*, *биртиллик* «единогласие»; *искеяравлык*, *ислеп болувлык* «трудоспособность»; *ирамтамак*, *ятыпашар* «тунядец»; *ясыяк*, *яс осьпир* «молодежь»; *баьрихаллык*, *савлайхаллык* «общенародность»; *куьрес дос*, *ян йолдас* «сподвижник», что свидетельствует о развитии синонимии в языке за счет калькирования, а также указывает на наличие понятий, существовавших в языке с самого начала письменной традиции.

Тип 3 продуктивен в сфере общественно-политиче-

ской терминологии, газетно-публицистической речи, в языке художественной литературы.

4. В ряде случаев двухкомпонентное сложное слово русского языка по значению соответствует погайскому словосочетанию, смысл которого раскрывается описательно с определенной синтаксической связью между компонентами: *дуныяга карав* «мировоззрение», *савлык саклав* «здравоохранение», *ювыктан кобрув* «близорукость», *азерлик* «малоземелье», *йорык бузув* «злоупотребление», *яшав кубги* «жизнедеятельность»⁶.

Эти кальки, появившиеся под непосредственным влиянием русского языка, являются новой для погайского языка структурной разновидностью сложных слов. Многие модели, конструкции указанного типа относятся к сложным словам, к терминам, являются неологизмами. Однако следует отметить, что данный тип калек нельзя считать полностью оформившимся, так как он находится лишь в процессе становления. Важно то, что они способствуют образованию сложных слов и устойчивых словосочетаний, которые являются как бы вторичными образованиями внутри⁴³ погайского языка, и что таких конструкций словообразования в языке раньше не существовало.

Тип 4 продуктивен преимущественно в общественно-политической терминологии.

Итак, анализ типов и моделей калек, появившихся в погайском языке в последние годы, позволяет сделать некоторые выводы:

Значительное место в лексическом составе погайского языка занимают сложные слова-неологизмы, образованные благодаря калькированию.

В образовании сложных слов принимают участие те же способы словообразования и словообразовательные элементы, что и при образовании простых слов, имеющих однокоренную морфему. Но и в то же время некоторые слова калькируются словосочетаниями, которые были несвойственны до недавнего времени погайскому словообразованию, что позволяет сделать вывод о том, что данный тип образования сложного слова является новым и еще не совсем утвердившимся.

Традиция сложения слов достаточно сильна и устойчива в языке, что подтверждается появлением новых сложных слов в семантическом калькировании. Это

указывает и на тот факт, что определительные сочетания пополняют разряд сложных слов.

В заключение следует подчеркнуть, что в современном ногайском языке существует довольно разветвленная система моделей калькообразования; и огромное количество калек, вошедших в состав лексики языка в последние годы, не нарушает его национальной самобытности, т. к. они, за исключением редких случаев, оформляются согласно существующим нормам и правилам грамматики ногайского языка. Но однако следует отметить наличие у отдельных калек некоторых морфологических, лексических или орфографических недостатков, которые остаются еще недостаточно изученными. Анализ всех особенностей калькирования, несомненно, даст богатый материал для дальнейшего углубленного исследования современного ногайского словообразования.

---

¹ Относительно двуязычия см.: Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968. с. 224; Белодед И. К. Язык и идеологическая борьба. Киев, 1974. с. 13; Баскаков Н. А. Двуязычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков (на материале тюркских языков).—В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972, с. 77; Шермухамедов С. Русский язык — великое и могучее средство общения советского народа. — М.: Просвещение, 1980, с. 93.

² Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия. — В кн.: Тезисы научной конференции, посвященной проблеме двуязычия и многоязычия. — М.: Наука, 1969, с. 5—8.

³ Ким М. П. Советский народ — новая историческая общность. М., 1972, с. 234.

⁴ Протченко И. Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития. — М.: Педагогика, 1984, с. 57.

⁵ Дешериев Ю. Д. Национальные языки в условиях социалистического общества. — В кн.: Социализм и нации. — М.: Мысль, 1975, с. 185.

⁶ Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Проблемы языкового развития в СССР. — ВЯ, М., 1972, № 6, с. 17.

⁷ Калькирование вообще не рассматривалось в ногайской грамматике ни в разделе аффиксального словообразования, ни в разделе синтаксического образования имен существительных.

⁸ Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1972, с. 270.

⁹ Тикеев Д. С. Структурные типы словосочетаний в современном башкирском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. — Уфа, 1975, с. 33; Шихмурзаев Д. М. Словосочетания в ногайском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. — Махачкала, 1978, с. 108, 149.

¹⁰ Калмыкова С. А. О развитии ногайского литературного языка в советскую эпоху. — В кн.: Труды КЧНИИ. Выпуск V (серия филологическая). Черкесск, 1968, с. 226—228.

¹¹ Вопросы образования сложных слов рассматривались в основном на материале словообразовательной системы. См.: Баскаков Н. А. Очерк грамматики ногайского языка (Фонетика, морфология, синтаксис). — В кн.: Ногайско-русский словарь. М., 1963, с. 513; Калмыкова С. А., Саруева М. Ф. Грамматика ногайского языка. Часть I. Фонетика и морфология. Черкесск, 1973, с. 82—87.

¹² Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1957, с. 5.

¹³ Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. — М.: Наука, 1984, с. 170.

¹⁴ Ярцева В. Н. Структурно-семантические кальки в условиях двуязычия. — В кн.: Тезисы научной конференции, посвященной проблеме двуязычия и многоязычия. — М.: Наука, 1969; Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. — М.: Просвещение, 1972; Палий А. К. Калькирование как вид языкового влияния (на основе взаимоотношения молдавского и русского языков). Автореф. дис... канд. филол. наук. — Кишинев, 1980.

¹⁵ Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965, с. 125; Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка, с. 106.

¹⁶ Ганиев Ф. А. Пути развития лексической системы современного татарского языка. — В кн.: Труды по татарскому языку и литературе. Книга пятая. Казань, 1976, с. 80.

¹⁷ Баскаков Н. А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. — В кн.: Вопросы терминологии. — М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 60.

¹⁸ Ахунзянов Э. М. Русские кальки в татарском литературном языке. — В кн.: Вопросы татарского языкознания. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965, с. 38—39.

¹⁹ Молдабеков К. М. Основы калькообразования в современном казахском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1979, с. 154.

²⁰ Ефремов Л. П. Основы теории лексического калькирования (Учебное пособие). Алма-Ата, 1974, с. 46.

²¹ Молдабеков К. М. Указ. соч., с. 27.

²² Будагов Р. А. Очерки по языкознанию. М., 1953, с. 98.

²³ Молдабеков К. М. Указ. соч., с. 48—49.

²⁴ Кононов А. Н. Грамматический строй современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 131.

²⁵ Никонов В. А. Поиски системы: Этимология. М., 1963, с. 226.

²⁶ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972, с. 17.

²⁷ Ефремов Л. П. Указ. соч., с. 48.

²⁸ Относительно форм на -ув, -уъв, -в существуют разноречивые мнения: специалисты считают их именами существительными и именами действия. См.: Баскаков Н. А. Очерк грамматики ногайского языка, с. 530—531; Калмыкова С. А., Саруева М. Ф. Грамматика ногайского языка, с. 120, 259.

- ²⁹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов, М., 1966, с. 431.
- ³⁰ Калмыкова С. А., Саруева М. Ф. Указ. соч., с. 115.
- ³¹ Севортьян Э. В. Словообразование в тюркских языках. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. 2. Морфология. М., 1956, с. 324.
- ³² Калмыкова С. А., Саруева М. Ф. Указ. соч., с. 117.
- ³³ Махматкулов М. Аналитический способ словообразования в языке древнетюркских памятников. Автореф. дис... канд. филол. наук. — Ташкент, 1973, с. 113.
- ³⁴ Калмыкова С. А., Саруева М. Ф. Указ. соч., с. 263.
- ³⁵ Кодухов В. И. Введение в языкознание. — М.: Просвещение, 1979, с. 194.
- ³⁶ Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, с. 111.
- ³⁷ Калмыкова С. А., Саруева М. Ф. Указ. соч., с. 212.
- ³⁸ Ногай тилинин грамматикасы. Синтаксис. 2 кесек, 7—8 класс. Черкесск, 1977, с. 42—43.
- ³⁹ Такого понимания данного явления придерживаются многие исследователи. См.: Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965, с. 124; Ефремов Л. П. Терминологические замечания о словообразовательном калькировании. — В кн.: Филологический сборник. Выпуск 10. Алма-Ата, 1971, с. 107—112.
- ⁴⁰ Ефремов Л. П. Указ. соч., с. 142.
- ⁴¹ Калмыкова С. А., Саруева М. Ф. Указ. соч., с. 118.
- ⁴² Татаринцев Б. И. Русские лексические заимствования в тувинском литературном языке. — В кн.: Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971, с. 73.
- ⁴³ Егорова К. А. Полукальки и проблема типологии заимствований. — ФН. М., 1983, № 5, с. 65.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СУБСТАНТИВНЫХ КОМПОЗИТ КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена описанию словообразовательных свойств двухкомпонентных существительных карачаево-балкарского языка в сопоставлении с соответствующими словами их коррелятов в русском и в английском языках. В этом сопоставительном описании трех языков русский язык занимает особое место. Являясь языком межнационального общения в СССР, русский язык функционирует как активный источник языковых инноваций, отражающих достижения советской эпохи. Эти инновации широко проникают в языки народов СССР. Благодаря этому социально-политическая, научно-техническая, культурная лексика становится интернациональной. Так, в карачаево-балкарском языке из общего количества исследуемого материала (1976 ед.) заимствованные сложные слова из русского составляют 350 ед. Например, *детсад*, *Моссовет*, *обком*, *Совнарком*, *завком*. В карачаево-балкарском языке встречаются сложные слова, в которых осуществлен органический синтез русского и карачаево-балкарского компонентов: *авиабёлёк*, *азрочан*, *бешгрань*, *закон-джерукъ*, *лампа баш*, *закон-шерият*, *джетигрань* и т. д.

Проведение типологического описания разносистемных языков также осуществляется на основе сопоставления с русским языком, который выступает как язык-посредник, как основание для сравнения. Метаязыковая функция русского языка особенно наглядна при обучении иностранному языку в национальной школе, где русский язык оказывается средством семантизации и языковой догадки. Руководствуясь всеми этими соображениями, мы ниже попытаемся дать сопоставительное описание субстантивных композит карачаево-балкар-

ского и их эквивалентов в русском и в английском языках.

Двухкомпонентные существительные карачаево-балкарского языка получили уже научное освещение в диссертационном исследовании Жабеловой Л. Ж.¹, а также в работах Хабишева М. А.², Суюнчева Х. И.³, Бозиева А. Ю.⁴, Соттаева А. Х.⁵ и других. Композитные существительные в других тюркских языках изучены Адиловым М. И.⁶, Бердыевым Р.⁷, Мадалиевым Б.⁸, Муратовым С. Н.⁹, Орузбаевой Б. О.¹⁰. В общетюркологическом плане композитные существительные анализировались в работах Абдурахманова Н.¹¹, Баскакова Н. А.¹², Севортяна Э. В.¹³, Юлдашева А. А.¹⁴.

В работах, описывающих двухкомпонентные композитные существительные в карачаево-балкарском языке, основное внимание уделяется их структурно-морфологическому анализу и в меньшей мере их словообразовательной характеристике. Со структурно-морфологической точки зрения композитные существительные карачаево-балкарского языка принято подразделять на две группы: а) составные; б) сложные. Такая классификация основана на синтаксическом способе образования композитных существительных¹⁵.

Между компонентами составных существительных имеет место отношение синтаксической терминации, а компоненты сложных существительных связаны отношением копулятивности, поэтому отмеченные типы композитных существительных карачаево-балкарского языка называются еще детерминативными и соответственно копулятивными¹⁶.

Важной проблемой в композитном словообразовании любого языка является установление статуса сложного слова в плане отграничения его от смежных сложных образований, будь то свободное и связанное словосочетание. Отграничительные критерии сложного слова окончательно не определены ни для одного языка мира, хотя до некоторой степени разработаны для ряда индоевропейских¹⁷ и тюркских языков¹⁸. Ведущим критерияльным фактором сложного слова является его цельнооформленность¹⁹. При этом цельнооформленность имеет как внутренние, так и внешние признаки. К внутренним признакам принято относить фонетические, орфографические и для ряда сложных слов морфологические показатели. К внешним признакам сложного сло-

ва относят: а) характер сочетаемости компонентов сложного слова в отличие от сочетаемости слов в словосочетаниях, б) порядок следования компонентов сложного слова в отличие от порядка слов в словосочетаниях, в) наличие или отсутствие служебных элементов, г) характер семантико-синтаксических связей. Очевидно, что фонетический критерий не осознается носителем языка и отражает фактор семантической цельнооформленности сложного слова. Что же касается орфографического критерия, то он полностью определяется языковой интуицией и лингвистической эрудицией лексикографа. Если фонетические критерии сложного слова сравнительно просто выявить и зафиксировать в словарях, то комплексный критерий семантической цельнооформленности сложного слова еще только начинает осмысливаться.

Сложные слова — имена существительные — караево-балкарского языка подразделяются по критериям фонетической цельнооформленности на три группы: а) композиты с ударением на втором компоненте; б) композиты с ударением на первом и втором компонентах; в) композиты с ударением на первом компоненте. К первой группе относятся так называемые идиоматические сложные слова (*кѳошхасалмаз* «боярышник», *итбурун* «шиповник», *айрыкѳуйрукѳ* «уховертка»). Во вторую группу входят как парные, так и парноповторные сложные образования (*ата-ана* «родители», *джаиш-кѳуиш* «молодежь», *джер-кек* «вселенная», *джион-мион* «шерсть, всякая шерсть», *ууак-тюек* «мелочь, всякая мелочь», *хабур-чубур* «барахло»).

К третьей группе относятся многочисленные композиты-детерминативы, не имеющие идиоматического характера (*белибау* «пояс», *нарат терек* «сосна», *баиш ауруу* «головная боль», *бичен кѳурукѳ* «жердь для скрепления сена», *терезе джабыу* «занавеска»). Все эти группы композит по фонетическому критерию формально характеризуются различной композитообразующей силой. Первая группа сложных слов имеет максимальный композитообразующий характер, так как несет объединяющее централизованное ударение на втором компоненте, что типично для тюркских языков. Заметим, что для германских языков объединяющее ударение всегда ставится на первом компоненте сложного слова (*red-breast* — «красногрудка», *billcock* — «котелок, шля-

па», *beackbird* — «дрозд», *blacksmith* — «кузнец»). Минимальная композитообразующая сила, по данному критерию, присуща сложным существительным третьей группы, у которой ударение стоит на первом компоненте. Сложное образование второй группы занимает промежуточное положение.

Этот фонетический критерий нашел свое выражение и в написании композитных существительных карачаево-балкарского языка. Так компоненты первой группы композитных существительных пишутся слитно, второй группы — через дефис, а третьей, как правило, — раздельно. Если считать, что слитность написания компонентов сложного слова — показатель высокой его целью оформленности, а раздельность — его слабой целью оформленности, то тогда композиты первой группы занимают первое место по композитообразующей силе, а третьей группы — последнее место.

Если сопоставить фонетические и графические критерии целью оформленности сложных существительных карачаево-балкарского языка, то обнаружится между ними существование в основном однозначной корреляции: ударение на втором компоненте сложного слова формально предопределяет его слитное написание, двойное ударение — его дефисное написание, и, наконец, ударение на первом компоненте является основанием раздельного оформления компонентов сложного слова. Впрочем, указанная корреляция не всегда строго соблюдается, это касается прежде всего идиоматических (первая группа) и неидиоматических (вторая группа) сложных слов. Так, идиоматические композиты — существительные, соотносимые с фразеологическими единицами, пишутся некоторыми исследователями раздельно *акъ сюкъ* «благородный», *ачыкъ аууз* «разиния»²⁰. И это несмотря на то, что объединяющее ударение в этих композитах существительных сосредоточено на втором компоненте. С другой стороны, ряд неидиоматических сложных существительных выражается графически целью оформленности, если ударение в них ставится на втором компоненте. В этом случае такие композиты служат средством наименования местности (*Бештау* — «Пятигорье», *Сарытоз* — «желтая долина», *Таикёлор* — «каменный мост») ²¹.

Как было отмечено выше, фонетическая целью оформленность сложного существительного определя-

ется его семантической цельюоформленностью. Под последней мы понимаем способность сложного субстантивного образования выполнять функцию определенной дескрипции с обобщающей референцией. Эта функция может быть приобретена и затем реализована сложным субстантивным образованием в условиях контекстной свободы и контекстной связности или обусловленности. Контекстно обусловленное сложное образование принято называть экзоцентрическим, а контекстно-свободное — эндоцентрическим.

Семантическая цельюоформленность в экзоцентрических сложных образованиях значительно сильнее семантической цельюоформленности эндоцентрических сложных образований. Экзоцентрические субстантивы представлены в карачаево-балкарском языке композитами первой группы (*къошхасалмаз* «боярышник», *элекбаиш* «рассеянный»). В экзоцентрических композитных субстантивах оба компонента выполняют функцию детерминатора по отношению к невыраженному, но подразумеваемому опорному компоненту, непосредственно называемому обозначаемый объект. Компоненты-детерминаторы экзоцентрического слова выполняют функцию внутренней номинации, т. е. являются средством метонимического обозначения объекта: часть — целое.

Эта особенность экзоцентрических сложных субстантивных образований предопределяет их высокую семантическую цельюоформленность, что внешне выражается в наличии объединяющего ударения на втором компоненте. Заметим, что и в германских языках, в частности, в английском языке экзоцентрические субстантивы всегда имеют объединяющее ударение, хотя и на первом компоненте, и всегда компоненты пишутся слитно. Отмеченная особенность — типологическая параллель — свидетельствует об универсальном характере экзоцентрических образований в разносистемных языках.

Меньшая семантическая цельюоформленность присуща субстантивным композитам, функционирующим контекстно-свободно, т. е. эндоцентрическим сложным образованиям. В карачаево-балкарском языке к эндоцентрическим субстантивам относятся композиты третьей группы (*белібау* «пояс», *нарат терек* «сосна», *бицен къурукъ* «жердь для скрепления сена»). В этих

композитах первый компонент выполняет, как правило, функцию детерминатора, а второй — функцию опорного слова, непосредственно соотносимого с обозначаемым объектом. Отсюда и модификатор выполняет функцию внешней номинации. Относительная поминативная самостоятельность эндоцентрических композитных субстантивов определяет их меньшую семантическую цельнооформленность. Это, во-первых, сказывается на их фонетическом оформлении (ударение ставится на первом компоненте), и, во-вторых, такие композиты, как правило, оформляются в графическом отношении раздельно.

Эндоцентрические субстантивы и представляют наиболее серьезную проблему с точки зрения их отграничительных критериальных признаков, так как они очень разнообразны по своим морфологическим структурам, по типам словообразовательных моделей и характеризуются различной степенью обобщенной номинации объектов. Серьезной проблемой является и установление их словообразовательного значения.

Статус эндоцентрических субстантивов однозначно не определен ни в тюркских, ни в германских языках. Это касается, прежде всего, установления критериев написания, а также семантических критериев интерпретации их ударения. Так, в тюркских языках эндоцентрический субстантив «белйбау» в одних языках пишется раздельно: в карачаевском, киргизском, а в других слитно: в казахском, узбекском, татарском, кумыкском, башкирском, ногайском. Аналогичные примеры можно привести и в английском языке (seed pearl, seed—pearl «мелкий жемчуг», palm leaf, palm—leaf «пальмовый лист», greenhouse, green-house «парник»).

Копулятивные субстантивные сложные образования типа «ата-ана» не относятся ни к экзоцентрическим, ни к эндоцентрическим сложным словам, в них первый компонент не является модификатором второго компонента. Он, как и второй компонент, функционирует в роли опорного слова, копулятивные композиты представлены и в английском языке: «cup-and-baII», «sheep and goats» и т. д. Содержанием семантической цельнооформленности копулятивных композит является их обобщенно-собирательное значение, образованное способом индуктивной генерализации. Так, «ана-ата» — «отец и мать» объединены обобщенным признаком ро-

дители». Эта обобщенность и образует их словообразовательное значение, которое лежит на поверхности, тогда как установление словообразовательного значения в экзоцентрических и эндоцентрических сложных субстантивах связано в ряде случаев с большими трудностями.

Одной из важных проблем композитных слов является вопрос об их основообразовательных истоках²². Общепринятым является мнение, что существует два словообразовательных истока: а) словосочетания или синтагмы, лежащие непосредственно в отсылочной основе сложного слова и б) семантико-синтаксические модели сложных слов, которые не имеют своих словосочетательных прообразов. Такие композиты образуются по аналогии с другими сложными словами.

По моделям словосочетания образуются, как правило, прежде всего экзоцентрические субстантивные композиты с морфологической структурой П+С *к̄варак̄эз* «черноглазый», *к̄варак̄ъаи* «чернобровый», *ак̄къ̄б̄ол* «неженка», *ак̄къ̄баи* «болезнь копыт овец, некробациллез»). С морфологической структурой С+С *айрык̄зуйрук̄* «уховертка», *бузджурек* «апатичный человек», *к̄возу-к̄зулак̄* «щавель»), с морфологической структурой С+Г (*башкесер* «головорез», *атхаминер* «проворный», *атхаминмез* «флегматичный» и другие). Все эти экзоцентрические композиты имеют свои словосочетательные прообразы, которые могут лексически полностью совпадать с компонентами экзоцентрического композита, либо совпадать с некоторыми морфологическими модификациями. При этом компоненты словосочетательных прообразов пишутся раздельно и имеют ударение на первом компоненте, например:

1. а) *Уллубаи* «большеголовый» — *уллү баш* — «большая голова».

б) *Сарычац* «светловолосый» — *сары чач* «светлые волосы».

в) *Сазбет* «бледнолицый» — *саз бет* «бледное лицо».

II. а) *Айрык̄зуйрук̄* «уховертка» — *айры к̄зуйрук̄* «раздвоенный хвост».

б) *Бузджурек* «апатичный» — *бүз джурек* «букв. лед+сердце — ледяное сердце».

в) *К̄возу кулак̄* «щавель» — *к̄возу к̄зулак̄* «ухо ягненка».

II. а) *Башкесер* «головорез» — *баш кесерге* «резать голову».

б) *Атхаминёр* «проворный» — *атхā минерге* «садить-ся на лошадь».

в) *Атхаминёз* «флегматичный» — *атхā минмезге* «не садиться на лошадь».

Экзоцентрические композиты отличаются от своей исходной словосочетательной основы не только по ударению и написанию, но прежде всего по значению.

Лежащее в основе экзоцентрической композиты адъективное, именное или глагольное словосочетание имеет определенное значение, характеризующее любой предмет или действие в общем плане. Напротив, экзоцентрическая композита обладает определенным типовым значением, характеризуя конкретный объект, либо действие как представителя определенного класса. Функция определенной типовой идентификации осуществляется за счет значительного расширения и обогащения содержания исходной синтагмы и соответственно сужения типового класса объектов...

Экзоцентрические субстантивные композиты не равноценны по своим значениям, одни из них выполняют функцию прямой номинации объекта по принципу часть — целое (*акътёш чыпчыкъ* «название птицы»). Другие экзоцентрические композиты выполняют функцию не только прямой, но и косвенной номинации объекта. Так, например, композитные субстантивы (а) *Къазанбаш* и (б) *акъбаш* имеют по два значения: а) *къазанбаш* как «большеголовый», *къазан баш* как «крышка казана», б) *акъ баш* как «седоголовый» и *акъбаш* «как «болезнь копыт овец, или некробациллез». Второе значение этих слов основано не только на действиях механизма метонимии, порождающего прямое значение, но и на действии механизма метафоризации, порождающего переносное значение. Например, *элекбаш* «рассеянный» (*элек* «сито» + *баш* «голова»).

Выше было отмечено, что экзоцентрические субстантивные композиты с различными морфологическими структурами, как правило, имеют свои словосочетательные прообразы, однако композитный субстантив *элекбаш*, а также *акъбаш* в значении «болезнь копыт овец» и *къазанбаш* в значении «большеголовый» не имеют соответствующих словосочетательных прообразов. Отсюда следует, что словосочетательные прообразы имеют только такие экзоцентрические композитные субстантивы, которые выполняют функцию прямой номинации

на основе метонимического механизма часть—целое. Если же значение экзоцентрического композитного субстантива образовано на основе действия механизма метафоризации, то такие композиты не имеют словосочетательных прообразов. При этом следует подчеркнуть, что метафорические значения экзоцентрических субстантивов обладают большей словообразовательной силой по сравнению с композитами, образованными на основе механизма метонимизации. Именно в первых, как правило, имеют место прежде всего морфологические механизмы опрощения и переразложения. Так, например, в слове *эчкиагъач* «вяз» (*эчки* «коза» + *агъач* «дерево») имеет место элизия гласного, а в композите *тауугъаякъ* «куриные лапки» (*тауукъ* «курица» + *аякъ* «пога, лапка») представлено сандхи.

В английском языке экзоцентрические композитные субстантивы имеют такие же характеристики в отношении к своим словосочетаниям (словосочетательным прообразам). Если субстантив образован только путем механизма метонимизации, то он имеет отчетливо выраженный словосочетательный прототип, например, (*redbreast* «малиновка», а *red breast* «красная грудь»). Если же экзоцентрическая композита имеет и метафорическое значение, то у нее отсутствует словообразовательный прообраз, так как ее значение не складывается из суммы значений составляющих ее компонентов. Например, (*bottleneck* «затруднительное положение», *bottle* — «бутылка», *neck* «горлышко»). Экзоцентрические композитивные субстантивы также подвергаются процессам опрощения и переразложения. Так, например, ныне простое слово *daisy* — «маргаритка» восходит к своему словообразовательному прообразу в форме притяжательной конструкции «*the day's eye*» (глаз дня).

В системе детерминативных композитных субстантивов наибольшее по величине место занимают эндоцентрические сложные слова. Они составляют свыше 80 процентов от общего числа детерминативных образований. Это подтверждают как данные карачаево-балкарского²², так и английского языка^{23, 24}.

В отличие от экзоцентрических композит эндоцентрические сложные слова имеют структуру, в которой первый компонент функционирует как модификатор, а второй служит словом, выполняющим функцию прямой номинации объекта, например, *белйбау* «пояс», *уллу*

бычакъ «меч». Подавляющее большинство эндоцентрических субстантивов имеют структуру С+С, остальным присущи морфологические структуры П+С; С+Г и другие. Компоненты этих композит субстантивов осложнены различными аффиксами: *-чю*: *башджюлюучю* — «парикмахер»; *-лы*: *сары чачлы* — «светловолосый», «обладающий светлыми волосами»; *-лю*: *кёк кёзлю* — «голубоглазый», «обладающий голубыми глазами»; *-хуч*: *аякъ тутхуч* — «ногодержатель» и другие. Как правило, эндоцентрические композитные субстантивы не имеют словосочетательных прообразов и, следовательно, не образуются по синтагматическим моделям. Они образуются по семантико-синтаксическим моделям сложных слов того или иного тематического класса. Это прежде всего относится к композитным субстантивам со структурой С+С²⁵.

Следует отметить, что ряд композитных субстантивов с морфологической структурой П+С и С+Г, осложненный аффиксами, может иметь соответствующие словосочетательные прообразы. Например, композитным субстантивам *джумшакъ тюклю* «мягкошерстное животное», *аууз кергич* «роторасширитель» соответствуют следующие словосочетательные прототипы: *джумшакъ тюк* «мягкая шерсть» и соответственно *аууз кер* «расширять рот». Результирующее значение приведенных эндоцентрических субстантивных композит формируется не только с опорой на семантику их словосочетательных прообразов, но и назначением соответствующих суффиксов. Замечено, что словосочетательные прототипы имеют практически все эндоцентрические субстантивы с морфологической структурой С+Г+суффикс, а также незначительный класс субстантивов с морфологической структурой П+С+суффикс. Большинство же субстантивных безаффиксальных композит с компонентной структурой П+С не имеют своих словосочетательных прообразов. Но именно этих прообразов не имеют и практически все бессуффиксальные композиты со структурой С+С. Действительно, значение субстантивного композита *уллу бычакъ* «меч», обладающего морфологической структурой П+С, не может быть выведено из значения составляющих компонентов словосочетания *уллу* «большой» и *бычакъ* «нож», так как меч — это не всякий большой нож, а лишь его особая разновидность. Поэтому переход от значения сло-

восочетания к значению композитного субстантива маркирует сужение объема исходного словосочетания за счет обогащения его содержания. Аналогичным образом можно интерпретировать и соотношение между композитой *а́къ таи* «кварц» и значением образующих его компонентов в составе свободного словосочетания, *а́къ* «белый», *таи* «камень», так как совершенно очевидно, что кварц не всякий белый камень. В словарной дефиниции этой композиты отмечаются все основные признаки данного минерала, включая и релевантный в словообразовательном отношении признак *а́къ* «белый». Его определение: «Прозрачно-белый камень, кристаллический, наиболее часто встречающийся в песочно-каменных и гранитных породах». Вместе с тем среди эндоцентрических субстантивов П+С встречаются и такие, которые практически неотличимы от словосочетаний, совпадают с ними. Например, такие субстантивы, как *кѳара рѳаншикилди* «черника» (*кѳара* «черный», *ишикилди* «определенный сорт ягоды»), *кѳызы́лишикилди* «брусника» (*кѳызы́л* «красный», *ишикилди* «определенный сорт ягоды») *а́къ будай* «пшеница» (*а́къ* «белый», *будай* «пшеница»).

Эти композиты, имеющие природу связанных словосочетаний терминологического характера, отличаются от эндоцентрических композит с той же самой морфологической структурой, в основе которых лежат или могут лежать свободные словосочетания. Таким образом, терминологические композитные субстантивы не имеют соответствующих прообразов, так как они совпадают со связанными словосочетаниями.

Эндоцентрические композиты с морфологической структурой С+С, строго говоря, не имеют словосочетательных прообразов, компоненты которых исчерпывающим образом совпадают бы с компонентами композит, однако сложные слова с данной морфологической структурой в своей отсылочной основе содержат развернутые дефиниции, в которых исходные компоненты композит связаны глагольным отношением. Например, композита *белі́бау* «пояс» (*бел* «талня, поясница», *бау* «завязка; шнур») может иметь следующую дефиницию: «Кожаная лента или кусочек другого материала, используемый для поясницы в качестве пояса». Композиту *ачх́а ору́н* «кошелек, бумажник» (*ачх́а* «деньги», *ору́н* «место») можно продефинировать так: «неболь-

шая сумочка или мешочек, обычно изготовленный из кожи, в котором хранят деньги». Если взглянуть на рассмотренные подтипы эндоцентрических композитных субстантивов с фонетической и орфографической точек зрения, то все они имеют ударения на первом компоненте и орфографируются раздельно. Однако под углом зрения семантической цельнооформленности они не всегда равноценны. Так, например, композитные субстантивы с морфологической структурой С+Г+суффикс, выражая единый объект, характеризуются большой композитообразующей силой. Они имеют значение деятеля, либо носителя действия, инструмента и т. д. Субстантивные композиты с отмеченной морфологической структурой занимают значительное место в композитной системе карачаево-балкарского языка. Лексическая наполненность как именных, так и глагольных компонентов очень разнообразна. Компонентные лексемы, как глагольные, так и именные, характеризуют самые различные сферы жизнедеятельности, а также действия, состояния, например: *аякъ тутхуч* «погодержатель»; *аякъ* «нога», *тут* «держать»+суффикс *-хуч*, имеющий инструментальное значение; *аякъ кзыргзыч* «погоочиститель»: *аякъ* «нога», *кзыр* «скрести»+суффикс *-гзыч*, имеющий значение инструментального средства; *баш алдау* «самообман»: *баш* «голова», *алда* «обманывать»+суффикс *-у*, придающий значение имени действия. Следует отметить, что модель образования субстантивных композит С+Г+суффикс является древней и вместе с тем продуктивной в современном карачаево-балкарском языке..

Значительная композитообразующая сила присуща и сложным существительным с морфологической структурой П+С+суффикс. В аффиговых субстантивах композитообразующая сила формируется, в частности, под влиянием значения аффиксов. В сложных же неаффиксальных словах, например, со структурой П+С, композитообразующая потенция формируется на основе взаимодействия значения модификатора и опорного слова в процессе номинации. Чем большим обобщающим характером обладает опорное слово, тем больше оно имеет возможность служить основой для образования сложного слова. И наоборот, чем меньшим объемом охвата действительности характеризуется опорное слово, тем менее его композитообразующая потенция.

Так слово *tāsh* «камень» имеет очень широкий объем охвата действительности (все виды и разновидности камней в природе), тогда как лексема *будай* «пшеница» означает не любой злак, а лишь его конкретную разновидность. Отсюда терминологические композиты — словосочетания со структурой П+С — имеют меньший словообразовательный статус. Они занимают промежуточное положение между свободными словосочетаниями и собственно эндоцентрическими композитами с обобщенным значением опорного слова.

Эндоцентрические композитные субстантивы с морфологической структурой С+С в целом, очевидно, характеризуются в различной степени цельюоформленностью, однако критерием их дифференциального признака служит падежно-семантическое отношение в смысле Ч. Филлмора²⁶. Однако семантико-надежный анализ композит данного типа не является предметом анализа в нашей статье.

Можно привести некоторые типологические сопоставления эндоцентрических субстантивных композит карачаево-балкарского и английского языков. Так, при рассмотрении субстантивных композит с морфологической структурой П+С бросается в глаза определенная параллель в их семантической цельюоформленности в сопоставляемых языках. Действительно, композиты с более обобщенным значением опорного слова имеют более устойчивый словообразовательный статус. Сравните, например, композиты *а́къ таш* «кварц» (*а́къ* «белый», *таш* «камень») и *blackboard* «классная доска» (*black* «черный», *board* «доска»). С другой стороны, терминологические композиты сочетания, в которых второй компонент характеризуется меньшей степенью обобщения, имеют более слабый словообразовательный статус, например, *къарá ишкилди* — «черника» и *къызы́л ишкилди* «брусника»; ср. английские композитные терминообразования: *black-currant* — «черная смородина» (*black* «черный», *currant* — «смородина»), *red-currant* — «красная смородина» (*red* — «красный», *currant* — «смородина»). Приведенные английские терминообразования внешне характеризуются отдельным или в ряде случаев дефисным написанием и одинаковым ударением на каждом компоненте. Эти внешние признаки сигнализируют о неполной семантической цельюоформленности отмеченных композитных терми-

нообразований. В карачаево-балкарском языке аналогичные композитные терминообразования имеют неполное соответствующее оформление: ударение ставится на первом компоненте и компоненты пишутся отдельно. Однако такое оформление имеют и собственно композитные субстантивы типа *áкъ таиш* «кварц». Думается, что такие композиты обладают более высокой степенью семантической цельюоформленности и могут иметь соответствующее внешнее оформление.

Рассматривая в целом систему композитных субстантивов карачаево-балкарского языка, можно констатировать следующую градацию их семантической цельюоформленности. На первом месте находится экзоцентрические композиты. Для них характерна максимальная семантическая цельюоформленность. При этом внутри экзоцентрического подтипа композит можно выделить сложные слова с большей цельюоформленностью, например, *акъбаиш* — «болезнь копыт овец, некробациллез» и с меньшей цельюоформленностью, например, *акътёиш* (*чыпчыкъ*) — «лясточка-белогрудка». Степень цельюоформленности этих экзоцентрических подтипов определяется механизмом их образования.

Максимальная цельюоформленность производна от сочетания действия метонимизации и метафоризации, а минимальная определяется механизмом действия только метонимизации.

На втором месте по степени цельюоформленности находятся эндоцентрические субстантивные композиты. На примере сложных слов с морфологической структурой П+С также можно показать их внутреннюю дифференциацию, а именно: выделить собственно композиты *áкъ таиш* и соответственно более слабо семантически цельюоформленные композитные терминообразования типа *къарá къызыл) ишкилди*. Особняком находятся копулятивные композитные образования, которые имеют совершенно иную природу семантической цельюоформленности.

В заключительной части статьи остановимся на краткой морфологической и словообразовательной характеристике составленного нами корпуса субстантивных композит карачаево-балкарского языка, проведя некоторое сопоставление с их эквивалентами в английском языке.

Корпус субстантивных композит карачаево-балкарского языка был впервые установлен и описан в кандидатской диссертации Л. Ж. Жабеловой. Ее список композит составил около 530 лексических единиц. Мы составляли список всех сложных существительных карачаево-балкарского языка на основе данных картотеки Карачаево-Черкесского НИИ истории, филологии и экономики предназначенной для составления карачаево-балкаро-русского словаря. Выявленный нами корпус всех сложных слов составляет около 1400 единиц, в том числе 1000 субстантивных композит.

Субстантивные композиты карачаево-балкарского языка подразделяются нами на детерминативные (экзоцентрические и эндоцентрические) и копулятивные. Экзоцентрические субстантивы составляют 316 единиц, эндоцентрические — 443 единицы и копулятивные — 241 единицу.

По морфологическим структурам композитные субстантивы характеризуются значительным разнообразием. Нами выявлены следующие структуры: С+С (602 лексические единицы), П+С (279 единиц), С+Г (50 единиц), Чис.+С (32 единицы), С+С+(4 единицы), С+П+С (2 единицы). Другие морфологические структуры зафиксированы в единичных случаях С+Нареч., Нареч.+С, интенсификатор+С, Указат. местоим.+С и другие.

Со словообразовательной точки зрения для рассматриваемых субстантивных композит можно выделить следующие модели их производства.

1. Простое сложение основных компонентов по модели С+С, П+С, числ.+С и другие, например, *бошаууз* — «болтун» (*бош* «свободный», *аууз* «рот»). *Алтыгрань* — «шестигранник» (*алты* «шесть», *грань* «гранник»). *Аркъа суюк* — «позвоночный столб» *аркъа* «позвонок», *суюк* «кость». *Атсыз-чуусуз* — «пропавший вез вести» (*атсыз* «ни имени», *чуусуз* «ни звука»). *Баиш-баиш* — «каждый в отдельности, поголовно» (*баиш* «голова», *баиш* «голова»). К этой же модели относятся и такие композитные субстантивы, у которых второй компонент осложнен суффиксом, например, *аууз керрич* «роторасширитель».

2. Последовательное композитное производство, когда композита осложнена аффиксом, и при этом таким образом, что аффикс присоединяется к существующему

уже композиту субстантиву. Эта модель имеет следующий общий вид: (основа+основа)+аффикс. Например, *баш-баулу* — «зависимый человек» (*баш* «голова», *бау* «поводок»)+-лу. Суффикс -лу имеет значение носителя качества.

3. Одновременное или параллельное участие слова в двух словообразовательных процессах, т. е. этому слову не предшествует ни сложное слово, состоящее из двух безаффиксальных основ, ни второй компонент в форме производного слова, т. е. осложненного аффиксом. Эта модель имеет следующий вид: основа+основа+аффикс. Например, *сакъалджюлюучю* — «парикмахер». *Сакал* — «борода»+*джюлю* — «брить»+*у+чю*.

Приведенные словообразовательные модели отличаются друг от друга по своей продуктивности. По модели простого сложения образовано свыше 30 процентов всех субстантивов карачаево-балкарского языка. Остальные две словообразовательные модели мало продуктивны. По ним образовано около 10 процентов сложных субстантивов.

Сравнение структурно-морфологических и словообразовательных свойств субстантивных композит карачаево-балкарского языка с их эквивалентами в английском языке показывает следующее. 1000 субстантивных композит карачаево-балкарского языка в английском языке соответствует 234 сложным субстантивам, например, *белйбау* — «пояс» (*бёл* — «талня», *бау* — «завязка, шнурок»). *waist-banb* — «пояс» (*waist* — «талня, пояс», *banb* — «лента»); 54 производным словам, например, *агъач уста* — «плотник» — *joiner*; 198 простым словам, например, *баш таракъ* — «гребень, расческа» — *comb*; 83 словосочетаниям, например, *джылкъы къулакъ* — «конский щавель» — *horse sorrel* (*horse* — «лошадь»+*sorrel* — «щавель»). *Акъ терек* — «тополь» — *silver poplar* (*silver* — «серебряный» + *poplar* «тополь»); 432 дефинициям, например *байчор-март* — «бог охоты» — *The god who protects the hunters*.

Эквивалентные карачаево-балкарским композитам английские сложные слова имеют разнообразные морфологические структуры: N+N, Adj+N, V+N, Adv+N, Num+N, N+N's N+V (ing), N+V (er), N+NpI, etc. 234 субстантивных композит английского языка распределяются следующим образом по морфологическим

структурам в сопоставлении с карачаево-балкарским языком: 162 субстантивных композит имеют структуру N+N, совпадающую с аналогичной структурой карачаево-балкарских субстантивов, 24 имеют структуру Adj+N, 13 — V+N, 14 — Num+N, А остальные композиты имеют менее употребительные морфологические структуры. Примерно аналогичным образом выглядит коррелятивное распределение производных и простых слов, а также словосочетаний и дефиниций по соответствующим морфологическим структурам субстантивных композит карачаево-балкарского языка.

Со словообразовательной точки зрения английские композитные субстантивы также формируются по описанным выше трем моделям: 1) простое сложение, 2) последовательное производство и 3) параллельное производство. При этом следует подчеркнуть, что в английском языке, как и в карачаево-балкарском языке, простое сложение является максимально продуктивным, а последовательное и параллельное-сравнительно малопродуктивным способом композитного словопроизводства.

Таким образом, сопоставление субстантивных композит карачаево-балкарского языка по структурно-морфологическим и словообразовательным признакам с их эквивалентами в английском языке показало, что сопоставляемые языки характеризуются как изоморфны, так и алломорфными признаками²⁷. Типологический изоморфизм подчеркивает наличие единообразных морфологических структур и словообразовательных моделей в рассматриваемых языках, а алломорфизм свидетельствует о различии конкретных путей становления и развития композитных систем карачаево-балкарского и английского языков.

---

¹ Жабелова Л. Ж. Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке. Автореф. дис... канд. фил. наук. — М., 1982.

² Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.

³ Суюнчев Х. И., Гочияева С. А. Орфография сёзлюк. Черкесск, 1980. — Къарачай-малкъар тилни орфографиясы. Черкесск, 1984.

- ⁴ Бозисв А. Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. — Нальчик: Эльбрус, 1965.
- ⁵ Соттаев А. Х. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. — Нальчик: Эльбрус, 1965.
- ⁶ Адилов М. И. Сложные слова в современном азербайджанском языке. Автореф. дис... канд. фил. наук. — Баку, 1958.
- ⁷ Бердыев Р. Сложные слова в современном туркменском языке. Автореф. дис... канд. фил. наук. — М., 1965.
- ⁸ Мадалиев Б. Сложные слова в современном узбекском языке. Автореф. дис... канд. фил. наук. — Ташкент, 1958.
- ⁹ Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. — М.: Изд. вост. лит., 1961.
- ¹⁰ Орузбаева Б. О. Словообразование в киргизском языке. Автореф. дис... д-ра фил. наук. — Фрунзе, 1964.
- ¹¹ Абдурахманов А. Парные слова в тюркских языках. Автореф. дис... д-ра фил. наук. — Алма-Ата, 1975.
- ¹² Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. — М.: Наука, 1979.
- ¹³ Севортян Э. В. Словообразование в тюркских языках. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — М.: АН СССР, 1955.
- ⁴ Юлдашев А. А. — Принципы составления тюркско-русских словарей. — М.: Наука, 1972.
- ¹⁵ Хабичев М. А. Указ. соч., с. 268—280.
- ¹⁶ Жабелова Л. М. Указ. соч., с. 6.
- ¹⁷ Кубрякова Е. С. Производное как особая единица системы языка. — В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология. — М.: Наука, 1976.
- ¹⁸ Жабелова Л. Ж. Указ. соч., с. 4—5.
- ¹⁹ Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»). — В кн.: Труды института языкознания. IV. М., 1954.
- ²⁰ Жабелова Л. Ж. Указ. соч., с. 16.
- ²¹ Суюнчев Х. И., Гочияева С. А. Орфография сёзлук. Черкесск, 1980.
- ²² Картотека лексики карачаево-русского словаря при НИИ истории, филологии и экономики.
- ²³ Шамилиди Е. Ю. Структурно-семантические и словообразовательные особенности двухкомпонентных зоомимических наименований. (Опыт теории словообразовательной номинации). Автореф. дис... канд. фил. наук. — М., 1979.
- ²⁴ Лазарев В. В. Квартыч Н. В. Формально-семантический анализ словообразовательного поля «человек». (Опыт теории внутренней валентности). — В кн.: Лексикология и стилистика английского языка. Пятигорск.: ПГПИИЯ, 1976.
- ²⁵ Суюнчев Х. И., Гочияева С. А. Указ. соч., с. 21.
- ²⁶ Ч. Филмор. Дело о падеже. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X.—М.: Прогресс, 1981. Он же: Дело о падеже открывается вновь. Там же.
- ²⁷ Дж. Буранов. Сравнительная типология английского и тюркского языков.—М.: Высшая школа, 1983, с. 7—73.

О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГУЛИА, ПИШУЩЕГО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В советской многонациональной литературе писатели разных национальностей обращаются к русскому языку как основному средству выражения своей творческой деятельности. Это явление вызвано общей языковой ситуацией в нашей стране, где русский язык стал средством межнационального общения.

Г. Гулиа, пишущий на русском языке, практически доказал возможность выражения духовной культуры своего народа средствами русского языка, продемонстрировал многообразие форм бытования советской литературы на современном этапе. Особенности индивидуального стиля, система образов, проблемно-тематическая направленность, языковая форма, идейное содержание его произведений дают нам основание для подобного заключения. Однако до сих пор нет ни одной научной работы, посвященной анализу лексико-фразеологических средств, специфики творческого письма Г. Гулиа.

В произведениях Г. Гулиа характер чувств, мировосприятие лирических героев, а также картины природы, традиции, нравы — все специфически абхазское. «В реалистическом искусстве национальное своеобразие изображаемых характеров, традиций, быта, истории, эстетического мировосприятия служат непременным условием художественной полноценности произведения. И наоборот: все, что лишено национальных черт, все, что совершается в некоем близком пространстве, в среде средневероятных людей, — при всей изобретательности и изощренности автора, — как правило, выглядит неубедительно, неинтересно, лишает произведение жизненной достоверности»¹.

Национальные языковые элементы, включенные в словесную структуру произведений Г. Гулиа, обладают особой выразительностью, эмоциональностью, потому что выбор этих речевых средств обусловлен не только их номинативными значениями, но и особенностями их национально-экспрессивной окрашенности. Например: «Глаза его сверкали, словно выстрелы в ночи», «В голове зашумело, как на водяной мельнице», «Умный человек в Москве пробьется и без помощи, а дурак и в Сакене себе шею сломит» и т. д. Употребление подобных сравнений придает мыслям автора особую образность.

Национальные лексемы, вводимые в словесно-речевую структуру произведений Г. Гулиа, многозначны в своих функциях. Они являются средством конкретизации предметных деталей в их национальном понятии, имеют свой художественный микромир, образность, достоверность. Писатель нередко избегает конфликтов в структуре самого языка, на котором он пишет. Результатом является проникновение родных слов в лексику другого языка. Такие слова либо объяснены в самом тексте, либо даются в сносках. К. Зелинский по этому поводу писал: «Не замечая того, что русская литература впитывает из множества других источников СССР, мы не поймем то новое, что она вносит в современную мировую литературу пушкинскую традицию»².

В повести «Весна в Сакене» местные реалии автор объясняет не в сноске, а в тексте. Именно эта деталь становится образной характеристикой текста. Например: «Апацха — плетенный домишко, избушка на курьих ножках». Г. Гулиа дает не только значение этого слова, но и сообщает читателю, как построить подобный домик: «Главный материал, из которого она строится, — бросовый хворост. А еще особый камыш *айсыр*, огромной папачой покрывающий четыре хворостинные стены. Пол у *апацхи* земляной. Посередине очаг: это кухня и центральное отопление. *Апацха* — это симбиоз кухни и гостиной. Но чтобы построить такую хижину, необходимо много различного материала: одиннадцать штук бревен по два с половиной метра. Из них делаются главные балки — *ахублы* и остальные балки — верхние... Сто девять реек по два с половиной метра — *амассар*. Пятнадцать реек потолще и подлиннее. Из них мы сделаем пояса — *ахарша* — *амакѳа* и косяки—

аффаз. Весь материал из каштана, который растет за селом *Арадзыхь*, крыша — и *сисыра*..»

Еще: «Закусываем холодной *абыстой* и жаренным сыром, который становится на огне мягким и жирным, словно коровье масло». Как видим, создавая вокруг национальных лексем художественный микромир, автор подводит читателя к пониманию тонкостей обозначаемой детали, дает как бы этнографическую иллюстрацию средствами художественного изображения; само обозначаемое понятие становится смысловым центром эпизода.

В произведениях Г. Гулиа встречается немало собственных имен, называющих тот или иной объект мысли, указывающий на национальную принадлежность наименованного предмета. Они переведены на русский язык или транслитерированы. «...Имена собственные не только выполняют функции наименования, называния существа или объекта, но и являются теми немногими словами, сама форма которых указывает на национальную принадлежность наименованного предмета, мысли. Таким образом, имена собственные способствуют сохранению в переводе национального колорита оригинала»⁵.

В произведениях Г. Гулиа некоторые абхазские имена собственные переводятся на русский язык, как, например: *Волчья пасть* (гора), *Серебряный луг* (хутор), *Чертов мост* (гора) и т. д. Но в основном они транслитерированы. Подобные имена собственные, наряду с остальными словами нерусского происхождения, являются теми немногими элементами в произведениях Г. Гулиа, которые сохраняют определенное национальное своеобразие в своей словесной и звуковой форме. Внутренняя форма слова при этом не утрачивается. Но если бы имена собственные автор не транслитерировал, а переводил бы, как, например: *Турий луг* (гора), *Буковая роцца* (хутор) и т. д., то они уже не относились бы к абхазской речи, и, главное, нарушилась бы связь между объектом и его названием. Многие герои его произведений носят исконно абхазские имена: *Ахра*, *Шьазина*, *Абрыскьыл*, *Гунда*, *Кесоу*.

Аква — абхазское название г. Сухуми. У Г. Гулиа в тексте: «Петр Николаевич Ушаков обращался ко мне с братом с каким-нибудь вопросом, например:

— Жора и Володя, как пишутся названия городов?.. В самом деле — как? Думаем, думаем... поясняет:

— Так как называют их сам народ. Да зачем ходить далеко? Назовите столицу Абхазии.

— Сухум-кале? Сухум.

— Ни то, ни другое... Аква.

И тут же снова обращается к глубинам хеттской истории».

Для произведений Г. Гулиа характерна своеобразная манера сказа. В нем сочетается лирика и юмор, торжественность и ирония, в зависимости от характера рассуждения или рассматриваемого предмета. Во всех случаях, «вхождение» абхазской речи (ее строя, ритмики, интонации, фразеологии) вызвано стремлением автора передать свое отношение к описываемым событиям читателю; например: «А черты суть таковы (если следовать обычной стилизации восьмидесятилетнего абхаза): черный, черный каменный глаз, из которого вытекает вода чистая, как детские слезы». Характерная для сказовой манеры интонация звучит в повести «Весна в Сакене».

«По сакенским обычаям мне следовало бы представиться вам. Родился я. Проклятый Сакен! С первых же слов из-за него перед людьми краснеть приходится... Когда же я родился? По старому сакенскому календарю выходит так — через шесть месяцев после того, как в Сакен пришла весть о русско-японской войне?»

Манера сказа Г. Гулиа требует богатства раздумий, живости интонации, обилия сравнений и метафор. В своих произведениях он широко использует изобразительно-выразительные средства, в особенности сравнения. Они у него необычные, своеобразные. Вот, например: «Облако, словно овца, брюхом»; «горные вершины непрерывно курятся, как трубки столетних старцев»; «Мир, словно молоком полит»; «Глаза блестели в пещере, словно молния в черном небе».

Автор мастерски использует произведения устного народного творчества (сказания, легенды, песни, половицы, поговорки). Это оказывает несомненное влияние на стилистические особенности произведений Г. Гулиа. Например, песня о мельнице звучит так:

«Ходит жернов — ходуном,
Дум-дум, дум-да-дум, дум-дум.
Дай ему хоть целый пуд —
ненасытный старый плут
Дум-дум, дум-да-дум, дум-дум.

Тот, кому хоть раз приходилось быть гостем Абхазии, хорошо знает, что такое абхазское гостеприимство. Оно явление быта, обычая, обряда, уклада абхазов. Особенности абхазского стола, абхазской кухни автором описаны последовательно: «Я, — пишет Г. Гулиа, — уже не буду говорить о чудесной мамалыге из белой кукурузной муки. Не буду также касаться и румяного чурека, разбросанного на столе, словно галька на морском берегу, не коснусь я и водки различных сортов: бузниовой, грушевой, яблочной, виноградной. Едва ли удивляю кого-нибудь и мясными блюдами, а именно: медвежатиной, копченой и свежей, и говядиной, тоже копченой и свежей. Молочные блюда: свежий сыр, сыр копченый, сыр козий, сыр бараний... Но что действительно потрясло гостей, так это подливы... Подливы состояли из соков ореховых, барбарисовых, помидорных, алычовых, чесночных... Но каждая подлива содержала и ароматические составы, как-то: мяту, желтый цветочный перец, травы...»

Интонация, структура предложений в трилогии «Друзья из Сакена» своеобразны, похожи на абхазские предложения: «Давным-давно, — начал свой рассказ старик, — жил на сакенской земле человек, но витязь. А витязь, да будет вам известно, никого не боится. Витязь справедлив, друзья мои, и честен... Витязь не пьет вина без друзей, хлебом делится с ближайшими. Витязь, дочь моя, тоже человек, но человек особой закалки, вроде стали, из которой куют сабли, вроде железа, из которого высекают огонь, вроде машины, которая дает свет. Вот что такое витязь».

Г. Гулиа широко использует афоризмы, пословицы и поговорки. Вот некоторые из них: «Положение, — замечает рассказчик, — как говорят в Сакене, хуже перепелиного: и сидеть нельзя, и взлететь опасно», «Пойди и ищи человека в горах, как иголку в стоге сена», «Вот именно: как говорят абхазцы, пока светит молния...»

Словесно-речевой строй предложений писателя включает в свою структуру и специфические речевые элементы национального языка. Обращение на «Вы» не

характерно для абхазской речи. Это явление более позднего порядка. У Гулиа:

— Вы должны быть..., — проговорил он.

— Видишь, опять «Вы», — перебил.

— А это так полагается. Со старшими говорят на «Вы».

— Абхазцы так не разговаривают. Ну ладно, дуи по-своему... Такие формулы обращения являются не только средством передачи национального колорита, но и средством характеристики персонажей. В абхазском языке мужчина пожилых лет, обращаясь к девушке, называет ее «дочь моя», к женщине — «моя сестра», к юноше — «сын мой». Старый Шаангерей, рассказывая легенду о вигязе, часто обращается к Гале и Смелу: «Сын мой, — сказал он громко», «Дочь моя, — говорил Шаангерей, с трудом преодолевая одышку, — много бывало разных случаев...» И далее: «...душа необыкновенная, ибо пока она жива, принадлежит народу. Она принадлежит мне и тебе, дочь моя, и тебе, сын мой...»

Абхазский этикет запрещает произносить имя супруга, а супругу — имя супруги. У Г. Гулиа читаем: «Он, — хотя это требование обычая распространялось только на законных мужей, девушки чувствовали себя настолько привязанными к своим молодым людям, настолько прочно, что даже уже стеснялись произносить их имена, даже секретничая между собой:

— Он приехал сегодня, — сообщила Гуаша своей подруге.

— Он просил не говорить никому, — сказала Астанда, — очень он стесняется...»

Приветствия у абхазцев выражаются словесно и жестами. Женщины среднего и пожилого возраста, встречая очень близких людей, обходят вокруг человека — близкого, согласно поверью «принимая на себя все болезни»: «Старенькая Таба по обычаю трижды обошла вокруг сына, согласно поверью принимая на себя его болезни». Или: «Не дожидаясь ответа, пригласил Базбу вежливым жестом и почтительно склонил голову...»

Г. Гулиа не только «открыл» в русской литературе новые темы, связанные с жизнью своего народа, но и по-своему обогатил русский литературный язык, внес

нечто новое в его пластику, в его образность, в его лексический фонд.

Приведенный материал показывает, что национальная лексика, словесно-речевая структура, синтаксический строй предложений в произведениях Г. Гулиа являются прежде всего своеобразным толковым словарем, отражающим национальный характер творчества писателя, способом внедрения отдельных национальных элементов в русский язык. При этом он, Г. Гулиа, подчиняется «императиву времени» и культуры, в которой он творит и которая определила диапазон его творчества, независимо от самобытности его авторской манеры⁴.

---

¹ Лйтматов Ч. Социалистическое, интернациональное. — Дружба народов. М., 1967, № 3

² Зелинская К. Что дают русской литературе народы СССР? — Литературная газета, 1964, 22 февраля.

³ Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. — М.: Изд-во МГУ, 1978.

⁴ Многоязычие и литературный процесс. — М.: АН СССР, 1981.

⁵ Георгий Гулиа. Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1974—1976.

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Будучи языком межнационального общения, вторым родным языком всех народов СССР, русский язык оказывает огромное влияние на формирование духовной культуры новой исторической общности людей — советского народа¹. Благодаря русскому языку возможно взаимообогащение национальных литератур, приобщение их к общесоветским традициям, их активное участие в дальнейшем развитии таких традиций. Все языки обладают разными возможностями выполнять не только коммуникативную, но и эстетическую функцию, развиваться и совершенствоваться. Известно, что постижение другого языка — всегда обогащение, ибо, овладевая его словарным запасом, писатель приобщается к истории и культуре носителя этого языка. Овладение же таким богатым, развитым языком, языком межнационального общения, каким является русский язык, неизмеримо важно.

Русский язык, «великий труженик и интернационалист», по словам Халимат Байрамуковой, стал вторым родным языком северокавказских горцев. О его роли в развитии духовной культуры народов Северного Кавказа уже говорилось в статьях и литературоведов, и лингвистов². В данной статье характеризуются дифференцирующие функции³ русского языка в развитии литератур народов Северного Кавказа на материале критических суждений писателей, посвященных данной проблеме, а также на материале их художественных произведений, созданных на русском языке.

Заметим, что некоторые из дифференцирующих функций русского языка не специфичны для художествен-

ного творчества, не являются необходимым его условием. К ним можно отнести роль русского языка в формировании личности писателя, о чем свидетельствуют воспоминания о детстве, когда горские мальчишки и девочки впервые услышали русскую речь. Об этом идет речь в книгах К. Кулиева «Так растет дерево», Х. Байрамуковой «Мать отцов», А. Кешокова «Вид с Белой горы», Р. Ахматовой «Рассвет в горах», Р. Гамзатова «Мой Дагестан» и др. Об этом же идет речь и в опубликованной на страницах «Правды» статье Абу-Бакара, вспоминая преподанный ему в детстве урок отца: «Учи русский... Русский, что глубокий океан, по волнам которого поплывешь в манящие дали, с ним откроются перед тобой большие миры».

Характерно, что на заре советской власти известный партийный работник Юсуф Шовкринский, выступая на съезде советских писателей Дагестана и на страницах республиканской газеты, подчеркнул: «Надо признать, что одной из важнейших причин отставания нашей литературы и ее низкого качества является незнание русского языка многими нашими писателями»⁴.

С изучением русского языка Шовкринский связывал высокую культуру писателя-горца, овладение богатствами русской литературы. При этом отмечался и специфический путь овладения русским языком: «...Работать не столько через грамматику, сколько через образцы художественной литературы». О том же неоднократно говорил карачаевский лингвист и литератор У. Б. Алиев.

Став неперменным фактом биографии советского писателя, знание русского языка приводило к творческому двуязычию. Рассматривая проблему билингвизма как важнейший фактор развития литератур народов СССР, в частности, литератур Северного Кавказа, мы предлагаем следующую классификацию языковых типов творчества:

— Писатель, владея родным и русским языком, пишет на родном, но его формирование как личности и художника проходит при активном содействии русского языка. К этому типу относится абсолютное большинство писателей Северного Кавказа, в их числе Р. Гамзатов, К. Кулиев, А. Абу-Бакар, О. Хубиев. Н. Хубиев, А. Охтов, С. Капаев, М. Чикатуев и мн. др.;

— писатель, владея в повседневной жизни родным языком, пишет только по-русски⁶ (Э. Капиев, В. Цаго-

лов). Критерием национальной принадлежности русскоязычного писателя служит тот факт, что национальная жизнь не только является объектом его изображения, но и сформировала его как личность, как художника;

— писатель пишет на родном языке, но сам переводит свои произведения на русский (Х. Байрамукова, М. Батчаев, К. Кулиев);

— писатель одинаково свободно мыслит и пишет на родном и на русском языках (Х. Байрамукова, И. Капаев, М. Батчаев, Н. Кагиева).

Разумеется, грань между намеченными типами очень подвижна, с творческим опытом возрастает и способность творить на двух языках. Следует учитывать и специфику жанра: статьи, эссе, очерки создаются на русском языке такими писателями, как А. Кешоков, Р. Гамзатов, К. Кулиев, Х. Байрамукова, Абу-Бакар, И. Капаев и др., тогда как лирика, требующая особого эмоционального подъема и опоры на поэтические традиции народа, создается преимущественно на родном языке.

Но русский язык играет не только большую роль в формировании будущего писателя, его личности, но и выполняет функции, непосредственно связанные с творческим процессом и в том случае, если писатель творит на родном языке. Дифференцирующие функции русского языка в этом случае многообразны.

Русский язык способствует постановке в художественном творчестве важнейших коренных проблем, общих для всей многонациональной литературы, выработке, говоря словами Раисы Ахматовой, «одной точки зрения советского художника»⁷. Русский язык как язык межнационального общения дает возможность писателю, творящему на родном языке, раскрыть многомерность жизни большинства новой исторической общности людей, становление социалистической личности с учетом диалектики национального и интернационального. Постановка философских и нравственных вопросов эпохи, чем отличаются лучшие произведения Р. Гамзатова, К. Кулиева, Х. Байрамуковой, А. Кешокова, А. Абу-Бакара, М. Батчаева, И. Капаева и др. писателей Северного Кавказа, также была бы невозможна без знания русского языка — посредника между писателем малого народа и миром. «Благодаря ему мы всегда находимся в курсе событий культурной жизни...»⁸, — го-

ворит Х. Байрамукова. «Трудно представить себе нашу культурную жизнь без русского языка»⁹, — вторит карачаевской поэтессе осетинский писатель Г. Кайтуков.

Не случайно с понятием «русский язык» у писателей разных национальностей связана общая метафора: русский язык — это мост, связующий народы, выводящий их из горных ущелий на просторы вселенной. Таков смысл сравнения, неоднократно встречающегося у Халимат Байрамуковой, Абу-Бакара, Нодара Думбадзе, Мирмухсина. К оригинальной метафоре прибегает и балкарская поэтесса Танзиля Зумакулова, которой русский язык помог «обрести слух»:

Текут две речки в сердце, не мелея.
Становятся единою рекой.
Забыв родной язык, я немею,
Утратив русский, стану я глухой.

В этом признании подчеркнута и важнейшая роль русского языка как языка величайшей в мире литературы, сыгравшей общепризнанную роль в развитии младописьменных литератур. «В моем доме висят портреты русских поэтов — Лермонтова, Есенина и Тихонова, — говорит карачаевец Назир Хубнев. — Это мои любимые поэты. Я счастлив, что встретился с ними и бесконечно благодарен русскому языку, который помог мне жить в мире поэзии этих мастеров слова»¹⁰.

Чеченка Раиса Ахматовна, отвечая на анкету журнала «Русская речь», сравнила языковые традиции русской классической литературы с родниками, к которым обращаешься всю свою жизнь¹¹. Традиции Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Тютчева пришли к ней без перевода, как и к Халимат Байрамуковой, которая, отвечая на ту же анкету, подчеркнула: «Мне не приходит в голову мысль о том, какое значение имеют в моем творчестве языковые традиции русской классической литературы, и это потому, что русский язык и русская классическая литература вошли в мою плоть и кровь органически. Разве я спрашиваю себя, что такое родной язык для меня»¹².

Не надо забывать и о том, что знакомство с лучшими образцами мировой литературы, без которого не может состояться творческая личность, шло у писателей-горцев на русском языке. «Только богатый гибкий рус-

ский язык способен наиболее точно передать все оттенки и краски произведений, написанных на английском, французском, испанском или других языках мира»¹³, — говорит Р. Ахматова.

Русский язык явился важнейшим средством преодоления писателем национальной ограниченности и позволил развивать национальные литературы на путях взаимодействия не только с русской, но и со всеми другими литературами Советского Союза, благодаря переводам их произведений на язык межнационального общения. Так, благодаря труду переводчиков, реально осуществляется взаимодействие и взаимообогащение литератур, в процессе которого вырабатываются общие для всех северокавказских литератур традиции. Та же Р. Ахматова подчеркнула: «Русские поэты-переводчики помогают нам понять друг друга, обмениваться друг с другом открытиями»¹⁴.

«Как бы узнал я его лирику, — писал К. Кулиев о поэзии Симона Чиковани, — если бы не была она переведена на русский язык, объединяющий всех нас»¹⁵.

Одним из важнейших фактов влияния русского языка на развитие северокавказских литератур является осознание его как большой культурной и эстетической ценности. Горцы познают мир прекрасного, овладевают русским языком. Богатство поэтических традиций кавказского фольклора, в т. ч. и любовной лирики, не могло восполнить отсутствие художественной прозы у многих народов Северного Кавказа, и для ее развития оказались очень важны языковые традиции русской литературы.

«Дело в том, — поясняет Халимат Байрамукова, — что языки, недавно получившие письменность, пока не обладают той гибкостью, которой отличается русский язык, а в создании художественного произведения она нужна очень. Я написала слово пока, ибо знаю, что мой родной язык тоже обладает гибкостью, но ее надо уметь находить, она не лежит на виду»¹⁵.

Так плодотворный авторский самоанализ подводит нас к пониманию того, как русский язык обогащает литературные языки многих народов СССР. Одним из первых заговорил об этом Мустай Карим: «Я пишу и думаю по-башкирски, но для меня русский язык существует, как эталон. Поэтому, работая над словом, незаметно, подсознательно проверяю себя по-русски. Точ-

но ли ложится мое башкирское слово? Обращение к русской речи помогает мне глубже постичь тайны моего родного языка»¹⁷.

Халимат Байрамукова также пишет: «Русский язык как бы открыл для меня мой родной язык заново и научил видеть его со стороны, чтобы лучше узнавать его возможности... Русский язык для меня является эталоном, по которому я вымеряю свой родной язык»¹⁸.

Непосредственный путь обогащения национальных литературных языков на основе русского — переводы произведений русской классики на родной язык. «...Переводил не для публикации, а для себя, учась у великих, переводил Лермонтова и Пушкина, Есенина и Твардовского» (К. Кулиев)¹⁹. «Я счастлив, что прошел великую школу перевода стихов и поэм Пушкина на кабардинский язык» (Адам Шогенцуков)²⁰. Слушая аварские переводы Пушкина, сделанные Расулом Гамзатовым, поражаешься мелодичности гортанного языка гор.

Таким образом, писатели, творящие на своем родном языке, воспринимают русский язык как важнейший инструмент обогащения собственного творчества, и правомерность такого их отношения к русскому языку объективно подтверждается достижениями северокавказских литератур, выходом на всесоюзную арену таких писателей, как Р. Гамзатов, К. Кулиев, А. Кешоков, Х. Байрамукова, Р. Ахматова, Т. Зумакулова, А. Абу-Бакар и мн. др.

Но порой писатель избирает русский язык как язык литературного творчества. У этого явления есть свои исторические предпосылки, т. к. до революции многие народы Кавказа не имели своей письменности. Общеизвестен вклад в развитие культуры северокавказских просветителей, писавших на русском языке. Но и в первые послереволюционные десятилетия появляются созданные на русском языке произведения: А. Шерипова, А. Гойгова, публицистика И. Хубиева (Карачайлы) и мн. др. Вершиной русскоязычной северокавказской прозы 30-х — первой половины 40-х гг. являются «Поэт» — фронтовые очерки, записные книжки Эффенди Капиева.

Надо сказать, что увлечение русскоязычием в 20-х—30-х гг. имело и обратную сторону. Многие из пытав-

шихся писать на русском языке не владели им в должной мере, и это вызывало справедливые нарекания критиков, рецензентов. От серьезных критических замечаний не убереглись даже такие известные писатели, как А. Гойков и М. Хуршилов²¹. О сложности работы критика, обратившегося к русскоязычным произведениям, убедительно говорил Камиль Султанов на одной из дискуссий в Союзе писателей СССР в 1945 г.: «Как можно перейти на русский язык, не изучив его. А если говоришь об этом, отвечают: «Это националистическая тенденция»²².

В период развитого социализма положение в корне изменилось. Ушли в прошлое объективные причины, побуждавшие писателя-горца писать на русском языке: достигли высокого уровня развития языки народов Северного Кавказа, на которых созданы значительные прозаические произведения (романы А. Кешокова, А. Абу-Бакара и др.): они становятся достоянием всесоюзного читателя, благодаря четко поставленной переводческой работе. Выбор русского языка как языка литературного творчества ныне диктуется личным пристрастием писателя, особенностями его творческой биографии. Уровень владения русским языком у современных писателей настолько высок и профессионален, что заранее отменяет упреки, имевшие место в предшествующие десятилетия. Безупречен, например, русский язык в прекрасном рассказе Муссы Батчаева «Хочалай и хур-хур» и дарит читателю подлинно эстетическое наслаждение: «Будит его (Хочалая — А. В.) дождь. Тяжелые крупные капли падают на лицо, ползут по щекам, бьются о камень... и светит солнце. Неяркое и теплое, висит оно над извилистым нечетким горизонтом. Дождь ровный, мерно стучат капли, и по земле ползет мягкий шорох...»

На современном этапе развития северокавказских литератур мы сталкиваемся не столько с русскоязычным, сколько с двуязычным в полном смысле этого слова: писатель творит и на родном, и на русском языках, свободно переходит с одного языка на другой. В результате обогащаются оба потока литературного творчества. Именно таким двуязычным писателем был Мусса Батчаев. По-карачаевски и по-русски пишет Халимат Байрамукова. На русском языке ею написаны рассказы, книга «Мать отцов», публицистика. Симптоматич-

Нельзя не заметить, что в ряде случаев варьирование русского текста несколько не улучшает оригинал. Фраза В. Державина «как ни труден путь наш далекий, но нельзя иных проложить» выглядит стереотипно песенной, не имеющей ничего общего с раздумьями лирического героя Кулиева: «Какой бы трудной ни была дорога, Если даже устанем идти и идти...» Точно так же и стереотипное «беда омрачила» не выражает эпического спокойствия человека, противоборствующего буре войны: «...День наш стал темным». На первый взгляд, замена эпитета «жесткий ветер» на «ветер жестокий» больше соответствует духу русского языка: жестокий — значит крайне суровый, безжалостный, беспощадный, тогда как «жестокий» в переносном его значении обозначает «суровость, резкость». Но переводчик придал образу конкретность («С ног сшибает ветер...»), отсутствующую в оригинале. Кулиевское «ветер войны» вполне сочетается с определением «жесткий».

Но если авторские переводы военной лирики Кулиева не были рассчитаны на читателя и не стали достоянием общественности (они лишь положили начало большой работе, которая увенчалась написанной на русском языке книгой-эссе «Так растет и дерево»), то за последние годы карачаево-балкарская литература обогатилась значительным достижением в области авторского перевода. Мы имеем в виду книгу Халимат Байрамуковой «Вечные всадники», вышедшую в издательстве «Детская литература».

На широком фоне жизни аула Алапат, в годы военного лихолетья, и ретроспективного изображения его мирной жизни писательница раскрывает образ главного героя повести — подростка Солтана Лепшокова. Увлечателен сюжет повести, развивающийся напряженно и динамично. Солтан спасает жеребенка Тугана во время грозы на Бичемене, прячет породистого коня в горах, спасает саблю, подаренную ему Буденным. Именно Солтан организует и возглавляет отряд юных мстителей, вселяя надежду в душу людей: «В аул Даусуз птицей влетел через огороды Солтан, и люди шепотом и с надеждой говорили о каком-то всаднике на белом коне и ждали добрых вестей».

Но, отвечая жанру приключенческой повести, произведение Халимат Байрамуковой лирично и философич-

но по стилю, насыщено образами-символами (важнейшую роль в раскрытии идейного смысла повести играет традиционный для карачаевской поэзии образ камня), и это делало вопрос о ее переводе на русский язык еще более сложным, требовало особого внимания к подтексту. Работа над самопереводом вызвала у писательницы чувство большого удовлетворения: «Да, «Вечные всадники» я перевела сама на русский язык. Я считаю, что даже самый хороший переводчик не сможет передать специфику произведения так, как сам автор. Я получила очень много читательских писем о «Вечных всадниках», возможно, сказала и заслуга переводчика»²⁴.

Творческие поиски северокавказских литераторов в области авторского самоперевода идут в русле общесоюзных поисков. Показательно признание Чингиза Айтматова: «Для меня лично в свое время наступил такой момент, когда переводы моих произведений меня стали не устраивать, а взявшись переводить, я уже сам начал писать по-русски»²⁵. На объективные причины самоперевода указывал Василь Быков²⁶.

В отличие от простого русскоязычного творчества авторский самоперевод в гораздо большей степени влияет на развитие национальных литератур, создаваемых на родных языках. Конечно, в пору становления молодых литератур русскоязычная проза Эфенди Капиева имела большое значение, как стимул художественного воплощения национальной жизни и на родном языке, показывала его конкретные пути. Но понятна и тревога Нафи Джусойты: что было бы с аварской и балкарской литературами, если бы Р. Гамзатов и К. Кулиев писали по-русски. Когда же имеет место самоперевод, то литературы на родных языках не только не теряют ведущих их создателей, но и получают дополнительный стимул к развитию. Еще в 40-е годы Константин Гамсахурдия заметил, ссылаясь на опыт Л. Толстого, выверявшего некоторые фразы «Войны и мира» по-французски, что перевод произведений национальных литератур на русский язык придает им новое качество. И оно может быть учтено при переизданиях произведений на родных языках, или в развитии национальной литературы в целом. Но, конечно, здесь не должно быть места субъективизму. И нельзя произвольные изменения оригинала объяснять языковой спецификой. (В этом

случае уместно вспомнить слова А. А. Потемкина: «Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли... Это усилие может быть сравнено с тем, что делает стрелочник, переводящий поезд на другие рельсы»²⁷.

Откликаясь на современные дискуссии о возможностях авторского перевода, в которых, в частности, обсуждался вопрос о том, что русскоязычный текст — новое произведение автора, что специфика языка побуждает писателя давать новый вариант, Х. Байрамукова пишет: «Авторский перевод на русский язык, по моему мнению, не может быть произведением от оригинала, ведь написан и переведен одним и тем же человеком, другое дело, ввиду своеобразия обоих языков, бывают расхождения в каких-то деталях. Мой скромный опыт убеждает меня в этом»²⁸.

Русскоязычное творчество и авторский перевод — еще одна грань обогащения возможностей северокавказских литератур.

Велика роль русского языка и в функционировании литературных произведений, созданных писателями Северного Кавказа. Благодаря переводам, они получают выход не только к русскому, но и к всесоюзному и зарубежному читателю. «Кто бы знал о нас и нашей жизни, о наших чувствах, если бы не русский язык! Поклон тебе за все это!»²⁹, — эти слова Абу-Бакара могут служить эпиграфом к рассказу о выходе северокавказских литератур на всесоюзную и мировую арену. На этот факт обратил особое внимание и Кайсын Кулиев, выступая на V съезде писателей РСФСР. «Поэты, пишущие на языках разных народов нашей многонациональной и многоязычной Родины, с благодарностью и признательностью помнят о том, какой радостью для них стало то, что их книги переводятся на русский язык, таким путем приобретая многомиллионную читательскую аудиторию. Только таким образом написанное на аварском или калмыцком языках доходит до народов страны и мира.

Это — небывалое явление! В это стоит вдуматься еще и еще раз»³⁰.

Осознание многогранных функций русского языка в развитии литературы горских народов, их культуры в целом, ведет к оценке русского языка в контексте ре-

волюционных завоеваний и претворения в жизнь ленинской национальной политики. По словам К. Кулиева, русский язык — это «язык бессмертной ленинской мысли», для Р. Гамзатова, — «язык могучий, на котором шпал и разговаривал Ильич».

«На этом языке великий Ленин с народом всей планеты говорил», — писала Халимат Байрамукова, а Максим Геттуев напоминает о заповеди Маяковского, когда говорит о русском языке, подаренном ему Советской властью: «...Это на нем разговаривал Ленин!»

Признание огромной общественной роли русского языка вдохновляет писателей-горцев на создание образных образов первых учителей русского языка, пришедших по зову сердца в горские школы. Это — Борис Игнатьевич в поэтических произведениях К. Кулиева, первые русские учительницы, которым посвящены поэма Н. Хубиева и очерк Х. Байрамуковой «Возрождение», образ русского учителя в повести Абу-Бакара «Два месяца до звонка» и др. Постоянное внимание к роли русского языка в жизни горских народов в художественном творчестве и критических выступлениях писателей Северного Кавказа не только проливает свет на научные проблемы литературного развития, но и способствует интернациональному воспитанию читателей.

---

¹ Актуальные проблемы изучения русского языка в советском обществе: Научно-аналитический обзор. М., ИНИОН, 1984.

² Значение русской культуры и русского языка для развития культур и языков народов Северного Кавказа (Галазов А. Ф., Гамзатов Г. Г., Исаев М. И. и др. — В кн.: Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI — 70-е годы XX в.). Грозный, 1982; Хабичев М. А. Роль русского языка в интернациональном воспитании, в укреплении дружбы и братства между народами СССР. — В кн.: К вопросам русской и национальной филологии, вып. УП. Ставрополь, 1975; О роли русского языка и русской культуры в развитии языков и культур народов Северного Кавказа (Тресков И. В., Керашева З. И., Кулаев Н. Ф., Туркаев Х. В. — В кн.: Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976).

³ Дифференцирующие функции — это те социальные функции, которые выполняет язык в процессе его функционирования в той или иной сфере человеческой деятельности... В каждой сфере, например науки, искусства, печати, общественные функции могут подвергаться внутренней дифференциации (Дешериев Ю. Язы-

ковые проблемы многонационального советского общества. — Вопросы языкознания. М., 1982, № 6, с. 16.

⁴ Абу-Бакар А. Брат мой русский. — Правда, 1982, 29 августа.

⁵ Шовкринский Ю. Очередные задачи советских писателей Дагестана — Даг. правда, 1934, 29 июня.

⁶ Среди многочисленных работ о творчестве русскоязычных писателей надо выделить книгу научного сотрудника Института русского языка АН СССР Михайловской Н. Г. — Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. (М., 1984).

⁷ Ахматова Р. Рассвет и горы. М., 1981, с. 97.

⁸ Русская речь. М., 1982, № 5, с. 13.

⁹ Там же, с. 15.

¹⁰ Хубиев Н. Традиция и новь. — Молодая гвардия. М., 1971, № 6, с. 292.

¹¹ Русская речь, 1982, № 5, с. 12.

¹² Там же, с. 13.

¹³ Там же, с. 12.

¹⁴ Ахматова Р. Рассвет и горы, с. 98.

¹⁵ Кулиев К. Ответственность. — Лит. газета, 1981, 26 августа.

¹⁶ Письмо Байрамуковой Х. от 19 января 1985 г. (Личный архив автора).

¹⁷ Карим М. Родина, хлеб, любовь. — Лит. газета, 1981, 21 апреля.

¹⁸ Русская речь. М., 1982, № 5, с. 13.

¹⁹ Кулиев К. Ответственность. — Лит. газета, 1981, 26 августа.

²⁰ Запись выступления А. Шогенцукова по Всесоюзному радио от 24 июня 1981 г.

²¹ ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 6, ед. хр. 541, 768.

²² Там же, ед. хр. 768, л. 85 об.

²³ Байрамукова Х. Ук. письмо.

²⁴ Там же.

²⁵ Литературное обозрение. М., 1984, № 8, с. 39—40.

²⁶ Слова, пришедшие из боя. М., 1980, с. 245.

²⁷ Потенция А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976, с. 260

²⁸ Байрамукова Х. Ук. письмо.

²⁹ Абу-Бакар А. Брат мой русский. — Правда, 1982, 29 августа.

³⁰ Литературная Россия, М., 1980, 19 декабря.

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Великая Октябрьская социалистическая революция провозгласила равноправие всех народов России, тем самым обеспечив возможность развития языков народов СССР и одновременно открыла дорогу для функционирования языка межнационального общения.

В наследство от буржуазно-помещичьего прошлого нам достались не только вызванная империалистической и гражданской войнами разруха в области хозяйства, но и крайне низкий уровень культуры. К 1920 г. в сельских местностях среди социально-активных групп населения (9—49 лет) грамотные составляли 37,7 процентов¹, причем главным образом за счет наиболее крупных народов, обладающих в той или иной степени письменной традицией. У большинства же народов уровень грамотности был значительно ниже, а у самых малых и отдаленных от промышленных и культурных центров народов нашей страны, таких, например, как народы северных окраин, он колебался от нуля до восьми сотых процента.

В языковом строительстве нашла как одно из своих воплощений ленинская идея пробуждения национального самосознания и самоопределения всех больших и малых народов в условиях социалистического государства.

Языковое строительство явилось в то же время, с одной стороны, результатом, а с другой — необходимым условием успешной реализации другого ленинского завета — культурной революции.

Параллельно и в тесном взаимодействии с этим складывалась в нашей стране новая историческая общность людей — советский народ, что в области языковой проявилось в двустороннем процессе дальнейшего

развития всех национальных языков и выдвигении русского языка на роль главного средства межнационального общения, средства овладения высотами социалистической и мировой культуры.

Двуязычие — довольно сложное по своему содержанию понятие: «Для уточнения его нужно четко отметить два типа двуязычия: региональный и национальный. Первый из них представляет собой сосуществование двух и большего числа языков на ограниченной по административно-государственному или географическому принципу территории, населенной двумя и большим числом народов, из которых каждый имеет свой особый язык и пользуется в повседневном общении только или преимущественно им. Так обстоит дело, например: в Канаде, Бельгии, Швейцарии, Индии, Китае, являющихся двуязычными и многоязычными государствами. Это же характерно и для СССР, взятого в целом.

Второй тип — национальное двуязычие исходит не из географического (территориального) принципа, а из этнического (национального) и представляет собой сосуществование двух и более разнонациональных языков у одного народа, что характерно, например, почти для каждого из народов СССР. ...При региональном двуязычии каждый отдельный человек, как и народ, к которому он принадлежит, в принципе одноязычны, тогда как при национальном двуязычии каждый человек и каждый народ двуязычны. В первом случае, разные языки сосуществуют как параллельные линии, нигде не пересекаясь, а во втором — они не только сосуществуют, но и взаимодействуют, распределяя между собой сферы употребления, или чередуясь в речевой практике всех и каждого в зависимости от речевой ситуации»².

Политика царского самодержавия, ставившего своей целью натравливать одни народы на другие, неграмотность, и ряд других причин тормозили языковое общение и распространение русского языка. Ликвидация социального и национального гнета, равноправие всех народов и всех языков привели к тому, что после Октябрьской революции русский язык, занимая в политическом и правовом отношении равное положение среди всех остальных языков, стал выполнять функции языка межнационального общения в несравненно более широких масштабах, чем прежде. Не принуждение, а естественно возникающее стремление народов нашей страны

овладеть языком, понятным для большинства населения других республик, обусловило широкое распространение русского языка среди всех советских народов.

Истоки этой тенденции берут свое начало в дооктябрьский период. Эту тенденцию предвидел В. И. Ленин, указывающий, что «потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства»³.

Все возрастающая роль русского языка, как языка межнационального общения народов СССР, является магистральной линией взаимодействия языков народов СССР в советскую эпоху. Общая оценка этого процесса дана в проекте новой редакции Программы КПСС: «...овладение, наряду с языком своей национальности, русским языком добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники отечественной и мировой культуры»⁴.

Расширение функций русского языка осуществляется на основе ленинского принципа добровольного приобщения нерусских народов к русскому языку. В связи с этим представляет интерес и то, как В. И. Ленин, признавая выдающуюся и все возрастающую в нашей стране роль русского языка как средства межнационального общения, не уставал повторять, что и родным языкам всех нерусских народов нужно уделять неослабевающее внимание, причем именно вторую сторону этого вопроса он подчеркивал особенно настойчиво.

«В. И. Ленин видел одну из первоочередных задач партии, государства, всех общественных организаций в идеологическом воздействии на самые широкие массы населения. Особенно подчеркивал он важность такой работы среди народов Востока и других столь же или еще более отсталых в культурном и социально-экономическом отношении народов.

Революция должна была пробудить эти народные массы к активному участию в политической жизни страны, в строительстве социалистического общества, для чего нужно было прежде всего ликвидировать массовую неграмотность, которая в то время, как уже го-

ворилось, превышала у многих народов 80—90 процентов, а у некоторых доходила почти до 100 процентов, нужно было вложить в головы людей большую сумму новых, прогрессивных идей и самых разнообразных положительных знаний, нужно было перевоспитать их в духе социалистической идеологии и морали. Чтобы лучше выполнить эти задачи, необходимо было обращаться к людям на наиболее понятном им языке»⁵.

В докладе о текущем моменте на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. В. И. Ленин говорил о задачах применения общекommунистической теории и практики к своеобразным условиям отсталых в то время стран Востока. В частности, он говорил о необходимости ведения коммунистической пропаганды «на понятном для народа языке», о необходимости перевода истинного коммунистического учения «на язык каждого народа», о необходимости сказать трудящимся Востока «на понятном для них языке», что их единственный союзник — международный пролетариат⁶. Совсем не случайно то, что на протяжении всего одной страницы ленинского текста «понятный», т. е., родной язык, как наиболее надежное орудие пропаганды, упомянут трижды.

«И мы, разумеется, стоим за то, — писал В. И. Ленин, — чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной... Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки»⁷.

Главным фактором, определившим рост потребности в средстве межнационального общения в нашей стране, явились социально-политические и экономические преобразования, происшедшие за годы советской власти, формирование новой исторической общности — советского народа. Распространение двуязычия в СССР обусловлено особенностями социально-экономического, политического и духовного развития — единым народнохозяйственным характером экономики, прогрессирующими процессами сближения и взаимообогащения культур, интернационализацией всех сфер человеческой деятельности.

Роль и значение русского языка, являющегося сред-

ством межнационального общения, постоянно возрастают, однако это вовсе не оказывает, как пытаются утверждать наши идейные противники за рубежом, отрицательного воздействия на развитие и успешное функционирование национальных языков. В отличие от капиталистических стран, где языковое неравенство узаконено национальной политикой правящих классов, распространение двуязычия в условиях социалистического общества происходит на основе равноправия всех языков, населяющих страну народов.

Развитие двуязычия — объективный, закономерный, но в то же время сложный и длительный процесс. Попытки его искусственного форсирования или торможения являются одинаково ошибочными и вредными. Его развитию нужно способствовать, его следует направлять.

Интересы развития советского общества настоятельно требуют от людей знания и родного, и русского языка. В силу того, что национальные различия «останутся еще долго, вплоть до победы коммунизма в мировом масштабе»⁸, двуязычие соответственно с расширением функций национальных языков и сохранением необходимости в языке межнационального общения будет действовать и развиваться⁹.

Наглядным отражением распространения двуязычия в современных условиях является советская художественная литература. На родном и русском языках пишут киргиз Ч. Айтматов, чукча Ю. Рытхэу, абхазцы Г. Гулиа и Ф. Искандер, молдаванин И. Друцэ, казах О. Сулейменов и многие другие.

Свидетельством возрастающего интереса народов СССР к достижениям друг друга является объем изданий переводной литературы. Удельный вес тиражей переведенных книг и брошюр составляет: в республиках Закавказья — 39,6 процентов, республиках Прибалтики — 46,4 процента, Средней Азии и Казахстана — 37,2 процента. В настоящее время в союзных республиках выпускается более 50 серий, полностью состоящих из книг писателей братских литератур или включающих их произведения. В том числе—«Сокровища братских литератур» (издательство «Днипро»), «Библиотека русского романа» («Современник»), «Дружба» («Жазуши»), «Поэзия народов СССР» («Мастацкая литература»), «Сказки 15 сестер» («Малыш»). В

одном из своих выступлений на страницах печати известный писатель Ч. Айтматов подчеркивал: «...Считаю, что в условиях XX века способом сохранения и развития национальных языков и одновременно избежания национальной замкнутости и удушающей изолированности — это процесс диалектически двуединый — является билингвизм: двуязычие!»¹⁰

Именно по такому пути, в этом направлении строится наша языковая политика: приобщаясь к мировой культуре с помощью русского языка, всемерно развивать и пестовать национальные языки, обеспечивая им действенные возможности и перспективы»¹¹.

Такие возможности и перспективы были созданы и для языков и национальных литератур народов Карачаево-Черкесии. В первые же годы советской власти создаются все условия для развития национальных культур. Разрешение этих задач у разноязычных народов Кавказа осуществлялось в процессе дальнейшего национально-государственного строительства, когда из состава Горской республики последовательно выделился ряд автономных национальных областей и в том числе Карачаево-Черкесская автономная область.

В резолюции X съезда по национальному вопросу было отмечено, что задача советской национальной политики заключается не только в том, чтобы предоставить право и возможность ранее угнетенным народам развивать культуру, школу и другие учреждения на своем национальном языке, но и в том, чтобы русский пролетариат политически, экономически и культурно пришел на помощь национальным окраинам¹².

В целях планомерного содействия культурному развитию горских народов постановлением Северо-Кавказского крайисполкома от 7 апреля 1926 г. был организован Крайнацсовет, в компетенцию которого входили разработка и представление на утверждение Крайисполкома проектов постановлений по вопросам культуры, просвещения, письменности, языка и национальной печати.

В мае 1926 г. в Ростове-на-Дону было организовано Северо-Кавказское краевое национальное издательство (Крайнациздат), являвшееся отделением Центрального издательства (Центриздат) народов СССР. Одной из задач Крайнациздата было обеспечить автономные области учебно-педагогической, общественно-

политической и другой литературой на родных языках.

Важную роль в приобщении трудящихся масс к социалистической культуре имело создание родной письменности и нормализации родного языка. Как пишет исследователь, «создавая новую советскую карачаевскую культуру, прежде всего необходимо было преодолеть силу традиций мусульманского образования и недооценку родного языка»¹³.

«Огромное значение для успехов культурного строительства имело создание в 1928 г. нового алфавита на латинской основе. Арабица затрудняла передачу фонетических особенностей горских языков и создавала большие трудности в деле ликвидации неграмотности. Новый алфавит существенно облегчал организацию просвещения и книгоиздательства на родных языках»¹⁴.

В 1932 г. был разработан абазинский алфавит. «Создание письменности обеспечило возможность развития национальной по форме и социалистической по содержанию абазинской культуры, и в первую очередь, литературы»¹⁵.

В эти же годы были созданы отделения союза писателей СССР в Карачае и Черкесии, что активизировало работу писателей на всех уровнях, в том числе и в области переводов. Появляются в переводах А. Биджиева «Песня о Соколе» М. Горького, «Сон Макара» В. Короленко; в переводе Х. Крымшамхалова отрывки из «Испанского дневника» М. Кольцова и рассказы А. П. Чехова.

М. Урусов издает цикл переводов из А. С. Пушкина «Послание в Сибирь», «Утро», «Памятник», «Зимний вечер», «Обвал», «Зимняя дорога» и др. О. Хубиев переводит «Завещание» Т. Шевченко.

Плодотворность развития языковых отношений в направлении двуязычия была понятна в первые же годы советской власти. Общий для всей страны процесс ликвидации безграмотности для национальных окраин становился двуединным: параллельно с освоением русского языка шел процесс освоения родных языков, как языков литературных. Так, в 1922 г. в Черкесске (тогда Баталпашинск) начала выходить на русском языке областная газета «Горская беднота». В 1924 г. она получила название «Горская жизнь», и в ней, наряду со статьями на русском языке, стали публиковаться материалы на карачаево-балкарском языке. В 1924 г.

была создана газета «Черкесская жизнь». С 1938 г. выходит самостоятельная абазинская газета под названием «Красная Черкесия». Молодые литературы рождались и крепились, проходя путь от газетного очерка, статьи, фольклорной публикации до подлинно художественных произведений. Поскольку первые литературные опыты местных писателей публиковались на страницах газет, служили дидактическим материалом для учебных пособий, букварей, то именно эти издания стояли у истоков формирования национальных литератур¹⁶.

Почти все карачаевские, черкесские, абазинские и ногайские писатели начинали свою литературную деятельность в газете. Корреспондентами были поэт Исса Каракотов, зачинатель карачаевской письменной советской литературы, Абидад Боташева, Азрет Уртенев, Даут Байкулов. Таким же путем пришел в литературу Т. Табулов, П. Цекон, Х. Жиров. В эти же годы создаются национальные издательства, выпускаются словари, появляются переводы на родные языки с русского художественных произведений и общественно-политической литературы и обратные переводы на русский язык произведений устного народного творчества, пьес, поэм, рассказов. Исследователи отмечают огромную роль русской литературы в этом процессе национального культурного и языкового строительства. «Молодые адыгские литераторы вполне отдавали себе отчет в том, какое значение для их совершенствования имеют высокие примеры русской классической литературы — Пушкин, Толстой, Лермонтов, и усваивали их благоговейное отношение к лучшим народным традициям, разработанные ими формы и интерпретации фольклора»¹⁷.

С 1924 по 1930 гг. на карачаевский язык были переведены «Интернационал» И. Каракотов, У. Дж. Алиев), басни Крылова (И. Тебердичи (Крымшамхалов), поэма Лермонтова «Демон» (А. Биджиев), пьеса осетинского драматурга Д. Кусова «Мариам» и др.

Большое значение для развития национальной литературы имело образование к середине 30-х годов специальных научно-исследовательских центров. В городах Микоян-Шахаре и Черкесске были основаны научно-исследовательские институты, занявшиеся изучением проблем национального фольклора, истории, этнографии, письменности.

Таким образом, возникновение и развитие нацио-

нальной письменности и национальной литературы было обусловлено всей культурной политикой Коммунистической партии и Советского правительства, выразившейся:

- 1) в создании и совершенствовании письменности;
- 2) в издании учебников и учебных пособий на языках народов области и ликвидации безграмотности;
- 3) развитию периодической печати;
- 4) в деятельности национальных издательств по созданию книжного фонда на родном языке.

Создание отделений Союза писателей СССР в национальных областях и участие карачаевских, черкесских писателей в работе I съезда советских писателей сыграли огромную роль в осознании деятелями культуры задач, стоящих перед советской многонациональной литературой. Дальнейшее развитие национальных литератур на родных языках проходило во все более активном и плодотворном взаимодействии с русской литературой, с литературой советской, многонациональной.

Народы нашей области, как и все народы нашей многонациональной страны, живут на стыке культур и как бы в нескольких языковых сферах. В этом суть нашей действительности и, следовательно, суть нашей языковой политики: приобщаясь к мировой культуре с помощью русского языка, всемерно развивать национальные языки, обеспечивая им действенные возможности и перспективы, что и делается постоянно в нашей социальной культурной практике.

Большинство населения таких многонациональных регионов, как Карачаево-Черкесская автономная область, говорят и общаются на двух языках — родном и русском. Ни один писатель, тонко чувствующий социальную, эстетическую действительность, не может пройти мимо этого явления. Вероятно, поэтому заметной тенденцией во всех национальных литературах стало появление писателей, которые пишут и пишут талантливо, и на родном, и на русском языке, или сами переводят свои произведения. Широко известны не только у нас в СССР, но и за его пределами произведения киргиза Ч. Айтматова, казаха О. Сулейменова, армянина Г. Матевосяна, грузина Н. Думбадзе, азербайджанца Р. Ибрагимбекова и многих других. Русский язык стал той связующей нитью, которая привела

к ним всесоюзного, а затем и мирового читателя. Их же книги, в свою очередь, обогатили не только их родную, но и советскую, и мировую литературу.

Аналогичные процессы происходят сегодня и в литературах нашей области. Писал и сам переводил на русский язык свои рассказы и повести карачаевский писатель М. Батчаев. Герои его талаптливой прозы Серебряный дед, Хочалай, Алибек и др. близки и понятны каждому читателю, независимо от его национальности. Столь же широкое признание получили рассказы и повести ногайского писателя Иссы Капаева, вышедшие на русском и ногайском языках, поднимающие острые вопросы современной жизни. Их повести, как и произведения современных абазинских и черкесских писателей, выдержаны в фольклорных эпических традициях, эта фольклорность, эпичность повествования есть, по существу, проявление глубоко народной стихии их прозы. Это сказывается как в форме, так и в сути. Но эта полнота и богатство национального мира народа, сегодняшняя духовная жизнь которого сложно определяется всем предыдущим историческим опытом его, становятся доступными широчайшему кругу инонационального читателя благодаря могучему средству взаимообщения и взаимообогащения народов и наций, благодаря русскому языку. На этом языке и через него приходит ко всем читателям глубина мировосприятия каждого народа, глубина его веками накапливаемой мудрости, его опыта, вливающегося хоть малой частицей в гуманистический общий опыт человечества.

Как известно, социально-историческая зрелость общества ни в чем не проявляется наглядней, чем в отношении к языку или языкам. И наша действительность всеми фактами своего литературного, языкового, культурного развития доказывает высочайшую ступень развития советского общества, общества, в котором сегодня равноправно развиваются и процветают все народы Советской страны.

---

¹ Народное образование, наука и культура в СССР: Статистический сборник. М., 1971, с. 21.

² Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975, с. 129.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 423.

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция), проект — М.: Политиздат, 1985, с. 45.

⁵ Аврорин В. А. Указ. соч., с. 194.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 329—330.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 295.

⁸ Федосеев В. Н. Теоретические проблемы развитого социализма и коммунистического строительства. — Коммунист, 1976, № 15, с. 50.

⁹ Губогло М. Н. К изучению перспектив развития двуязычия у народов СССР. — История СССР, 1978, № 1, с. 27.

¹⁰ Диалог «Донести до сердец людей» Чингиза Лйтматова и Фаиза Ахмада Фаиза, записанный М. Солганик. — Литературная газета, М., 1983, № 38, (4948), 21 сентября, с. 11.

¹¹ Там же.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М.: Политиздат, 1970, с. 246—256.

¹³ Караева А. И. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966, с. 48.

¹⁴ Там же, с. 46.

¹⁵ Тугов В. Б. Очерк истории абазинской литературы. Черкесск, 1970, с. 76.

¹⁶ Алийланы Умар. Джангы къарачай элиблер. М., 1924; Биджаланы Асхат. Билим. Бир бачхычлы школланы 2-чи джылларыны дерс китабы. М., 1926; Ертеиланы Азрет. Джангы джырла. Ростов-на-Дону, 1927; Биджиланы Асхат. Билим. Бир бачхычлы школланы 2-чи джылларыны дерс китабы. Москва—Ростов-на-Дону, 1928.

¹⁷ Бекизова Л. А. От богатырского эпоса к роману. Черкесск, 1974, с. 175.

РУССКИЙ ЯЗЫК — МОГУЧИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ СССР.

Анализ языка, его возникновение, формирования, развития и, тем более, его исторического места нельзя проводить в отрыве от истории общества. «Язык также древен, как и сознание»¹. Сознание же представляет собой то или иное отражение общественных отношений. Язык — продукт и предпосылка труда, общества — один из главных элементов, свойств общества как исторического процесса. По своей сложности, динамичности и информативности язык сравним только с самой историей общества. С попытками рассматривать судьбы языков вне связи с диалектикой общественных отношений, на наш взгляд, связаны возможности мистификаций по поводу того или иного языка на различных этапах истории различных народов. Каждый язык означает в судьбах одного, нескольких или всех народов ровно столько, сколько это обуславливается развитием общественных отношений вообще, общественно-экономических отношений в особенности.

Классики марксизма — ленинизма неоднократно отмечали в русском языке два обстоятельства²: (а) свойства русского языка как такового, как системы, и (б) возрастание значения изучения русского языка ради раскрываемой им литературы. В первом случае отмечали красоту, силу, богатство и образность русского языка, во-втором — причины, обусловившие превращение русского языка в один из мировых языков, в весьма важный фактор международной жизни, мирового революционного процесса.

В связи с этим Фридрих Энгельс в июле — сентябре 1884 года писал: «Знание русского языка, —

языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы, — теперь уже не такая редкость, по крайней мере, среди немецких социал-демократов»³.

Развитие общественных отношений в мире капитализма в целом, его противоречий, социально-экономических и общественно-политических отношений в России, их противоречий и на этой основе революционной теории марксизма, в частности, — как это было отмечено Ф. Энгельсом, — превращают, начиная с последней трети XIX в., русский язык, литературу на русском языке в один из расширяющихся источников развития марксистской науки и тем самым в один из важных факторов мирового революционного движения. Здесь уместно привести некоторые, хотя и неполные, статистические данные. Так, выпуск только произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в СССР на всех языках за 1917 — 1981 годы составил 3408 книг и брошюр (печатных единиц) с тиражом в 127449 тыс. экземпляров. Выпуск их произведений за этот период на русском языке составил 1045 книг и брошюр с тиражом в 97817 тысяч экземпляров⁴. Эти неполные данные, кроме всего прочего, характеризуют превращение и русского языка в посетителя революционной теории К. Маркса и Ф. Энгельса.

Последующее развитие общественных отношений мирового капитализма, его противоречий, их перемещение в Россию приводят к тому, что защита, всестороннее обобщение и развитие всех составных частей марксизма, его наиболее полное изложение осуществляются на русском языке, в русской коммунистической литературе. Это, прежде всего, относится к гениальным трудам В. И. Ленина. Русский язык, раскрываемая им литература тем самым становится первоисточником марксизма-ленинизма. Этим, прежде всего, объясняется тот факт, что внимание революционных сил всех народов, начиная с последней трети XIX в., в растущей мере приковывается к русскому языку, к марксистско-ленинской теории, нашедшей свое наиболее полное и динамично развивающееся отражение в русской марксистско-ленинской литературе, в трудах В. И. Ленина, в документах КПСС, в трудах руководителей КПСС и советских исследователей. Яркой иллюстрацией неуклон-

ного возрастания интереса трудящихся СССР и других стран мира к русскому языку, к раскрываемой им марксистско-ленинской литературе являются издания трудов В. И. Ленина. Так произведения В. И. Ленина за 1894—1917 годы (по неполным данным) были изданы 212 раз тиражом около 574 тыс. экземпляров. Выпуск произведений В. И. Ленина за 1917—1981 годы на всех языках составил 15081 книгу и брошюру с тиражом в 576,3 млн. экземпляров. За годы советской власти произведения В. И. Ленина (включая собрания сочинений) издавались в СССР на 119 языках, в том числе на 66 языках народов СССР и на 53 языках народов зарубежных стран⁵.

Русский язык становится языком марксистско-ленинской революционной теории. Поэтому пропаганда марксистско-ленинской теории среди трудящихся как социалистических, так и капиталистических стран ныне является пропагандой литературы на русском языке, как основного нервного источника революционной теории. Пропаганда же русского языка в современную эпоху — это пропаганда достижений СССР во всех областях научных, технических знаний, в общественной и политической жизни. В связи с этим неуклонно растет число государств, где преподавание русского языка официально вводится в программы учебных заведений. На конец 1977 года число таких государств достигло 67⁶. В связи с этим использование русского языка, как языка социально-экономического прогресса и средства межнационального общения, становится объектом нападок буржуазных фальсификаторов. Здесь целью классового врага является разрушение одной из высших ценностей социализма, а именно: разрушение растущего интернационального единства советского народа. Враг знает, что «важным фактором укрепления социально-политического и идейного единства советского народа»⁷ является наличие единого средства межнационального общения — русского языка, ставшего вторым родным языком народов СССР. Это подтверждается, кроме всего прочего, итогами переписи населения страны. При переписи в 1979 г. русский язык назвали родным 153,5 млн. человек, из них 137,2 млн. чел. русских и 16,3 млн. человек других национальностей. Кроме того, 61,3 млн. человек заявили, что они свободно владеют русским языком в качестве второго языка. Итак, 82 процента

населения СССР свободно владеют им⁸. Эти данные говорят о непреходящем значении русского языка в жизни народов СССР. Это отмечается в творчестве многих поэтов народов нашей страны. Так, например, балкарская поэтесса Тапзиля Зумакулова, имея в виду значение родного языка и русского, пишет:

Забыв родной язык — я онемею,
Утратив русский — стану я глухой.

Ускорение темпов невиданного расширения процессов изучения и использования русского языка, возрастание его роли и значимости в судьбах народов СССР и всего мира обуславливается не только тем, что он стал языком революционной теории марксизма-ленинизма, но и тем, что Великая Октябрьская социалистическая революция в России, на родине русского языка, начала всемирно-исторический процесс перехода человечества от капитализма к социализму, коммунизму. Русский язык — язык первой победоносной социалистической революции, рабочий язык всемирно-исторического процесса перехода человечества к коммунизму, социализму. Указанный процесс обуславливает всемирно-историческое значение русского языка. Изучение и применение русского языка во всем мире приобретает черты всеобщности. Ныне легче пересчитать страны, где он не изучается, чем где изучается.

Родина Великого Октября стала классической страной социализма. Наша страна — классическая страна социализма в том смысле, что это (1) первая страна социализма, (2) страна, которая начала процесс перехода человечества к социализму, коммунизму и представляет собой авангард мирового революционного процесса, (3) страна, огромная по своей территории, населению и экономической мощи, (4) страна со множеством наций, народностей и этнических групп, в которой были представлены почти все основные ступени развития человеческого общества, (5) страна, где в указанных сложнейших условиях социализм прошел ряд стадий: стадию возникновения, становления на собственной основе и вступления на этапы развитого социализма и его совершенствования. Марксистско-ленинская революционная теория здесь впервые в мире всесторонне применялась во всем своем объеме. Она, с одной стороны, стала духовной базой социалистической

практики, с другой — питалась, обогащалась этой практикой. Все это представляет собой неоценимое богатство, достояние, неоценимый опыт для стран, вступающих и вступающих на путь строительства социализма вслед за СССР. Именно в этом смысле мы называли СССР классической страной социализма. Поэтому язык советского народа — русский язык — является языком наиболее полно и всесторонне отражающим теорию и практику прохождения социализмом всех указанных его стадий. Возрастание роли и значимости русского языка для народов СССР и всего мира в нашу эпоху связано и с всемирно-историческим процессом научно-технической революции. Исследование проблем методологии и теории научно-технической революции выходит за границы, определенные задачами данной статьи. Здесь их мы затрагиваем лишь в той мере, в какой это необходимо.

Научно-техническую революцию и социализм нельзя рассматривать как взаимно чуждые, находящиеся вне друг друга явления⁹. Не случайно, а закономерно то, что в XX в. начались всемирно-исторические процессы: (1) переход человечества к социализму, коммунизму, (2) научно-техническая революция. Закономерность эта заключается в том, что в основе указанных процессов лежит одна и та же объективная причина — достигнутый в XX веке уровень развития общественного характера производительных сил труда, самого труда, производства¹⁰.

Уровень развития общественного характера производства, с одной стороны, создает необходимые условия для развития этих процессов, с другой — порождает их объективную необходимость. Социализм и научно-техническая революция, в свою очередь, гигантски ускоряют развитие общественного характера труда, производства. Все эти процессы углубляют общий кризис капитализма. В связи с этим научно-техническая революция и коренные сдвиги в структуре исторически сложившихся систем становятся одним из главных направлений обостряющейся борьбы между развивающимся социализмом и умирающим капитализмом. Одним из следствий этой борьбы становятся изменения в языковой жизни народов мира. Научно-техническая революция ведет, во-первых, к обновлению каждого национального языка как системы, во-вторых, к обновле-

нию исторически сложившейся системы мировых языков, соотношения связей и зависимостей языков народов Земли. Ряд основных направлений всемирно-исторического процесса научно-технической революции возникли на русском языке благодаря планомерному развертыванию преимуществ социализма. На русском языке впервые осуществлена теория и практика указанных направлений. Следовательно, интерес стран мира, их народов и правительств к научно-технической революции приводит к изучению и использованию языка этой революции — русского языка.

Анализ основных направлений научно-технической революции — предмет специальных исследований. Здесь мы в самых общих чертах рассмотрим лишь одно из них: превращение науки о природе и обществе в основную духовную базу общественного производства¹¹—процесс, возникший и приобретший собственное лицо и всеобщее признание впервые в СССР¹² на русском языке. Русский язык — первая языковая форма возникновения и превращения указанного процесса во всеобщность. Процесс превращения науки о природе и обществе в исторически новую, основную духовную базу общественного производства характеризуется рядом объективных законов общественного воспроизводства в процессе научно-технической революции. Они сводятся к следующим моментам. Рядом и на основе производства материальных благ возникло общественное производство научных знаний о природе и обществе. Общественное воспроизводство материальных благ превратилось в воспроизводство (1) материальных благ и (2) научных знаний о природе и обществе¹³. Второе исторически возникло из первого, но стало необходимой, существенной, устойчивой, повторяющейся предпосылкой, т. е. объективным законом первого. Иначе говоря, опережающее развитие производства научных знаний по сравнению с производством материальных благ стало законом общественного воспроизводства в процессе научно-технической революции.

Первоначальной исторической основой этого переворота в теории и практике воспроизводства стали реальный социализм в СССР, планомерная организация производства научных знаний о природе и обществе в общегосударственном масштабе, где средством международного общения стал русский язык. Этот перево-

рот, осуществляющийся в основе материального производства, приводит к дальнейшему развитию марксистско-ленинской теории воспроизводства первоначально на русском, а затем на других языках народов СССР, других стран мира. Указанное развитие науки находит свое отражение в формировании новых закономерностей воспроизводства в процессе научно-технической революции. В свое время К. Марксом открыты, а в последующем на русском языке развиты В. И. Лениным, научные основы теории воспроизводства материальных благ¹⁴. В связи с этим общеизвестно, что воспроизводство материальных благ состоит из подразделений:

I. Производство средств производства и

II. Производство предметов потребления.

Каждый из них, в свою очередь, состоит из двух подразделов:

I 1) производство средств производства для I подраздела,

2) производство средств производства для II подраздела,

II 3) производство предметов первой необходимости,

4) производство предметов роскоши.

Классики марксизма-ленинизма открыли закономерности соотношения этих двух подразделений и их четырех подразделов в процессе простого и расширенного воспроизводства. Эта теория нашла свое развитие и наиболее полное отражение на русском языке и через его посредство на других языках народов мира. Исторически первая в мире планомерная организация производства научных знаний о природе и обществе в общегосударственном масштабе в СССР¹⁵ объективно обусловила подведение под каждое из двух подразделений и их четырех подразделов соответствующие два подразделения производства научных знаний и четырех их подраздела¹⁶.

I. Производство научных знаний для производства средств производства.

II. Производство научных знаний для производства предметов потребления.

И каждый из них соответственно состоит из двух подразделов:

I а) производство научных знаний для производства средств производства I подразделению (см. «1»);

б) научных знаний для производства средств производства II подразделению (см. «2»);

II в) производство научных знаний для производства предметов первой необходимости (см. «3»);

г) производство научных знаний для производства предметов роскоши (см. «4»).

Если для выражения объективных закономерностей социалистического расширенного воспроизводства в процессе научно-технической революции применить знак больше ($>$) для обозначения темпов развития подразделений производства научных знаний, то они (закономерности воспроизводства) в основном сводятся к следующим моментам¹⁷.

$$\begin{array}{ll} I \text{ «а»} > I \text{ «1»}; & I \text{ «а»} > I \text{ «б»} \\ I \text{ «б»} > I \text{ «2»}; & 2 \text{ «б»} > II \text{ «в»} \\ II \text{ «в»} > II \text{ «3»}; & II \text{ «в»} > II \text{ «г»} \end{array}$$

Если же брать два основных подразделения производства научных знаний и материальных благ, то производство научных знаний для производства средств производства должно расти быстрее производства средств производства и производства научных знаний для производства предметов потребления. Общим проявлением этих закономерностей в процессе научно-технической революции является закон опережающего роста производства научных знаний для производства материальных благ по сравнению с ростом самого этого материального производства.

С указанными процессами воспроизводства прямо связаны возрастание всемирно-исторической значимости русского языка и его революционное влияние на судьбы народов СССР и всего мира. Эти закономерности истории обусловлены рядом объективных причин. Прежде всего, это, на наш взгляд, не вполне еще осознанное по своей исторической значимости единство двух противоположных процессов: процесса сужения, отрицания эмпирических знаний как духовной базы производства, следовательно, общества и процесса превращения науки о природе и обществе в определяющую духовную основу общественного производства,

следовательно, общества. В связи с этим русский язык, как язык советского народа, стал не только важным фактором указанного всемирно-исторического революционного процесса в духовной базе производства и общества, но и той революционной формой, которая, во-первых, достижения мысли и искусства каждой из более ста наций и народностей и этнических групп страны превращает в достояние всех их, всего советского народа: во-вторых, достижения мысли и искусства народов всего мира превращает в достояние каждой из более ста наций и национальностей, в-третьих, отражая достижения мысли, техники и искусства каждого из народов СССР, он их делает доступным всем народам мира. Следовательно, русский язык, являясь языком революционных преобразований, обновляющих мир, становится могучим фактором ускорения социального и экономического развития народов СССР.

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 3, с. 29, 448, 449 и др.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 9, 11; т. 13, с. 243; т. 16, с. 163; т. 19, с. 5—26; т. 2, с. 356; т. 32, с. 183, 303, 304 и др.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 526.

⁴ Народное хозяйство СССР. 1922—1982. М., 1982, с. 531

⁵ Народное хозяйство СССР. 1922—1982. М., 1982, с. 531.

⁶ 60 победных лет. — М.: Политиздат, 1978, с. 188.

⁷ «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических республик». Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г.

⁸ Народное хозяйство СССР. 1922—1982, М., 1982, с. 34.

⁹ Узденов М. И. Научно-техническая революция: сущность и ее структура. Ростов-на-Дону, 1977, с. 7.

¹⁰ Там же, с. 3.

¹¹ Узденов М. И. Научно-техническая революция: сущность и ее структура. Ростов-на-Дону, 1977, с. 12 и др.

¹² Бернал Дж. Наука в истории общества.—М.: Изд-во иностранной литературы, 1956, с. 392.

¹³ Вороин В. М., Бугаян И. Р., Жданова Т. И., Узденов М. И. Региональная конференция по проблемам органического соединения достижений НТР с преимуществами социализма (Ростов-на-Дону, октябрь 1979 г.) — см.: Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1980, № 3, с. 79.

¹⁴ Ленин В. И. «По поводу так называемого вопроса о рынках». Разделы I—III. — Полн. собр. соч., т. I; «Развитие капитализма в России». Глава I. — Полн. собр. соч., т. 3; «Еще к вопросу о теории революции». — Полн. собр. соч., т. 4; «К характеристике экономического романтизма». — Полн. собр. соч., т. 2.

¹⁵ Келдыш М. Многонациональный Союз ССР и развитие науки. — Наука и жизнь, М., 1972, № 12, с. 25.

¹⁶ Узденов М. И. Проблемы развития теории социалистического расширенного воспроизводства в процессе НТР. — см.: Материалы региональной научной конференции 24—25 октября 1979 года по теме: «Проблемы органического соединения достижений НТР с преимуществами социализма и повышения эффективности общественного производства». Ростов-на-Дону, 1979.

¹⁷ См. Здесь же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Условия и тенденции развития языковых отношений в Карачаево-Черкесии (Гочияева С. А.)	5
Развитие национально-русского двуязычия в Карачаево-Черкесии и методы его изучения (Хабичев М. А.)	41
Влияние русского языка на формирование общественно-политической лексики в абазинском языке (Табулова Н. Т., Шишканова А. В.)	59
Функционирование многочленных предложных словосочетаний в разговорной речи и художественном диалоге (Шишканова А. В.)	82
О приемах преодоления фонетической интерференции в национальной аудитории (Клычев Р. Н.)	100
К вопросу изучения русских топонимов Карачаево-Черкесии (Ионова С. Х.)	107
Некоторые особенности современной ногайской антропонимии (Булгарова М. А.)	119
Географические названия КЧАО, возникшие от русских названий растений и животных, и их аналоги в других районах страны (Хапасев С. А.)	125
О лексических славянизмах без формальных признаков в современной публицистике (Чекменева Е. В.)	142
Калькирование с русского как способ образования сложных слов в современном ногайском языке (Айбазова Е. С.)	151
Словообразовательные свойства субстантивных композит карачаево-балкарского языка и их эквивалентов в русском и английском языках (Каракетов М. Д.)	171
О средствах выражения национального своеобразия в творчестве Г. Гулиа, пишущего на русском языке (Габуниа З. М.)	189
Роль русского языка в становлении и развитии национальных литератур народов Северного Кавказа (Ворожбитова А. А.)	196
Языковое строительство и национальные литературы (Караева З. Б.)	209
Русский язык — могучий фактор социально-экономического развития народов СССР (Узденов М. И.)	220

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ
ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ.**

Ответственный редактор Хабичев М. А.
Техн. редактор Н. И. Курочкина.

Сдано в набор 22.01.86 г.
Подписано в печать 30.07.86 г.
ВУ 90647. Формат 84x108^{1/32}.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура литературная.
Печать высокая.

Усл. п. л. 12,18. Усл. краско-оттисков 12,18. У.-изд. л. 12,18.
Тираж 300 экз. Заказ № 528.
Цена 70 к.

Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, Черкесск, Дом Советов.

Карачаево-Черкесская укрупненная типография,
357100, Черкесск, Первомайская, 47.